

Московский Центр Карнеги

Гражданское
общество
в многонациональных
и поликонфессиональных
регионах

Материалы конференции
Казань, 2—3 июня 2004 г.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
АЛЕКСЕЯ МАЛАШЕНКО

Гендальф · Москва · 2005

УДК 308(470+471)(06)
ББК 60.5(2Рос)
Г75

Civil Society in Multi-Ethnic and Poly-Confessional Regions

Электронная версия: <http://www.carnegie.ru/ru/pubs>

Издание осуществляется на средства некоммерческой неправительственной исследовательской организации — Фонда Карнеги за Международный Мир при финансовой поддержке благотворительных фондов Carnegie Corporation of New York, Starr Foundation и Charles Mott Foundation. В соответствии с условиями предоставления грантов издание распространяется бесплатно.

В книге отражены личные взгляды авторов, которые не должны рассматриваться как точка зрения Фонда Карнеги за Международный Мир или Московского Центра Карнеги.

Г75 Гражданское общество в многонациональных и поликонфессиональных регионах: Материалы конф.: Казань, 2—3 июня 2004 г. / Под ред. А. Малашенко; Моск. Центр Карнеги. — М.: Гендальф, 2005. — 118 с.

ISBN 5-88044-170-9

Сборник статей посвящен влиянию на формирование гражданского общества этнической и конфессиональной специфики регионов. Рассматриваются проблемы мультикультурализма в России, поликонфессиональности, толерантности, взаимодействия государства и общественных религиозных организаций, а также судьба татарского этноса, дискуссии о переводе татарского языка на латинскую графику. Завершает книгу статья, анализирующая бюджетно-налоговую политику.

УДК 308(470+471)(06)
ББК 60.5(2Рос)

Содержание

Об авторах	5
Введение (Алексей Малашенко)	6
<i>Лилия Низамова.</i> Идеология и политика мультикультурализма: потенциал, особенности, значение для России	9
<i>Ринат Набиев.</i> Взаимодействие государства и религиозных организаций в осуществлении социально значимых проектов в Татарстане	31
<i>Сергей Градировский.</i> Поликонфессиональность как ресурс и как угроза процессу формирования гражданского общества в России	42
<i>Ягъкуб Валиулла.</i> Татары в мусульманской умме России: потери, проблемы, перспективы	51
<i>Веналий Амелин.</i> Этническая толерантность в поликонфессиональном и многонациональном приграничном регионе России: состояние, проблемы повышения	58
<i>Рафик Мухаметшин.</i> Переход на латинскую графику в Татарстане: между научной целесообразностью и политической конъюнктурой	76
<i>Галина Морозова, Святослав Гусев.</i> Анализ бюджетно-налоговой политики в России в контексте развития социального государства	91
Заключение	114
Summary	115
О Фонде Карнеги	117

Contents

About the Authors	5
Introduction	6
<i>Lilia Nizamova</i> . The Ideology and Politics of Multiculturalism: Prospects, Distinctive Features, Significance for Russia	9
<i>Rinat Nabiev</i> . Interaction Between the State and Religious Organizations in Implementing Socially Significant Projects in Tatarstan	31
<i>Sergei Gradirovsky</i> . Poly-Confessionalism as a Resource and a Threat to the Formation of Civil Society in Russia	42
<i>Yagkub Valiula</i> . Tatars in Russia's Muslim Umma: Losses, Problems, Prospects.....	51
<i>Venaliy Amelin</i> . Ethnic Tolerance in a Poly-Confessional and Multi-Ethnic Russian Border Region: Where It Stands and How To Improve It	58
<i>Rafik Muhametshin</i> . Switching to the Latin Alphabet in Tatarstan: Between Scholarship and Politics.....	76
<i>Galina Morozova, Svyatoslav Gusev</i> . Analyzing Fiscal Policy in Russia in the Context of a Developing Socially Oriented State.....	91
Conclusion.....	114
Summary (in English).....	115
About the Carnegie Endowment for International Peace.....	116

Об авторах

Амелин Веналий Владимирович — доктор исторических наук, профессор, председатель Комитета по международным отношениям администрации Оренбургской области, Оренбург.

Валиулла Ягъкуб — первый заместитель муфтия Татарстана, Казань.

Градировский Сергей Николаевич — директор Центра стратегических исследований Приволжского федерального округа, Нижний Новгород.

Гусев Святослав Николаевич — кандидат экономических наук, заведующий отделом геолого-экономической оценки и прогнозирования Министерства экологии и природных ресурсов Республики Татарстан, Казань.

Морозова Галина Викторовна — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой прикладной политологии Казанского государственного университета, Казань.

Мухаметшин Рафик Мухаметшович — доктор политических наук, заведующий отделом истории общественной мысли и исламоведения Института истории Академии наук Республики Татарстан, Казань.

Набиев Ринат Ахметгалиевич — доктор исторических наук, председатель Совета по делам религий при Кабинете министров Республики Татарстан, Казань.

Низамова Лилия Равильевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Казанского государственного университета, Казань.

Введение

Состояние, в котором находится гражданское общество в России, трудно назвать определенным. С одной стороны, если взять за точку отсчета советскую эпоху, то за полтора десятилетия после ее конца в его формировании произошел стремительный скачок. Но, с другой стороны, в последние годы наблюдается топтание на месте и даже откат. У этого негативного феномена, на наш взгляд, две общие причины — объективная и субъективная.

Объективная причина состоит в том, что российское общество оказалось не в состоянии переварить стремительный темп перемен. Его политическая энергия, пик которой пришелся на первую треть 1990-х годов, сравнительно быстро исчерпалась. Экономические и политические реформы происходили со значительно большими издержками, чем предполагалось, что вызывало поначалу раздражение, а затем апатию населения. Ожидания от переустройства были слишком завышенными. Поэтому отсутствие скорых и только лишь позитивных результатов дискредитировало идею демократизации, гасит общественную активность людей.

Наконец, нельзя игнорировать и то обстоятельство, что политическая культура российского общества, российская политическая традиция в принципе не подготовлены в достаточной мере к адекватному восприятию нормативов гражданского общества и соответствующей ему активности.

Вторая причина — субъективная, она связана с изменениями в российской политической элите. С приходом в 2000 г. к власти Владимира Путина постепенно выкристаллизовалась тенденция так называемой управляемой демократия, что на самом деле стало скрытой формой нарастающего авторитаризма. Этот авторитаризм приходится воспринимать с постоянной оглядкой на недавнее советское прошлое, а не на опыт авторитарных режимов, например, в Латинской Америке, что иногда делают некоторые отечественные аналитики.

Российская версия авторитаризма — контрреформаторская, подверженная тотальной коррупции. Ее экономической основой является исключительно высокая цена на нефть. Основа эта искусственна, и потому после неизбежного падения цен на углеводороды судьба российской экономики, а значит, и нынешней модели власти непредсказуема.

Однако, несмотря на все объективные и субъективные причины, в том числе «де-демократизацию», идею и ростки, пусть скромные, гражданского общества затоптать скорее всего уже не удастся.

Импульсы гражданского общества исходят не только из Центра, где сложилось наиболее продвинутое демократическое ядро российского общества. В конце концов российская провинция всегда была неоднородна и наряду с леностью, политической индифферентностью периодически демонстрировала фронду перед Центром, ставя перед ним весьма щекотливые вопросы. Эти импульсы постоянно возникают в регионах, в том числе полиэтнических и поликонфессиональных, где становление основ гражданского общества неизбежно приобретает национальный и религиозный флер. При этом совершенно необязательно, чтобы возникающие в регионах помыслы и действия были абсолютно продуктивны. Думается, здесь важен сам процесс общественной активности, действий помимо государства.

Безусловно, в регионах развитие гражданского общества идет медленнее и более извилистым путем. Однако без этого «второго эшелона» трудно, даже невозможно представить эволюцию в этом направлении Центра, да и вообще демократический процесс на просторах России.

На состоявшейся в июне 2004 г. в Казани конференции обсуждались самые разные вопросы. Но все они так или иначе были связаны с влиянием на формирование гражданского общества этнической и конфессиональной специфики регионов, из которых прибыли ее участники.

Сборник открывается теоретической статьей сотрудницы Казанского государственного университета *Лилии Низамовой*, в которой рассматриваются проблемы мультикультурализма в России, его позитивный потенциал, но также и издержки, возникающие при неправильной оценке этого феномена. Автор убежден, что мультикультурализм определяет будущее России как неоднородного в конфессиональном и этническом плане сообщества.

С Л. Низамовой в чем-то соглашается, а в чем-то полемизирует директор Центра стратегических исследований Приволжского федерального округа *Сергей Градировский*, считающий, что поликонфессиональность, особенно в нынешней политической ситуации в мире, может стать сдерживающим фактором на пути формирования гражданского общества, создает на этом пути дополнительные сложности.

О проблеме толерантности на примере Оренбургской области рассуждает *Веналий Амелин*. В его статье содержится богатый статистический материал, анализируется национальная полити-

ка местной администрации, которая, по мнению этого исследователя, дает удачный пример налаживания гармоничных отношений между различными этносами.

Председатель Совета по делам религий при Кабинете министров Республики Татарстан *Ринат Набиев* анализирует взаимодействие государства и общественных религиозных организаций на поприще благотворительности. Его статья насыщена интересной, ранее не публиковавшейся в научной печати информацией.

Первый заместитель муфтия Татарстана *Ягъкуб Валиуллы* подробно обсуждает роль и место татар среди мусульман России. Татары, второй по численности народ Российской Федерации, одновременно являются крупнейшим мусульманским этносом. Они традиционно политически активны, им свойственно обостренное чувство национального достоинства. Среди разбросанного по всей России татарского сообщества действуют как центростремительные, так и центробежные силы. В статье имама Валиуллы ставятся непростые вопросы о судьбе татарского этноса.

Остро и полемично излагает свою позицию относительно перевода татарского языка на латинскую графику известный казанский ученый *Рафик Мухаметшин*. Его аргументация последовательна и убедительна. Вопрос о латинице обрел политический характер и вписывается в непростые отношения между Татарстаном и Москвой. И хотя вопрос этот решением Конституционного суда был формально закрыт — на латиницу было «наложено вето», он по-прежнему дискутируется в татарском обществе.

Сборник завершает статья *Галины Морозовой и Святослава Гусева*, в которой обстоятельно анализируется бюджетно-налоговая политика, оцениваются ее достижения и издержки.

Формирование стабильных межэтнических и межконфессиональных отношений является для России одним из важнейших направлений в становлении гражданского общества. В условиях непростой экономической ситуации, отсутствия должного уровня безопасности эти отношения обостряются в кризисных ситуациях, которыми столь богата наша политическая повседневность.

АЛЕКСЕЙ МАЛАШЕНКО,
доктор исторических наук,
член научного совета Московского Центра Карнеги,
сопредседатель программы
«Этничность и национальное строительство»

Идеология и политика мультикультурализма: потенциал, особенности, значение для России

Лилия Низамова

В российских академических кругах понятие «мультикультурализм» в большинстве случаев ассоциируется с признанием фактической или статистической поликультурности, полиэтничности, поликонфессиональности того или иного сообщества и считается просто описательным. При этом игнорируется тот немаловажный факт, что сегодня этот термин уже обрел достаточно определенное и строгое концептуальное содержание, а также место в языке социогуманитарных наук и политического дискурса стран Запада.

Мультикультурализм: содержание концепции, разнообразие и виды практик

Исследователи разных стран, ученые, придерживающиеся конкурирующих политических ориентиров и ценностей, дают разные определения и оценки этому феномену, что, как кажется, противоречит приведенному тезису о концептуальной конкретности мультикультурализма. Так, ряд теоретиков рассматривают мультикультурализм как характеристику прежде всего иммигрантских сообществ и эффект глобальных миграций: «Под “мультикультурализмом” подразумеваются модели, в которых общество проявляет открытость по отношению к различным формам культурной жизни мигрантов. Культурный плюрализм внутри общества оценивается позитивно, как обогащение страны иммиграции» [1, с. 85]. Действительно, нельзя от-

рицать, что мультикультуралистский политический проект стал впервые реализовываться в иммигрантских странах Нового Света, хотя к настоящему времени он стал, вне всякого сомнения, заметной частью политической повестки дня во многих странах Западной Европы.

Несмотря на неизбежно возникающую дилемму между индивидуальными и коллективными правами и свободами, преобладающая часть сторонников мультикультурализма оценивают его исключительно в контексте дискурса либерализма как «особую форму интегративной, либеральной идеологии, посредством которой полиэтничные, поликультурные национальные сообщества реализуют стратегии социального согласия и стабильности на принципах равноправного сосуществования различных форм культурной жизни» [2, с. 7]. При таком оптимистичном подходе мультикультурализм наделяется прежде всего положительными либеральными свойствами и функциями за способность обеспечить реализацию долгое время несправедливо забытых коллективных прав и свобод (например, групповых интересов признания, идентичности, языка и культурного членства), способствовать поддержанию межкультурной толерантности и содействовать сохранению социального согласия за счет гармоничного взаимодействия этнокультурных групп и их интеграции в национальное сообщество.

Однако не все согласны с тем, что мультикультурализм является продуктом естественной эволюции либеральных обществ и выражением либеральных ценностей. Консервативные исследователи, находящиеся в меньшинстве, напротив, уверенно усматривают в нем «атаку на евро-американскую культуру», угрозу основополагающим национальным ценностям (морали, праву, семье и др.) и обеспокоенно, не без подозрительности определяют мультикультурализм как марксистскую или «левую политическую идеологию, которая рассматривает все культуры, их обычаи и институты как по существу равные». Утверждается, что именно марксистские идеи процветают в идеологии и политике современного американского мультикультурализма, который по сути является революционным движением, цель которого — разрушить потенциал культурной ассимиляции в США [14, с. 3]. Авторы американских консервативных трактовок, категорически не согласные с либеральными теориями мультикультурализма, не только подвержены алармистским и охранительным настроениям в связи с «опасностью мультикультурализма» и социокультурными следствиями «разрушающего билингвизма», но уверенно прибегают к воинственной риторике. Утверждается, что мультикультуралисты не любят Америку и являют-

ся не кем иным, как «мультикультуралистскими ревизионистами истории», что «мультикультурализм будет создавать больше проблем, чем сможет решать» и, более того, что «рано или поздно любая мультикультуралистская мечта закончится балканским кошмаром» [14].

Тем не менее примечательно, что даже самые яростные противники мультикультурализма сегодня вынуждены принять некоторые его составляющие, например, мультикультурное образование, пусть и с оговорками или ограничениями. Имея это в виду, нетрудно понять известного социального теоретика Н. Глейзера, озаглавившего собственную книгу своего рода признанием-констатацией — «Теперь мы все мультикультуралисты» [8]. В этой работе он раскрыл основные этапы «битвы по поводу мультикультурализма» в американской системе образования, а лейтмотивом написанного стали, по признанию самого автора, впечатляющая сила мультикультурализма, пробившего себе дорогу вопреки многим препятствиям, и его явная неизбежность. Поскольку в США именно мультикультурное образование стало передовой позицией мультикультурализма, то в американской литературе его нередко определяют как «образовательную программу, признающую культурную разнородность Соединенных Штатов и содействующую уравниванию всех культурных традиций» [3, с. 122]. Следует отметить, что для международного дискурса подобный подход чрезмерно узок, хотя он и иллюстрирует особенности развития и эволюции мультикультуралистской повестки дня в США.

К настоящему времени мультикультурализм вырос до весьма емкой «рубрики», охватывающей разноречивые темы, проблемы, дискуссии. По-прежнему нет и, видимо, никогда не будет однозначного ответа на вопрос, является ли мультикультурализм чем-то одним, непременно исключаящим другое: политической доктриной или интеллектуальной парадигмой, всепроникающим социальным дискурсом или дисциплинирующим педагогическим требованием, радикальной критикой или институциональной догматикой, возвращением к домодерным социальным ориентирам или утверждением новых постмодерных тенденций. Об этом свидетельствует и то, что в ряде случаев произошло очевидное «истирание» этого понятия. Речь идет о тех контекстах и способах применения категории «мультикультурализм», когда она лишается своего прямого и устойчивого смысла, наделяется чуждыми и маргинальными значениями. Так, известный теоретик национализма К. Хюбнер, размышляя об идее Европы и европейской идентичности, пишет об «опасности мультикультуры», которая видится ему в отказе от культурного своеобразия, выра-

жается в культурном смешении, в релятивизации всякого многообразия. Он пишет: «Требование мультикультурного общества в конечном счете сводится лишь к тому, чтобы в пустопорожном резонансе человек потерял бы свои собственные корни и рассматривал культуру не как образ жизни, а всего лишь как интеллектуальную игру» [5. с. 389—390].

Подобная трактовка не только весьма далека от преобладающей в корпусе современных социальных наук концепции мультикультурализма, но и от буквального значения слова «мультикультурализм». Если бы этот тип политики и дискурса действительно означал отказ от культурного своеобразия, то у консервативных социальных теоретиков не было бы причин беспокоиться о последствиях присутствия «тройного коня мультикультурализма» в Америке или «канадском двуязычном кошмаре».

Современный мультикультурализм давно преодолел границы академического дискурса и стал важной составляющей многообразных социальных практик развитых стран Запада. Теперь он выступает и в качестве весомого компонента политических решений и действий (и даже как самостоятельный политический проект), журналистского дискурса и деятельности массмедиа, новаций в мире литературы и искусства, системы воспитания и образования, языка повседневного общения, т. е. буквально всех сфер жизни общества, стремящегося к рефлексивному осмыслению существующих проблем и исправлению несправедливостей рубежа XX и XXI вв. В науке же он нередко способствовал критическому рассмотрению и переосмыслению базисных теоретико-методологических принципов, на которых традиционно строилось научное знание. Например, в работе «Мультикультурализм как четвертая сила» оценивается возможность утверждения мультикультурализма как нового и четвертого по счету измерения теоретического фундамента современной психологической науки наряду с тремя признанными ранее: гуманизмом, биохевиоризмом и психодинамизмом [12]. Небезосновательно отмечается, что утверждение подхода, сфокусированного на культуре и чувствительного к культурным особенностям и различиям, может способствовать преодолению целого ряда ошибочно одностронних представлений и выводов.

Разноликость и разнообразие видов мультикультурализма тоже не облегчает задачу формулирования строгой и стройной теории. В основу классификации видов мультикультуралистских практик должен быть положен целый ряд не совпадающих критериев. С точки зрения национально-территориальной различают: канадскую, австралийскую, американскую, европейскую и другие национальные модели. С точки зрения социальной груп-

пы, являющейся объектом мультикультурного внимания и политики, можно выделить «мультикультурализмы», сфокусированные на: женщинах как депривированной группе общества, расовых и этнических группах в целом, иммигрантских группах, коренных и аборигенных народах, национальностях, являющихся меньшинствами, других игнорируемых группах (например, инвалидах), сексуальных меньшинствах и т. д. Оценка эффективности реализации мультикультуралистских программ и содержания предложенных реформистских мер позволяет различать «приемлемую» и «огорчающую» его формы. Характер состоявшихся социальных изменений предполагает дифференциацию: «умеренного» или «воинствующего», реформистски «добавляющего» или «трансформирующего» мультикультурализма. Все это говорит как о разнообразии существующих практик мультикультурализма, так и о его потенциальной вариативности, позволяющей учитывать специфические национальные, социокультурные и исторические вызовы и потребности.

Действительно, многообразии существующих социальных практик, квалифицируемых как мультикультурные, спорящих друг с другом экспертных оценок потенциальных возможностей и реальных достижений мультикультурализма создает впечатление хаоса и путаницы, казалось бы, исключаящей возможность ясного и непротиворечивого определения концептуального содержания мультикультурализма. И все же оно может быть очерчено весьма определенно и конкретно, тем более что обозначение времени, культурного и политического контекста возникновения мультикультурной «парадигмы», а также сопоставление с исторически предшествовавшими и во многом изжившими себя формами социокультурной политики уверенно работают на решение этой задачи. В российском же контексте эта задача связана с необходимостью уйти от размытого понимания поликультурности и инкорпорировать концепцию мультикультурализма в дискурс отечественных социальных и гуманитарных наук (в частности, этносоциологии, теорий наций и национализма, культурных исследований и др.) и социального управления.

При этом следует различать широкий и узкий смыслы мультикультурализма. Первый связан с идеологическим признанием и реализацией политики открытости и «включения» по отношению к широчайшему спектру культурных форм (например, феминизма, акцентирующего плодотворность женских методологии и взгляда на мир; людей с ограниченными физическими и умственными способностями и других депривированных и «умалчиваемых» групп). В узком смысле слова мультикультурализм может быть сфокусирован на проблемах социальной репрезентации какого-либо одно-

го типа культурных различий и неравенств в увязке с усилиями по легитимации культурного плюрализма в обществе. Так, ниже речь будет идти главным образом об этнической, языковой, религиозной и национальной многокультурности.

Мультикультурализм можно определить как идеологию, политику и социальный дискурс, признающие правомерность и ценность культурного плюрализма, уместность и значимость многообразия и разноликости культурных форм (например, этнических культур, религиозных и расовых сообществ). В контексте мультикультурализма непохожесть и отличительность перестают рассматриваться как второсортное и «чуждое», они начинают оцениваться просто как «другое». Мультикультуралистская политика принципиальным образом отличается от исторически предшествовавших ей сегрегации, геттоизации и ассимиляции. Мультикультурализм утверждается в 1970-х годах как официальная идеология и политика в Канаде и Австралии, с начала 1990-х годов мультикультуралистская повестка дня складывается в США, получает распространение во многих странах Западной Европы в контексте поиска справедливых и недискриминационных ответов на вопросы, которые актуализировались в условиях усиливающейся глобализации.

Причины маргинализации дискурса мультикультурализма в современной России

Есть ряд причин, которые отодвигают мультикультурализм на обочину российской науки и политики.

1. На рубеже XX и XXI вв. постсоветская Россия получила новый импульс к реализации исторически незавершенного проекта «русского» или «российского» национального государства, объективно, в силу логики формирования современных наций-государств ведущего к маргинализации культур этнических и религиозных меньшинств. Реализация этого проекта в странах Западной Европы была в основном завершена еще в XVIII и XIX вв. Тогда утверждение равного согражданства, казалось, не оставляло полноценного шанса на воспроизводство отличительных культурных практик меньшинств. Однако российское нация-государство складывается в условиях, заметно отличающихся от условий формирования западных наций-государств, — в контексте глобализации, т. е. необычайной интенсификации и уплотнения экономических, политических и культурных контактов и связей; заметного оживления требований меньшинств, «старых» этнических и региональных идентичностей (примеры: Квебек в Кана-

де, Уэльс и Шотландия в Соединенном Королевстве, испанские меньшинства); легитимации коллективных прав народов, национальностей и меньшинств на международном уровне.

Многие социальные теоретики справедливо отмечают историко-социальную обусловленность, а значит, и ограниченность национализма. Если в XVIII—XIX вв. он был мощной объединяющей силой, идеализировавшей нацию-государство и выступавшей против сохранения каких-либо языковых, религиозных и других различий, то в XX в. власть старого нации-государства стала убывать по мере усиления зависимости от транснациональных военных, экономических, правовых и социальных структур, выходящих далеко за границы его территории [13]. Переход от национализма к «мультинационализму» сопровождается кризисом «классического» нации-государства и пересмотром смысла и значения этнического и культурного разнообразия.

Сегодня Россия продолжает реализацию своего национально-го проекта в условиях беспрецедентного развития компьютерных технологий и глобальных коммуникаций, интернационализирующих эффектов современной мировой экономики, связи и транспорта, широкомасштабной миграции и иммиграции. Одним словом, она должна примирить и реализовать две разнонаправленные и вместе с тем неодолимые объективные тенденции: формирования российского национального государства (и теперь с легкостью игнорирующего партикулярные идентичности ради утверждения общегражданских), с одной стороны, и аккомодации и управления ее многонациональностью и усиливающейся полиэтничностью, получившими сегодня известность и признание на международном уровне, — с другой.

2. Позитивный потенциал мультикультурализма в России еще недостаточно раскрыт, мало известен. Литература, посвященная этой проблематике, весьма невелика. При этом, как это ни удивительно, мультикультурализм нередко наделяется негативными коннотациями и пристрастными преувеличениями. Например, он ассоциируется с категорически отрицаемой западной «политической корректностью» или с «варварскими» обычаями меньшинств, которые противоречат либеральным ценностям развитых индустриальных стран. Недоброжелатели предвзято сводят мультикультуралистскую тему к обсуждению эмоционально непривлекательных частных и маргинальных примеров, апелляция к которым сужает или вовсе подменяет тему обсуждения. Трудно согласиться с тем, что неприятие «варварских» традиций и обычаев, никогда не практиковавшихся народами России, служит основанием для отказа от мультикультурализма, его карикатуризации или искажения именно в российском обществе.

3. Ошибочно утверждается, что советская этнонациональная политика была безупречной по результатам попыткой реализации мультикультурализма в СССР. Однако системная оценка советской этнической политики позволяет говорить о ее противоречивости и непоследовательности. Стратегическая цель была несовместима с ориентацией на сохранение культурного плюрализма, хотя и предполагала тактического плана закрепление этнонациональных идентичностей на ранних этапах.

С начала XX в. этнические практики и межнациональные отношения оказались объектом «заботы» и официальной политики властей и были уверенно институционализированы. Институционализация этничности и культурных различий выражалась в политике этнонационального самоопределения и создания союзных и автономных республик, автономных краев и областей; в закреплении графы «Национальность» в паспортах, анкетах, статистических отчетах, в целом — в признании права «иметь национальность», т. е. сохранять традиционные языковые, религиозные и культурные практики. Однако помимо позитивного культивирования этничности в годы советской власти имелись и выраженные негативные аспекты ее институционализации, не совместимые с мультикультурализмом. Они проявились в иерархическом «ранжировании» народов и этнических групп (от тех 15 «наций», что имели свои союзные республики в составе СССР, т. е. свои «государства», конституции и формальное право выхода из СССР, до тех многочисленных «этносов», которым было отказано в праве на национальное самоопределение и которые по этой причине были подвергнуты более активной ассимиляции), в преследовании и «наказании» отдельных народов (чеченцев, крымских татар, карачаевцев, евреев, немцев и др.), в скрытой политике государственного антисемитизма, в закрепленных школой стереотипах и схемах популярной историографии.

Институционализация этничности означала, что в СССР, а также в постсоветской России 1990-х годов этнокультурные различия, особенности, «границы» были неотъемлемой частью не только жизненного мира отдельного человека и его семьи, т. е. сферы частного, но и существенной составляющей деятельности всех публичных институтов (государства, права, образования, массмедиа, искусства и т. п.). Тем не менее на рубеже XX и XXI вв. под влиянием требований нового этапа нацистроительства и тенденций постсоветского времени ситуация стала существенно меняться. Началась деинституционализация этничности и «перемещение» ее в сферу сугубо частного, личного, семейного. Наиболее показательным первым шагом, коснувшимся всех граждан России, стали новые внутренние паспорта, исключив-

шие упоминание этнического статуса и происхождения и выдвигавшие на первый план гражданскую и государственную идентичность владельцев. При этом этничности стали отодвигаться на задний план и были по умолчанию на федеральном уровне приравнены к частному делу индивида и семьи.

Идеологический отказ от поддержания в конечном счете культурного разнообразия и приверженность идеологии «единого советского народа», т. е. советского варианта «плавильного котла», совершенно несовместимы с принципами и ценностями мультикультурализма. Помня о противоречивости советской этнонациональной политики, можно говорить лишь о наличии в СССР некоторых тактического порядка мультикультуралистских практик и ориентиров, впоследствии воспроизводившихся по инерции.

Приводимые ниже результаты кейс-стади «Татары США» позволяют не только проиллюстрировать характер и эффекты мультикультуралистской политики США, но и оценить в сопоставительном ключе «плоды» «советского мультикультурализма» через рассмотрение особенностей двух «волн» татарской иммиграции в эту страну.

4. Недооцениваются вызовы «полиэтничности», с которыми страна столкнется в ближайшие годы в силу надвигающейся «демографической катастрофы», и невозможность проводить новую иммиграционную политику в условиях роста национализма, шовинизма и ксенофобии.

«Многонациональность» и «полиэтничность» — это разные типы мультикультурализма [9]. Если многонациональность является историческим результатом насильственного или добровольного объединения прежде самостоятельных, самоуправляемых, территориально обособленных культур в одно государство, то полиэтничность — это результат иммиграции индивидов и групп, имеющих «свое» государство за рамками данного политического сообщества. Совершенно очевидно, что сегодня многонациональность России дополняется и усложняется эффектами полиэтничности (иммиграцией из бывших республик Советского Союза, вьетнамской, китайской, афганской и др.).

Кейс-стади «Татары Соединенных Штатов Америки»

Город Нью-Йорк — один из крупнейших центров расселения в США этой весьма малочисленной этнической группы, которая тем не менее имеет свою работающую на регулярной основе организацию — Американскую ассоциацию татар (The Ameri-

can Tatar Association — АТА). Небольшой по численности «татарский мир» Нью-Йорка является на удивление пестрым в силу:

- разного времени иммиграции в США и ее траектории;
- места проживания в США и в пределах Нью-Йорка;
- текущего правового статуса (среди них есть граждане США, а также имеющие двойное гражданство, т. е. гражданство США плюс гражданство Турции, России, Киргизии и т. д., имеющие «грин-карту», рабочую визу, студенческую визу, нелегальные иммигранты);
- социально-экономического и профессионального статуса: от представителей высшего среднего класса в лице бизнесменов и врачей до малоквалифицированных рабочих среди вновь прибывшей из бывшего СССР молодежи;
- степени выраженности татарской этнонациональной идентичности;
- несхожести жизненных взглядов и ориентаций, отношения к родному языку, исламу, Америке, России, Татарстану.

По высказыванию одного из татарских журналистов, размещающего свои публикации и на сайте волжских татар, большинство татар не связаны с ассоциацией и, возможно, даже не знают о ее существовании. Можно предположить, что среди них есть те, для кого этничность вообще не имеет значения или отстывает на второй план под давлением требований, предъявляемых работой, и дефицита времени, или является исключительно его личным и семейным делом. Вполне уместно предположить, что наиболее заинтересованные и активные стараются быть с ассоциацией, что, по рассказам респондентов, совсем не просто: Нью-Йорк славится своим необычайно стремительным ритмом жизни, большой продолжительностью рабочей недели (которая много длиннее, чем в среднем по Америке), навязчивым дефицитом времени. Следует также отметить значительные трудности языковой, трудовой и социальной адаптации, через которую должны пройти «новые иммигранты».

История татарской иммиграции насчитывает около ста лет. Первая многочисленная волна иммиграции пришлась на конец 1950-х — начало 1960-х годов. Ее траектория и продолжительность необычна. Она связана с российской революцией 1917 г., вытолкнувшей часть татар через Сибирь в Китай, Японию и даже Корею. Одной из наиболее массовых была эмиграция в Китай. После победы коммунистических сил в Китае многие татары были вынуждены уехать и выбрали в качестве нового места проживания Турцию, затем некоторые из них перебрались в США. Эти люди (назовем их условно «старыми американскими татарами») сохранили свои религию, язык и национальные традиции, хотя

отдельные элементы культуры были слегка дополнены китайским или турецким «компонентом» (речь идет, например, о турецких вкраплениях в татарском языке), а позже подверглись и американизации. Некоторые и сейчас сохранили связи с Турцией, турецкое гражданство. «Старые татары» составляют костяк Американской ассоциации татар. В публичной жизни они англоязычны, однако среди своих предпочитают говорить на родном языке, сохраняют культурную связь с исламом.

Вторая волна — это постсоветская иммиграция из республик бывшего СССР (России, Узбекистана, Казахстана, Украины, Киргизии). Это и нелегальная иммиграция, и те семьи, которые выиграла в лотерею «грин-карту», т. е. легальный вид на жительство. Условно назовем эту волну иммиграции в США новой, а татар — соответственно «новыми». «Новые американские татары» имеют много общего с современными российскими татарами: они свободно говорят по-русски, а их татарский скорее лишь повседневный разговорный, часто бедный, не литературный, английский язык — слабый. Их отношение к религии сильно разнится, но большинство малорелигиозно, исповедует традиционный для современных татар ислам, дистанцируется от посещения нью-йоркских мечетей, принадлежащих арабам и туркам.

Разные степень и характер религиозности, отношение к ценности родного языка, разная степень владения им и готовность использовать его в повседневной жизни, дистанция в социально-экономическом статусе обуславливают различия между «старыми» и «новыми» татарами. Неслучайно в середине 1990-х годов «новые татары» даже создали свою ассоциацию в Бруклине, однако долго она не просуществовала, и в последние годы представители обеих волн собираются на совместные праздники в здании АТА в Квинсе.

Американская политика терпимости и мультикультурализма позволила волжским татарам сохранить свои этническую идентичность, язык, религию, создать ассоциацию в бурлящем нью-йоркском котле рас и национальностей. В крупных городах США, в том числе в Нью-Йорке, этничности не являются просто «символическими», как среди белого населения прежде всего «одноэтажной Америки», они — живое выражение индивидуального «Я». Этничность проявляется в квартале проживания, вероисповедании, языке, одежде, кулинарных предпочтениях, обычаях. В силу неизбежных столкновений с многочисленными представителями других культур и рас перед каждым почти обязательно возникает вопрос: «Кто я?». Ответ на него часто дается в терминах культуры, происхождения, религии и языка, так как «другие» также имеют эти отличительные признаки.

Пример татар Америки свидетельствует, что российские инструменталистские трактовки этничности являются односторонними. Этничность американских татар сохранилась не потому, что была институционализована, закреплена в каких-то официальных документах, а потому, что была выражением глубокой и устойчивой идентичности — сердцевиной «Я» человека и важной составляющей его семейной и личной жизни. Все это говорит о том, что этничность помимо инструменталистской функции выполняет еще и экспрессивистскую. Более того, последняя нередко играет главенствующую роль.

Американская политика иммиграции, мультикультуралистские ориентации позволили татарам сохранить свое этническое «лицо» в частной жизни, тем не менее в жизни публичной более важен не этнический, а социально-экономический и профессиональный статус индивида. Весьма сильны ассимиляционные «давления» на эту малую по численности группу. Как отмечали респонденты, явно не хватает «критической массы» численности татар, чтобы сопротивляться ассимиляции и говорить об их будущем. Помимо достаточной численности отсутствует серьезный этнический финансовый капитал, который мог бы поддерживать сообщество. «Татары теряются», «татары исчезают» — таков лейтмотив ряда интервью. Несмотря на желание сохранить этническую традицию посредством заключения браков между «своими», из-за малочисленности татар это все чаще становится невозможным. Молодые люди нередко заключают браки с американцами итальянского, немецкого, индийского происхождения и представителями других народов. Для них, возможно, этничность со временем может стать символической. Однако не менее реален и другой сценарий: актуализация с возрастом этничности, влекущая за собой пересмотр стиля жизни. Практики американского индивидуализма, приоритет личной свободы над авторитетом родителей, релятивизация традиционных ценностей действительно подрывают «этнические корни». Тем не менее они нередко оказываются гораздо более устойчивыми, чем обычно считается, и становятся той основой, которая дает «чувство дома», родного и теплого, в глобализирующемся, стандартизирующемся, обезличивающемся мире.

Достоинства мультикультурализма и его значение для России

Утверждение мультикультуралистской «парадигмы» в последней трети XX в. связано с осознанием неудовлетворитель-

ности результатов политик ассимиляции и сегрегации и признанием заметных достоинств и преимуществ мультикультурализма. Впрочем, положительные стороны политики поддержания культурного разнообразия были признаны лишь либеральными теоретиками; сторонники консервативных взглядов главным образом негодуют, усматривая серьезные опасности в переориентации с идеологии ассимилирующего «плавильного котла» на культивирование «разъединенного многообразия». Однако ничего нового кроме алармистских предсказаний и воинствующей риторики предложено не было; так, не был дан ответ на важные вопросы, как подвергнуть аккомодации усиливающиеся этнорегиональные, национальные и локальные идентичности и как урегулировать разногласия, возникающие между доминирующим большинством и обретающими все большую уверенность в себе многообразными меньшинствами. Мультикультурализм, на наш взгляд, и является приемлемым для всех заинтересованных сторон ответом на эти серьезные вызовы.

Несомненные достоинства мультикультурализма таковы:

1. Сохранение и поддержание существующего де-факто культурного плюрализма. Дело здесь не только и не столько в том, что, по мнению части отечественных политиков и ученых, культурное многообразие является самостоятельной социальной ценностью, достойной бережного отношения и особого уважения, сколько в способности создать благоприятную неконфликтную социальную среду для решения актуальных задач российского общества.

2. Признание и защита многообразных меньшинств, нередко исторически депривированных и находившихся на периферии социальной жизни. Реальный шанс, предоставляемый мультикультурализмом, и одновременно его настойчивые требования позволяют углубить процесс демократизации в постсоветской России за счет создания новых гражданских институтов, инициированных в том числе многообразными группами меньшинства и создающих противовесы авторитаристским и волюнтаристским действиям тех или иных властей. Кроме того, восстановление социальной справедливости за счет устранения практик исключения и негативной стереотипизации послужит оздоровлению морального климата как важной составляющей текущих социальных реформ.

3. Отказ от шовинизма, ксенофобии, этнических и религиозных предрассудков; воспитание уважения, терпимости и добрых взаимоотношений между группами и секторами общества. Это особенно необходимо современному российскому обществу, в котором в последние годы заметно усилились крайне опасные тенден-

ции этнического и религиозного размежевания, роста недоверия и подозрительности по отношению к «другим».

4. Мультикультурализм ориентирован прежде всего на «включение» и интеграцию, а не на отделение или создание каких-то новых социальных барьеров. Именно игнорирование этнокультурных особенностей и права на сохранение отличительной культурной идентичности и «своих» институтов вносит раскол в сообщество и становится фактором размывания национального единства.

5. Свои плодотворные эффекты имеет мультикультурное образование, инкорпорирующее культуры меньшинств наряду с доминирующей культурой в учебники, учебные пособия, планы и программы. В России уже давно в силу инерционного сохранения некоторых советских мультикультурных практик реализуется национально-региональный компонент в образовательных учебных планах, предполагающий фокусированное изучение национально-специфических страниц истории и литературы, языков народов Российской Федерации. Эти учебные формы следует не только сохранить, но, обновив, существенно расширить, так как в этом случае, по оценкам психологов и педагогов, обучение детей из групп меньшинства становится более эффективным, а школа перестает казаться чуждой и враждебной. «Мультикультуралистский вызов» в целом способствует обновлению и усовершенствованию учебных программ школ и вузов за счет их плюрализации и либерализации.

6. Большое значение имеет легитимация целого ряда коллективных прав, которые прежде выводились за рамки либерального дискурса: интересы признания, идентичности, языка и культурного членства [10]. Это позволит по-новому в духе начала XXI в. истолковать традиционные либеральные ценности в контексте текущих российских реформ, а именно заметно пополнить список демократических социальных ориентиров за счет включения в него требования обеспечения отношений недоминирования между группами, так как оно дополняет индивидуальные права человека. Кроме того, на широкое обсуждение будет вынесен вопрос о нейтральности/ненейтральности демократического государства («гражданской нации») по отношению к этнокультурным группам. Есть немало фактов, свидетельствующих, что этнокультурно нейтральное в идеале демократическое государство на деле таковым не является.

7. Мультикультурализм предполагает отказ от этноцентризма, лишающего (даже ученых и влиятельных политиков) способности смело, взвешенно и вместе с тем правдиво и критически оценить историю своей страны (республики, сообщества) и устойчивые социальные мифы о национальной безупречности, культур-

ном верховенстве и державном превосходстве. Способность отказаться от социальных иллюзий и повернуться лицом к решению накопившихся проблем не может не способствовать продвижению вперед по пути назревших реформ. В более широком плане мультикультурализм поощряет непредвзятое и открытое обсуждение запретных, неудобных или стыдливо умалчиваемых тем.

8. Наконец, существует прагматическая и утилитарная аргументация в пользу мультикультурализма. Она состоит в том, что культурно чувствительная апелляция к интересам и потребностям этнических, религиозных и региональных групп является эффективным и прибыльным коммерческим и маркетинговым средством, позволяющим частным лицам и организациям извлекать дополнительные прибыли. Это, например, объясняет причины развития (в ряде случаев весьма стремительного) этнической рекламы, FM-радиовещания на языках этнических меньшинств и других рыночных практик без протекционистского вмешательства государства.

В целом многие из перечисленных достоинств мультикультурализма кажутся абсолютно явными и неоспоримыми, а поэтому, к сожалению, и не требующими защиты или дополнительного продвижения.

Эффекты реализации мультикультурализма в постсоветском Татарстане

Как и Российская Федерация в целом, Татарстан является поликультурным сообществом с выраженным разнообразием этнических идентичностей, культур и религий. Это обстоятельство послужило основанием для прагматичного принятия и реализации в республике в 1990-х годах мультикультуралистских решений и программ. Однако было бы неоправданным преувеличением утверждать, что именно мультикультурализм был единственным и главным содержанием этнополитических реформ 1990-х годов. Давая целостную оценку этнокультурной динамике в Татарстане, следует признать, что суммарный вектор постсоветских трансформаций складывался как из реализации ценностей и ориентиров умеренного татарского этнического национализма, выражающегося формулой «Татарстан — это исторический, мирового значения уникальный центр татарской культуры, языка и религии», так и следования идеалам и принципам гражданского территориального национализма, предполагавшего развитие Татарстана как плюралистического, но прежде всего бiculturalного государства. Можно говорить об относительном

паритете русских и татар в республике, хотя по статистическим данным группа этнических татар численно преобладает и даже составляет большинство. Бикультурализм в республике следует рассматривать как частный случай воплощения мультикультурализма. Новая татарстанская идеология строилась на гибкой комбинации и «сплавлении» ценностей как этнического, так и гражданского национализма [14]. Это был взвешенный и прагматичный выбор, обеспечивший, с одной стороны, сохранение мира и согласия в сложный период глубинных социально-экономических преобразований 1990-х годов, а с другой — перераспределение политических и экономических полномочий в пользу стремящейся к большей самостоятельности политической элиты республики.

Тем не менее пример реализации мультикультуралистского выбора в Татарстане весьма интересен как иллюстрация уже опробованных на практике преимуществ и выявленных уязвимых мест данного типа идеологии и социального действия. Вряд ли можно оспорить тот факт, что татарстанский мультикультурализм способствовал сохранению мира и стабильности в регионе (что было в целом весьма нетипично для большинства постсоветских государств, возникших после распада СССР) через легитимацию и последовательное культивирование его культурного плюрализма. Это достигалось за счет правового закрепления доминирующей в Татарстане двукультурности в республиканских законах: Конституции (1992 г.), законах «О языках народов Республики Татарстан» (согласно которому русский и татарский языки являются равноправными государственными) и об образовании, республиканском законопроекте о массмедиа и др.

Искреннее желание и вместе с тем прагматичное намерение воплощать нормы бикультурализма на практике осложнялось исторически сложившейся, а теперь фактической разностатусностью двух культур, среди которых русскоязычная явно доминировала. Это нередко вынуждало прибегать к тактическому протекционизму по отношению к имевшим много более слабые позиции татарским языку, культуре и религии. Подобные защитно-компенсаторные меры напоминали «политику позитивного действия», которая с 1960-х годов реализуется в США в отношении исторически депривированных социальных групп (прежде всего женщин и афроамериканцев). Впрочем, заметный акцент на разнообразных составляющих татарской этнической культуры вполне вписывался в конкурирующую с мультикультурализмом идеологию татарского этнического национализма. Если сохранение межэтнического и межконфессионального мира и согласия было обобщающим достоинством реализации мультикультура-

лизма в Татарстане (ярко контрастирующего с «проблемой Чечни»), то к частным, но не менее значимым его положительным эффектам можно отнести:

- сохранение потенциала и силы русскоязычной культуры и зримое развитие многочисленных проявлений татароязычной традиции, а также чувашского, еврейского и других республиканских этнических сообществ;
- благоприятный экономический и инвестиционный климат в республике;
- сдерживание радикальных и экстремистских националистических взглядов и устранение за счет этого каких бы то ни было возможностей для базирования террористических сил;
- идеологический, социальный и научный климат, содействующий выработке новых идей и программ «федерализации», а значит, и демократизации российского общества, и др.

Однако татарстанский опыт стал не только красноречивой иллюстрацией положительных результатов воплощения мультикультуралистских принципов и ценностей, но и того, что социальные теоретики называют «парадоксом мультикультурализма». Это скорее огорчающая ситуация, при которой культурный плюрализм настолько энергично приветствуется, что граждане не только обладают правом иметь свою культуру, но могут даже вопреки желанию подталкиваться и принуждаться к этому. Их заставляют присвоить себе этническое имя как обязательное или относятся к ним с учетом этого невидимого ярлыка [7, с. 143]. «Парадокс бикультурализма» и этнизация социальных отношений в Татарстане 1990-х годов проявилась в образовательных практиках распределения учеников в группы изучения татарского языка по этническому признаку; содержательном расхождении и даже дистанцировании татароязычной и русскоязычной версий республиканских двуязычных журналов и фрагментации телевизионной сетки вещания государственного телеканала — в целом во все более по тенденции заметном расхождении татарского и русского этнокультурных миров при относительном сужении поощрявшихся в советское время «территорий» взаимодействия.

Один из неоднозначных эффектов мультикультуралистской политики состоит в том, что, оправданно отвергая конкурентный вариант многообразия, мультикультурализм все-таки довольно легко эволюционирует к модели параллельного равнодушного сосуществования, таящего свои опасности. Гораздо более предпочтительным, хотя и более трудным для реализации является «интегративное многообразие» (термин немецкого исследователя

К. Дюрхера [6]). В отличие от «конкурентного» и «параллельно-плюрализма» «интегративный» его вариант предполагает сохранение и поддержание общих институтов и постоянного культурного обмена, формирование размытых пограничных зон между культурами, являющихся секторами совместных интересов и ведения [6]. В постсоветском Татарстане, как и в Российской Федерации, новые межкультурные институты, сферы взаимодействия и взаимопроникновения почти не создавались, но заявившая о себе тенденция усиления «параллельности», несомненно, смягчалась инерцией все еще влиятельных советских практик организационного и институционального смешения и «дружбы народов».

Международные уроки мультикультурализма

Опыт следования по мультикультуралистскому пути в экономически развитых странах Запада насчитывает уже десятилетия, и он позволяет говорить об универсальном значении поучительных уроках мультикультурализма, небезынтересных и небесполезных для российского общества. Мы называем уроками рефлексивное осмысление и последующее исправление недостатков и отрицательных эффектов идеологии и политики поддержания культурного плюрализма. Таковые, конечно, существуют, так как рассматриваемый тип политики не является панацеей от всех бед или средством, волшебным образом примиряющим все существующие разноречивые социально-политические интересы.

Как уже отчасти указывалось, наиболее решительной и велеречивой является консервативная критика мультикультурализма, называющая среди его изъянов приверженность якобы «марксистской ненависти к американскому капитализму», отступление от традиционных библейских ценностей и христианской морали, утверждение новоявленных форм «обратного фанатизма», создание новых форм расовой сегрегации, которые обильно выльются в кровопролитие, подобное югославскому [14]. Консервативная риторика — яркий пример идеологической стратегии «демонизации» и придания мультикультурализму образа врага, который будто бы повинен во всем, в том числе и в исторических изменениях экономики, политики и морали.

Гораздо более спокойным тоном отличается либеральная критика, осознающая неизбежность социальных перемен и поддерживающая социальные реформы во имя фундаментальных либеральных принципов сохранения свобод и прав человека. Однако

следует признать, что в консервативном и либеральном списках дефектов мультикультурализма есть и немало близких по содержанию пунктов, хотя они и отличаются по форме репрезентации и эмоциональной окрашенности дискурса (табл. 1).

Таблица 1

*Сопоставление либеральной и консервативной критики
мультикультурализма*

Либеральная критика	Консервативная критика
1. Мультикультурализм подпитывает идеологию «политической корректности», которая:	
является формой цензуры и идейной несвободы	есть дисциплинирующая и даже репрессивная «полиция мультикультурализма»
2. Принцип культурного плюрализма не реализуется полно и последовательно:	
возвышается значение одних групп (например, афроамериканцев, испаноязычных) и умалчиваются другие (например, депривированные белые меньшинства)	исключается возможность критики незападных культур меньшинств, хотя еврейско-христианская не только критикуется, но даже клеймится как расистская и сексистская; это форма обратного фанатизма
3. Подвергает критике историю страны и устой общества:	
может подорвать сбалансированное плюралистическое общество с отличительной общей культурой, т. е. его реальные достижения и успехи	вдохновляется революционной марксистской (или левой) ненавистью к капитализму, атакует библейские ценности
4. Препятствует дальнейшей ассимиляции, усиливает межгрупповое и межрасовое недоверие, становится угрозой национальному единству:	
подрывает имеющийся в настоящее время вариант гражданской гармонии	поощрением расовой и этнической сверхчувствительности создает новые формы сегрегации, неизбежно ведущие к конфликту и кровопролитию

Примечание. Таблица создана прежде всего на основе обобщения академических дискуссий в США.

Либеральная формулировка уроков мультикультурализма многоаспектна и включает комментирование как имеющих место теоретико-методологических изъянов мультикультурализма (например, присущих ему эссенциализма и субстантивизма, приверженности примордиалистским концепциям этничности), так и социально-политических следствий его воплощения в жизнь.

Наиболее серьезными обвинениями являются:

- создание «угрозы» национальной гармонии и единству;
- преувеличенная этнизация социальных отношений и увековечивание культурных различий и границ через их институционализацию;
- оспаривание либерального принципа приоритета прав индивида в пользу коллективных прав и интересов;
- неспособность наряду с этническим плюрализмом признать и культурную гибридность и формирование космополитических или смешанных идентичностей [11].

На наш взгляд, приветствуемое мультикультурализмом культурное многообразие само по себе нейтрально и не является фактором какой бы то ни было угрозы или конфликта. Скорее существующее социально-экономическое неравенство и неравноправие культурных форм может стать источником нестабильности и социального напряжения. Кроме того, можно привести и реальные примеры, скажем, Канады и даже постсоветской России, свидетельствующие о том, что принятие мультикультуралистских ориентиров (целенаправленное или интуитивное) позволило сохранить национальное единство: в первом случае — сдерживать возможную сецессию Квебека, а во втором — предотвратить повторение судьбы распавшегося СССР через подтверждение федеративного устройства новой России.

Этнизация социальных отношений в условиях мультикультурализма действительно возможна, но она в равной степени уязвима, как и напористая и настойчивая деэтнизация социальной жизни современной России, в которой этничности по тенденции выводятся из публичной сферы в область частного, семейного и деинституционализируются. Оптимальное решение, однако, заключается не в выборе между поддержанием институционализированных практик этничности или их искоренением. К тому же на деле никакого последовательного «выкорчевывания» этничности не может произойти и не происходит, просто под видом объективности и нейтральности закрепляется асимметрия власти, выгодная культурно доминирующему большинству. (Здесь также можно упомянуть, насколько тенденциозно в отечественном академическом дискурсе оцениваются этнический национализм и гражданский национализм. Первый выступает как якобы безоговорочно «плохой» или «зловещая атавистическая сила», а второй — как во всем «хороший», либеральный и будто бы нейтральный с точки зрения спорящих интересов.) Гораздо важнее обладать умением компетентно управлять среди прочих и теми социальными различиями и отношениями, которые устойчиво интерпрети-

руются и определяются в понятиях культуры, языка, религии, традиций и обычаев, т. е. категориях этнических.

Институционализация этничности в условиях мультикультурализма может стать неблагоприятной, если из-под контроля будет упущена тенденция усиления «параллелизма» культур и не будут создаваться зоны взаимодействия и культурного обмена, о чем уже говорилось выше.

Приемлемый мультикультурализм оспаривает либеральный принцип приоритета прав и свобод индивида во имя легитимации коллективных прав и интересов, подкрепляющих и усиливающих либеральные свободы, а не сворачивающие их. Канадский исследователь У. Кимлика, автор либеральной теории прав меньшинств, уместно различает: 1) «плохие» коллективные права (например, запреты, ограничивающие свободу индивида внутри группы); 2) «хорошие», которые дополняют индивидуальные права за счет обеспечения отношений недоминирования между группами [10]. Легитимация вторых усиливает традиционно трактуемые либеральные права и вместе с тем выносит на повестку дня вопрос о необходимости развития некоторых исходных демократических принципов.

С замечанием о непризнании культурной гибридности и смешанных идентичностей нельзя не согласиться, так как субстантивистские и эссенциалистские методологические посылки мультикультурализма не позволяют ему в должной мере артикулировать и инкорпорировать объективные в условиях индустриального общества и текущей глобализации процессы культурного изменения, смешения и слияния. В этом случае хочется верить, что, приняв во внимание эту справедливую критику и опираясь на присущие ему принципы недискриминации и поддержания культурного многообразия, в России мультикультуралистские идеология, дискурс и политика смогут более гибко реагировать на вызовы времени и продемонстрируют способность к признанию новых пока немногочисленных этнокультурных идентичностей, являющихся результатом социальной эволюции последних десятилетий.

Пример стран, принявших к реализации мультикультуралистские ценности и идеологию, показывает, что формирование единой общегражданской идентичности совместимо с поддержанием культурного плюрализма. Не маргинализация этничности и исключение ее из сферы публичного, а переоценка и реорганизация прав меньшинств на демократических началах может усилить солидарность национального сообщества и обеспечить стабильность за счет устранения питательной среды для роста крайних форм национализма и шовинизма.

Мультикультурализм в российском обществе не может не иметь своей специфики, так как прежде всего он должен быть направлен на управление исконной многонациональностью через формирование демократической федерации. Кроме того, потенциал мультикультурализма состоит в способности содействовать разрешению проблемы многочисленных российских диаспор, создать благоприятный фон для проведения новой политики миграции и иммиграции, признать этнокультурные идентичности, характеризующиеся, например, устойчивой смешанной этнической идентификацией, идущей вразрез с институционализированными классификациями.

Литература

1. Беккер Ф. Этничность и миграция: критическое прочтение понятия этничности в миграционных исследованиях // *Ab Imperio: Теория и история национальностей и национализма в постсоветском пространстве*. — 2001. — № 3.
2. Куропятник А. И. Мультикультурализм: проблемы социальной стабильности полиэтнических обществ. — СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 2000.
3. Масионис Дж. Социология: 9-е изд. — СПб.: Питер, 2004.
4. Постсоветская культурная трансформация: медиа и этничность в Татарстане 1990-х гг. / Под ред. С. А. Ерофеева и Л. Р. Низамовой. — Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001.
5. Хюбнер К. Нация: от забвения к возрождению. — М.: Канон+, 2001.
6. Цюрхер К. Мультикультурализм и этнополитический порядок в постсоветской России: некоторые методологические замечания // *Полит. исслед.* — 1999. — № 6.
7. Eriksen T. H. *Ethnicity and Nationalism: Anthropological Perspectives*. — [S. l.]: Pluto Press, 1993.
8. Glazer N. *We Are All Multiculturalists Now*. — [S. l.]: Harvard Univ. Press, 1997.
9. Kymlicka W. *Multicultural Citizenship: A Liberal Theory of Minority Rights*. — [S. l.]: Oxford Univ. Press, 1995.
10. Kymlicka W. *Politics in the Vernacular: Nationalism, Multiculturalism and Citizenship*. — [S. l.]: Oxford Univ. Press, 2001.
11. Levy J. T. *The Multiculturalism of Fear*. — [S. l.]: Oxford Univ. Press, 2000.
12. *Multiculturalism as a Fourth Force* / Ed. by P. Pedersen, Brunner / Mazel. A member of the Taylor & Francis Group. — [S. l.], 1999.
13. Richmond A. H. *Ethnic Nationalism and Post-Industrialism* // *Nationalism / J. Hutchinson, A. D. Smith (eds.)*. — [S. l.]: Oxford Univ. Press, 1994.
14. Schmidt A. J. *The Menace of Multiculturalism: The Trojan Horse in America*. — Westport, Connecticut; London: Praeger, 1997.

Взаимодействие государства и религиозных организаций в осуществлении социально значимых проектов в Татарстане

РИНАТ НАБИЕВ

На современном этапе развития страны повышается роль неправительственных организаций, институтов гражданского общества в социальной деятельности. Особую роль при этом играют религиозные организации, традиционно участвующие в реализации проектов в сфере благотворительности. Эта их работа была прервана в советское время. В период либерализации в годы «перестройки» и позднее вопрос о восстановлении социальной сферы в деятельности религиозных организаций встал особенно остро. Религиозные образовательные центры православия и ислама в Татарстане были ликвидированы в первые годы после установления советской власти. Казанская духовная академия (одна из четырех в Российской империи) и такие медресе, как «Мухаммадия» и «Апанаевское», относились к крупнейшим религиозным образовательным центрам России. К тому же были ликвидированы монастыри Русской православной церкви (РПЦ) и мусульманские вакфы — традиционные центры благотворительности.

При анализе современной ситуации необходимо учитывать опыт традиционных религий региона. И для мусульман, и для православных территория края традиционно являлась одним из центров религиозной жизни. Казанская духовная академия, монастыри Казани, ее пригородов и Свияжска для православных, Булгар, Биляр, Казань для мусульман сыграли выдающуюся роль в выстраивании инфраструктуры этих конфессий в Волго-

Уральском регионе. Роль Казани как многофункционального центра региона, который иногда называют «Казанским Поволжьем», выразилась и в возникновении в городе общин иудеев, католиков, протестантов. Среди православного населения Казани традиционно велика была роль старообрядцев.

Для лучшего понимания религиозного плюрализма приведем данные статистики. На 1 июля 2002 г. в республике прошли регистрацию и перерегистрацию 1246 религиозных организаций. 968 из них относятся к Духовному управлению мусульман Республики Татарстан (ДУМ РТ), 183 — к Русской православной церкви, 12 — к Истинно-православной церкви, 1 — к Русской православной автономной церкви. Кроме того, среди них насчитывается 5 старообрядческих организаций, 2 организации беспоповцев (разных толков), 2 общины Католической церкви, 5 иудейских организаций, 4 общины Евангелическо-лютеранской церкви, 4 общины евангельских христиан-баптистов (ЕХБ), 17 — евангельских христиан, 16 — христиан веры евангельской — пятидесятников (ХВЕ), 1 — Харизматической церкви, 13 — адвентистов седьмого дня, 2 — Новоапостольской церкви, 5 — свидетелей Иеговы, 2 — Церкви последнего завета, 2 — вайшнавов («Общества сознания Кришны»), 1 — бахаи, 1 — ахмадийя.

Если социальная роль монастырей и система монастырской собственности достаточно хорошо изучены, то система вакфов в регионе исследована мало. Поэтому остановимся вкратце на сути этого института и его особенностях в Поволжье и современном Татарстане. Вакф (вакуф, вақыф, араб. буквально «удержание») — движимое и недвижимое имущество, переданное или завещанное на религиозные и благотворительные цели, не отчуждаемое и не облагаемое налогом. По мнению некоторых мусульманских правоведов, вакф, несмотря на то, что он держится человеком и может передаваться по наследству, в конечном счете находится во владении Аллаха. Этим подчеркивается обезличенный, общественный характер вакуфной собственности. Шариат объявляет также особым бездоходным вакфом здания мечетей, медресе и прилегающие к ним территории с момента передачи их благотворителем общине.

Превращение вакфов в основной источник существования культовых учреждений (примерно с XII в.) способствовало профессионализации и консолидации лиц, связанных с мусульманским культом, в особую социальную группу, которую условно можно назвать мусульманским духовенством. В XIX в. в Османской империи примерно треть всех земель относилась к категории вакфов, а в Бухаре до 1920 г. они составляли 24,6% орошаемых земель. Большая часть вакфов в Поволжье была конфи-

скована сразу после уничтожения Казанского ханства в 1552 г., и окончательно этот процесс был завершён в 1730-е годы. Рост числа вакфов в регионе начался во второй половине XIX в., но и тогда доходы от них оставались несравнимыми с соответствующими доходами в мусульманских государствах.

До революции в Казани почти все 17 мечетей города обладали доходным вакуфным имуществом. Это были дома, торговые лавки, магазины, земельные участки, денежные средства, вложенные в ряд банков, проценты и доход с которых обеспечивали бесперебойное финансирование нужд приходов. Первый официально зарегистрированный доходный вакф в Казани был оговорён в 1830 г. в завещании купца первой гильдии Губайдуллы б. Мухаммад Рахима Юнусова, который передал в пользу Первой соборной мечети (ныне «аль-Марджани») две каменные лавки на Сенной площади. Иногда вакфы завещались на учреждение особых богоугодных заведений при махалле (приходе). Например, так поступил казанский купец второй гильдии А. Ю. Чукин (1824—1895), который пожертвовал двухэтажный кирпичный дом на Екатерининской улице с условием поступления дохода от его аренды в распоряжение открытого при мечети мектебе, в котором получали бы полный пансион и начальное образование дети-сироты.

Во второй половине XIX в. в связи с начавшимися масштабными преобразованиями в жизни российских мусульман развернулась борьба за перевод вакуфных средств из-под контроля отдельных богатых жертвователей и их семей в совместное ведение всех членов общины. Это позволило покончить с частыми злоупотреблениями в сфере благотворительности, сконцентрировать и направить капитал приходов на удовлетворение насущных потребностей мусульман, реформу конфессионального образования. Зачинателем этого процесса стал выдающийся богослов и историк, имам-хатиб Первой соборной мечети Казани Ш. Марджани (1818—1889), который в 1870 г. создал мутаваллият (попечительство). Оно целенаправленно обеспечивало экономическую самостоятельность общины, что ознаменовало начало процесса коренной ломки прежних взаимоотношений в махалле. По инициативе Ш. Марджани путем решения вопроса о собственности вакфов происходило строительство коллективной системы самоуправления в приходе.

Обычно в каждой махалле из числа наиболее уважаемых людей избирался попечительский совет во главе с авторитетным и преуспевающим предпринимателем. Выборы попечителя проходили гласно на общем собрании, причем решение прихода подлежало обязательному удостоверению у нотариуса, а затем утверждению в Оренбургском магометанском духовном собра-

нии. Лицо, избравшееся попечителем, наделялось всеми правами по ведению имущественно-хозяйственной, финансовой деятельности мечети и медресе с обязательной ежегодной «подробной отчетностью со всеми оправдательными документами».

Мусульмане-татары часто создавали мугаввалиты по управлению приходскими учебными заведениями без опоры на определенную вакуфную собственность. Реформа традиционной мусульманской благотворительности у татар, заключавшаяся в организации приходских попечительств и благотворительных обществ, преследовала прежде всего цель стабильного финансирования джадидских преобразований в конфессиональной школе. Выборный мугаввалит Пятой махалли Казани, где размещалось медресе «Мухаммадия», благодаря вакуфным пожертвованиям купцов М. И. Галеева, Х. Шарафутдинова, А. Г. Хусаинова, Г. И. Утямышева, имама Г. М. Галеева (Баруди) сделал общину собственником недвижимого имущества общей стоимостью 150 тыс. руб.

В начале XX в. в завещаниях видных представителей мусульманской буржуазии о создании вакфов усиливается социальный характер. В завещании миллионера Ахмед бая Хусаинова (1837—1906) на нужды национального образования было ассигновано почти полмиллиона рублей, заключенных в вакуфном имуществе. В его завещании помимо фиксации традиционных для мусульманина воздаяний фактически была сформулирована долгосрочная программа по финансированию и развитию татарского конфессионального и светского образования, предусматривавшая создание вакфов при крупнейших джадидских медресе, существование целой системы целевых стипендий для обучения талантливых шакирдов в средних, средних технических и высших учебных заведениях России, в мусульманских образовательных центрах арабского Востока, а также своеобразные «гранты» на написание и издание научно-популярной, учебной и просветительской литературы. Своим завещанием Ахмед бай Хусаинов продемонстрировал эффективный способ финансовой поддержки дальнейших культурных преобразований в татарском обществе, обозначил действенную альтернативу безразличию государства, не замечавшему насущных проблем и нужд мусульман.

В соответствии с решениями III Всероссийского мусульманского съезда в 1906 г. духовным собраниям передавались все религиозные дела мусульман включая контроль над вакфами. Подобный пункт вошел в Низам-Намэ (устав) Диния Назараты (религиозного министерства) Милли Идарэ (национального управления — правительства национально-культурной автономии) в январе 1918 г.

При советской власти существование вакфов запрещалось. Их институциональное возрождение связано с созданием на Объединительном съезде мусульман Республики Татарстан в 1998 г. должности «председателя вакуффов» в ранге первого заместителя муфтия и отдела вакфов при ДУМ РТ. На территории преимущественно бывшей Татарской Слободы в Казани в качестве вакфов были переданы ряд зданий, где, в частности, размещаются учебные заведения. Часть из этих зданий до революции находилось в вакуфной собственности. В настоящее время в связи с реконструкцией Старо-Татарской Слободы комплекс рядом с мечетью «аль-Марджани» должен включать в себя не только ныне функционирующие мечеть, Казанский исламский колледж, столовую, магазин мясных продуктов «Халяль», но и приют. При Раифском Богородицком мужском монастыре действует приют для мальчиков. В современных условиях, когда число беспризорных превысило их количество в годы Великой Отечественной войны, а духовные устои подверглись эрозии, вновь повышается роль духовенства в нравственном воспитании подрастающего поколения.

Принципиальным моментом является создание нового типа духовенства, которое в отличие от традиционного советского способно разработать и осуществить социально значимые проекты. Как уже упоминалось, казанские традиции религиозного образования в советский период были прерваны. Поэтому ощущается большой недостаток в профессиональных кадрах духовенства. Среди мусульман оно составляет несколько более 10%, среди служителей РПЦ — немногим выше. Отсутствие у мусульман института назначения духовенства и особого духовного сословия во многом способствует сохранению кадров, не имеющих религиозного образования даже на уровне мухтасибов, т. е. глав духовенства районов республики. Своеобразным выходом из сложившейся ситуации могло бы стать наличие у имамов светского гуманитарного высшего образования. Необходимо помнить, что религиозное образование зачастую не только готовило кадры духовенства, но было и способом устроиться для выходцев из незлитарных слоев. Оно давало возможность адаптироваться в городских условиях. И если образование в православных религиозных учебных заведениях во многом утратило эту функцию, то медресе выполняют и сегодня роль канала мобильности для татарской сельской молодежи. Медресе дают светское образование на уровне среднего специального, например по специальности «Пчеловодство» в медресе им. 1000-летия принятия Ислама в Казани и в Нурлате, что недостаточно для общей интеллектуальной квалификации имамов, особенно в городских условиях. Руководство медресе обычно

поддерживает стремление своих шакирдов к светскому высшему образованию, но зачастую все упирается в финансы. Многие шакирды, получив в медресе образование выше обычного сельского школьного и усовершенствовав знание татарского языка, предпочитают продолжить образование в светских вузах республики. Для РПЦ же проблемой скорее является малое количество студентов в Казанской духовной семинарии, высокий уровень требований и, соответственно, отсев учащихся.

В последние годы рядом российских конфессий были разработаны социальные концепции (доктрины). 13—16 августа 2000 г. юбилейный Архиерейский собор РПЦ принял «Основы социальной концепции Русской православной церкви». Там в частности сказано: «Исполняя миссию спасения рода человеческого, Церковь делает это не только через прямую проповедь, но и через благие дела, направленные на улучшение духовно-нравственного и материального состояния окружающего мира. Для этого она вступает во взаимодействие с государством, а также с различными общественными ассоциациями и отдельными людьми, даже если они не идентифицируют себя с христианской верой. Не ставя прямой задачи обращения в Православие в качестве условия сотрудничества, Церковь уповает на то, что совместное благодействие приведет ее соратников и близких ей людей к познанию Истины, поможет им сохранить или восстановить верность богоданным нравственным нормам, подвигнет их к миру, согласию и благоденствию, в условиях которых Церковь может наилучшим образом исполнить свое спасительное дело».

В принятых Советом муфтиев России «Основах социальной программы российских мусульман» говорится, что «...Ислам среди других религий отличается социальной направленностью своего учения, пристальным вниманием к проблемам земной, повседневной жизни человека. Российские мусульмане стремятся неукоснительно следовать заповедям Всевышнего Творца, который в своем Откровении — Священном Коране и в Сунне Пророка дал основу правильного решения всех стоящих перед человечеством социальных проблем».

Доктринально оформлена и социальная концепция христиан веры евангельской: «Влияние социальной деятельности Церкви на различные стороны общественной жизни возрастает. Церковь всегда смягчала социальную напряженность, способствовала миру и гармонии в обществе.

Церковь действует в разных социальных направлениях:

- участие в воспитании детей в детских домах и интернатах;
- опека над немощными людьми;
- нравственная поддержка заключенных;

- оказание психологической, духовной и материальной помощи людям, входящим в группы риска.

Церковь организует различные виды социальных учреждений: детские приюты, реабилитационные центры, бесплатные столовые, а также учреждения, оказывающие гуманитарную помощь».

Одним из первых озвученных социальных доктрин было социальное учение Католической церкви, начало которому положено энцикликой папы Льва XIII *Regum novarum* (1891 г.). Обращаясь к основным идеям этого документа, развивая их применительно к менявшейся ситуации, папы издавали энциклики, которые становились определенными вехами в жизни церкви и ориентиром в понимании общественно-экономических явлений для миллионов католиков.

Нынешний понтифик развивает эту тему во многих энцикликах, в которых церковь предстает как институт, не связанный ни с каким общественным строем. Она должна выполнить важную миссию освобождения мира от социальных и прочих конфликтов несоциальными методами. Будучи неидеологическим надсистемным институтом, церковь выступает против любой идеологии, выполняющей, по мнению главы Католической церкви, дезинтегрирующую роль.

В ряде протестантских деноминаций ведется работа по подготовке социальных концепций. В частности, в апреле 2004 г. состоялось обсуждение социальной доктрины Церкви адвентистов седьмого дня. Во главу угла концепции ставится здоровый образ жизни. Консультативным советом глав протестантских церквей (баптистов, адвентистов, пятидесятников) рассмотрен вопрос о выработке общепротестантской концепции.

Многие из действующих на территории Татарстана конфессий, не имея документально оформленных концепций, ведут активную социальную работу, руководствуясь основами вероучения.

В ряде религиозных организаций созданы специальные структуры, отделы, фонды, занимающиеся благотворительной деятельностью: центр «Каритас-Казань» (католики), благотворительная организация «Хэсэд Моше» при общинном еврейском центре, мусульманский благотворительный фонд ДУМ РТ, «Ковчег» (православные), благотворительный отдел церкви «Авен-Езер», реабилитационный центр зеленодольской церкви евангельских христиан-баптистов и пр.

Среди социально значимых направлений работы религиозных организаций в Республике Татарстан можно выделить следующие.

Помощь социально неблагополучным. Среди направлений этой деятельности:

- организация бесплатного питания — сестричество в Набережных Челнах, «Авен-Езер»;
- раздача продуктов, одежды — зеленодольская церковь евангельских христиан-баптистов, лютеране, иудеи;
- работа с детскими домами — лютеране, евангельские христиане-баптисты, пятидесятники;
- помощь беспризорным — лютеране, Католическая церковь, пятидесятники;
- помощь бомжам — сестричество в Челнах, «Авен-Езер» в Челнах;
- помощь пожилым людям, инвалидам — особенно «Хэсэд Моше».

В докладе муфтия ДУМ РТ Г. Исхакова на Втором очередном съезде мусульман Татарстана в 2002 г. упоминалось, что была оказана материальная помощь в форме бесплатной раздачи мяса для ифтара (разговения) во время Курбан-байрама на 368 тыс. руб. Городские мечети и районные мухтасибаты оказывают поддержку нуждающимся семьям. Так, по утверждению имам-хатыба Казанской мечети «Мадина» за 1999—2001 гг. им была оказана помощь в размере 20 443 руб., на проведение ифтара — 96 059 руб. Еще одной формой оказания помощи является сбор ушра (гошера), т. е. десятины с сельскохозяйственной продукции. Имам-мухтасиб Черемшанского района Фассах Гафиев на съезде сообщил, что за 1999—2001 гг. было собрано 42 т картофеля, из них 9,5 т направлено в дома престарелых, 9 т — в больницы, 20 т — в медресе, 2 т — в «Закабанную мечеть» Казани, 3 т — нуждающимся.

Лютеранская община Казани организует раз в две недели бесплатные обеды, консультации врачей для инвалидов общества «Вера», обществу «Мемориал» была передана гуманитарная помощь из Германии. Церковь «Краеугольный камень» оказывает помощь интернату для инвалидов в Зеленодольске.

Работа с заключенными. В исправительных учреждениях, следственных изоляторах на территории Татарстана действуют две мечети, церковь, девять молитвенных комнат РПЦ, шесть молитвенных комнат ЕХБ, восемь молитвенных комнат мусульман. Всего в системе Управления по исполнению наказаний создано 29 религиозных общин: 11 ДУМ РТ (385 человек), 12 РПЦ (510), 6 ЕХБ (159), а также 27 библиотек религиозной литературы. Управление по исполнению наказаний заключило соглашения о сотрудничестве с ДУМ РТ, РПЦ и ЕХБ. ДУМ РТ работает в трех колониях республики, воспитательной колонии, двух следствен-

ных изоляторах, зеленодольская церковь ЕХБ — в 5-й колонии, казанская церковь ЕХБ — во 2-й и 19-й колониях, церковь «Краеугольный камень» — в воспитательной колонии. Реабилитационный центр ЕХБ в Свияжске за четыре года помог 30 заключенным.

Межконфессиональное сотрудничество. 28 февраля 2002 г. по инициативе Казанского молодежного еврейского центра «Афффон» при поддержке Совета по делам религий при Кабинете министров республики состоялось рабочее совещание представителей религиозных организаций Казани. В нем приняли участие представители ДУМ РТ, Казанской епархии РПЦ, Католической церкви, иудейской общины, Евангелическо-лютеранской церкви. На встрече речь шла об объединении усилий в благотворительной деятельности молодежи из религиозных организаций. Были обсуждены различные формы работы. Уже в марте 2002 г. представители религиозной молодежи посетили больных в онкологической больнице, пенсионеров в доме престарелых, детей, оставленных без попечения родителей, в одном из интернатов Казани, выступили перед ними с небольшой концертной программой и передали фрукты. 6 мая состоялся благотворительный концерт для ветеранов в санатории «Казанский», а 13 мая — концерт для молодежи и ветеранов в культурном центре МВД республики. Инициатива молодежи получила поддержку и со стороны Ассоциации национально-культурных организаций Республики Татарстан и, таким образом, перешла из рамок лишь межконфессионального сотрудничества на уровень сотрудничества межнационального.

Профилактика наркомании. Религиозные организации все больше внимания уделяют борьбе с различными видами зависимости, в первую очередь с наркоманией. Согласно религиозным учениям наркомания, как и зависимость вообще, — это изначально духовная проблема, имеющая биологические, психологические и социальные аспекты. Подобный подход позволил религиозным организациям подойти с разных сторон к борьбе с этим социальным злом. Произошла определенная эволюция в использовании форм и приемов работы: от исключительно духовных до практического участия в массовых мероприятиях и различных терапевтических объединениях (стационарные реабилитационные центры, общины для наркоманов, различные группы самопомощи).

Одним из наиболее важных направлений является участие религиозных организаций в программе профилактики наркотизации населения. В ее рамках в 2003 г. проведены следующие мероприятия: «круглый стол» в Раифском Богородицком мужском монастыре с участием представителей основных конфессий, го-

сударственных служащих и медицинских работников; научно-практическая конференция «Ислам против наркотиков»; семинар-совещание по проблемам здорового образа жизни; семинар «Основные направления работы религиозных организаций с наркозависимыми» для представителей религиозных организаций и психологов, работающих в реабилитационных центрах; подготовлена электронная версия пособия «Ислам против наркотиков».

Участие религиозных организаций в борьбе против наркотического влияния получили освещение в сборниках материалов научно-практических конференций: «Взаимодействие традиционных религий и медицины в формировании здорового образа жизни», «Наркомания и общество: пути решения проблемы», «Ислам против наркотиков», а также в средствах массовой информации.

Заметна возросшая активность мусульманских организаций, деятельность монахов Раифского Богородицкого мужского монастыря, миссионерского отдела Казанской епархии, Общественного благотворительного фонда духовно-нравственного развития молодежи в лоне православной церкви «Ковчег», Совета христианских организаций Республики Татарстан, представляющего протестантов.

В профилактике наркомании основное значение приобретает работа с подрастающим поколением. В ДУМ РТ ведется профилактическая работа на факультативных занятиях в общеобразовательных школах, а также в летних лагерях, организуемых при мечетях. Искреннее стремление многих имамов и шакирдов бороться за души молодого поколения многое дает для создания среди учащихся меткебов атмосферы неприятия аморальных привычек.

В Казанской епархии РПЦ ведется целенаправленная работа по профилактике наркозависимости. Следует выделить приход при Софийской церкви Казани, приходскую воскресную школу при Петропавловском соборе Казани, Троицкий храм Лениногорска, Свяжский Богородицко-Успенский мужской монастырь. Представители Раифского Богородицкого мужского монастыря и ДУМ РТ ведут подвижническую деятельность в Республиканском наркологическом диспансере.

В целом, оценивая работу государственных структур в сфере разработки и реализации мер по привлечению к антинаркотической пропаганде религиозных организаций, необходимо отметить, что координационные функции эффективно выполняли Республиканский центр профилактики наркотизации населения при Кабинете министров, Совет по делам религий при Кабинете министров, Министерство здравоохранения республики. Эти органы наряду с администрациями Казани и Зеленодольского рай-

она намерены провести организационную работу по созданию Центра длительной социальной реабилитации Зеленодольского района, Мусульманского реабилитационного профилактического центра на базе прихода «Мухарам» Казани, Христианского (протестантского) реабилитационного центра Казани.

Совет по делам религий распространил среди религиозных организаций республики сборник «Общество против наркотиков... Информация, технологии, опыт». Ведется работа по изучению опыта в этой области Санкт-Петербургской и Новосибирской епархий РПЦ.

Опыт религиозных организаций, прежде всего в сфере религиозного образования для детей, дает возможность осуществлять нравственное воспитание еще в раннем возрасте. Понимание верующими своих обязанностей по отношению к близким необходимо перевести с уровня отдельных районов, приходов, монастырей на институциональный уровень. Интересен пример отдела благотворительности Духовного управления мусульман Европейской части России (ДУМЕР) в Москве, где на особом учете состоит свыше тысячи человек, в основном престарелые и больные люди, за которыми осуществляется постоянный уход и контроль. Они получают ежемесячную денежную поддержку, некоторые виды медицинской помощи (обеспечение лекарствами, консультации офтальмолога и т. д.).

Для оптимизации государственно-конфессиональных отношений и развития религиозных институтов как элементов гражданского общества необходимо ввести практику выделения на конкурсной основе средств религиозным организациям для реализации социально значимых программ (борьба с наркоманией, формирование здорового образа жизни и т. п.). Такой механизм работы (по примеру США, стран Скандинавии) будет способствовать развитию деятельности религиозных организаций в нужном для общества.

Примером такого рода служит разработанная комплексная программа профилактики наркотизации населения на 2002—2006 гг. Как уже указывалось, в ее рамках сотрудничают представители государственных органов и региональных объединений. Религиозные организации как субъекты гражданского общества в сферах благотворительности, помощи социально неблагополучным, социальной реабилитации заключенных и профилактики наркотизации способны удачно дополнить деятельность государственных ведомств.

Поликонфессиональность как ресурс и как угроза процессу формирования гражданского общества в России

СЕРГЕЙ ГРАДИРОВСКИЙ

Гражданское общество появляется в результате успешной реализации проекта по созданию политической нации. То есть не всякое общество является гражданским и не всякий республиканский строй основывается на обществе (как структурированном и самостоятельном социальном организме). Рассмотрим эти суждения по очереди.

Не всякое общество является гражданским. Возьмем, например, традиционное общество — оно хорошо структурировано, сословно, достаточно самостоятельно, в нем нередко сильно развито местное самоуправление, но его представители не образуют политическую нацию, не участвуют в политическом проекте, и потому такое общество не является гражданским (альтернативным «традиционному» в Средние века было сообщество самоуправляемых городов).

Не всякий республиканский строй основывается на обществе. Самый близкий нам пример, Российская Федерация, это вроде бы республика (федеративная республика), но общество в стране победившего либерализма явно не просматривается. Кто посмеет утверждать, что в России мы имеем дело со структурированным и самостоятельным социальным организмом? Электоральное поведение — ярчайшее свидетельство отсутствия такового.

Может ли гражданское общество появиться в ситуации не реализованного проекта создания политической нации? Общество благосостояния — может, сословное общество — может, гражданское — нет. Ибо гражданство неотделимо от политических претензий, выраженных в системе политических требований и гражданской ответственности.

Часто путают два типа сознания: гражданское и этатистское. Их необходимо различать. Человек гражданский ощущает себя представителем политической нации, его отношение к государству инструментально, т. е. он рассуждает следующим образом: нам нужна такая-то государственная форма, что предполагает выполнение перед нами (гражданами) таких-то обязательств; мы платим налоги, которых хватает именно для того, чтобы эти обязательства были качественно исполнены. Иными словами, государство является функцией общества, спаянного политической волей. Государство — щит и панцирь, но не главнокомандующий. Напротив, для человека этатистского государство является кумиром, он реализуется только через службу государству (государю), такой человек уповает преимущественно на сильное, могущественное государство, поскольку только оно (в этом человек этатистский абсолютно уверен) обеспечивает ему и его близким безопасность. В такой конструкции человек становится функцией государства, топливом государственной машины. Исторически в России первый тип неразвит, второй — переразвит.

Проект создания политической нации может быть спаян доминирующей религиозной идентичностью, но может быть и индифферентен к любым религиозным формам. Этот тезис направлен против наивного представления, гласящего, что гражданское общество является проектным ходом исключительно секулярного сознания. Протестантские проекты Нового времени, проект нации ислама разрушают этот миф, как, впрочем, и большевистский проект, агрессивная антирелигиозность которого только подчеркивала его имманентную квазирелигиозность: массовые демонстрации вместо крестных ходов, знамена и транспаранты вместо хоругвей, членство в партии вместо церковно-приходского, свой иконостас из членов Политбюро, свои мощи в Мавзолее, собственный проект Будущего Царства Справедливости и особой миссии русского народа, вновь страстотерпца.

Напротив, проект французской республики философов-энциклопедистов — яркое свидетельство того, как религиозная идентичность может быть решительно отброшена. Хотя и здесь наблюдается все то же чувство избранности и греха. Каждый член революционной организации — потенциальный грешник, писал в своей работе по социальной теории И. Валлерстайн, даже если в прошлом его поведение и было достойным. Поэтому члены любой революционной организации всегда находятся под непрерывным контролем революционных властей, наблюдающих, не пошли ли члены организации против «воли Бога и Церкви», иначе говоря, против воли революционной организации и идеи социальной справедливости.

Если можно и так и этак, то как поступить нам в России в начале XXI в.? Кто прав — те, кто смешивает задачи исторической реабилитации России и восстановления ее православной идентичности, или те, кто считает, что проект создания новой политической нации на пространстве одной восьмой части суши должен быть осуществлен поверх любых религиозных форм самоопределения населения?

Обратимся вначале к историческому наследию России.

Поликонфессиональность России задана исторически, но исторически задана и разностатусность религиозных организаций. Как только дружины Ивана Грозного взяли Казань и Астрахань, любые суждения о моноконфессиональности России стали абсурдными. Иное отношение должно было предполагать чудовищный геноцид. Направленность внешней политики государства на комплементарную колонизацию предполагала закрепление статуса иноверца. Из создавшегося положения власть вышла путем внедрения и совершенствования практики разностатусности.

До 1906 г. православие занимало особые позиции в государстве, поскольку было «Первенствующей господствующей в Российской Империи верой». Царская «табель статусности» ставила православие на голову выше других, с терпимостью и выверенной долей уважения относясь к исламу (по крайней мере после реформ Екатерины II), за которым по убывающей следовали лютеране, католики, иудеи и буддисты. В последней графе («Гонимые») традиционно числились «еретики»: старообрядцы, туземные евангелисты-«протестанты» и прочие «сектанты». Революция 1905 г. и указ о веротерпимости 1906 г. не затронули сути схемы разностатусности, тем не менее находившимся на «нижних палубах» «табели» дышать стало намного легче.

Советская власть в первые годы своего существования перевернула систему государственно-конфессиональных предпочтений с ног на голову: Русская православная церковь, любимица прежней власти, ее опора, подверглась наиболее жестоким гонениям, в то время как религиозные группы, которые до революции числились в графе «Гонимые», получили ряд поблажек. Таким образом, сам принцип разностатусности был неукоснительно соблюден, несмотря на кардинальное изменение его «вестибюлярной» части.

Позже «табель» вновь была пересмотрена: православие стало главенствующей религией атеистического (но без воинствующих излишеств) государства. Орган, созданный Сталиным, был назван Советом по делам Русской православной церкви. Католичество и протестантизм — религии «вероятного противника» Со-

ветского Союза — попали в опалу сразу после Ялтинской конференции 1945 г.

Эта система закрепились в структуре созданного в 1965 г. Совета по делам религий при Совете Министров СССР. Новый орган был разделен на три отдела. Отдел, ведавший делами Русской православной церкви и старообрядцев, был наиболее многочисленным и состоял преимущественно из религиоведов и партийных работников. Второй отдел был не столь многочисленным и наблюдал за мусульманскими и иудейскими общинами. Третий отдел следил за тем, чтобы «особо опасные» религиозные организации (протестантские и католические) не проявляли активности и по возможности вовсе не заявляли о себе.

В 1991 г. Совет по делам религий был упразднен, было провозглашено равенство религиозных организаций. Десятилетие спустя период демократизации российского общества был наречен периодом «разгула свободы совести», когда страну буквально «заполонили псевдорелигиозные организации, в результате чего общество оказалось беззащитным перед наплывом мутных и чуждых ему идей». Впрочем, довольно скоро «либеральные беснования» прекратились, общество остепенилось, неизменная «табель статусности» утвердилась. Она представляет собой институциональное закрепление восприятия религиозного многообразия страны сквозь призму трех условных групп, деля все конфессии и религии на официальные, терпимые и гонимые.

В разных регионах в зависимости от национального и религиозного состава населения в «табель» могут вноситься коррективы, но общая схема остается неизменной.

В роли «официальной» конфессии выступает православие. Там, где основная часть населения исповедует ислам (это две приволжские республики и гирлянда северо-кавказских), в роли «официальных» выступают исламские и все те же православные организации, на территориях, где основная часть населения исповедует буддизм (Калмыкия, три бурятских субъекта Федерации и Тува), — буддистские и православные.

Практически везде «терпят» иудеев, мусульман и буддистов; если речь идет о местах расселения этнических немцев, в число «терпимых» попадают лютеране, а если в каких-то местах традиционно спасались старообрядцы и дожили до наших дней, — то и они.

Среди «гонимых» оказываются все христианские конфессии за исключением православия и, как уже отмечалось, в отдельных редких случаях лютеранства и старообрядчества (изменения в схеме, как правило, зависят от политического веса местного православного владыки). И практически нигде никакого спуска не дают так называемым новым религиозным движениям.

Впрочем, ситуация на самом деле еще специфичнее, ведь на высшей ступени иерархической лестницы находится не православие как конфессия, а конкретное юридическое лицо — Русская православная церковь. Отношение к другим православным юрисдикциям, «расколнничим», еще жестче, чем к любому неправославному религиозному течению. Здесь ни компромисс, ни поблажки в принципе невозможны, ибо они только институционализируют раскол.

Возникает законный вопрос: каким образом разностатусность — как принцип и политическая практика — может сочетаться с проектом формирования политической нации и связанным с ним процессом создания гражданского общества? Не является ли разностатусность рудиментом нашего исторического наследия, очевидным тормозом для процесса развития общественных отношений в стране? Что, собственно, позволяет воспроизводить «византийскую» модель государственно-церковных отношений и какие процессы такая модель напрочь убивает? Наконец, каковы демографические, антропологические, геоэкономические тенденции в России и мире, учет которых необходим в целях самоопределения нашего общества?

Этнокультурное и религиозное разнообразие России будет возрастать, что потребует адекватной политической формы. Россия — единственное государство на постсоветском пространстве, нарастившее свое внутреннее многообразие. Все новообразованные республики бывшего СССР в своей ставке на этнонациональный тип мобилизации добились одного — гомогенизации титульного состава. В результате на Украине стало больше (относительно других этносов) украинцев, в Грузии — грузин, в Азербайджане — азербайджанцев, в Узбекистане — узбеков. Это трудно отнести к процессам развития или восстановления принципа справедливости, о чем все 90-е годы проповедовала в бывших советских республиках национальная интеллигенция. Также сложно списать гомогенизацию на процесс «возвращения на круги своя» — например, ни в Грузии, ни в Азербайджане такой моноэтничности, какая установилась к началу третьего тысячелетия, никогда не было.

В отличие от других республик Российская Федерация все эти годы наращивала этническое, религиозное и культурное многообразие. Отрицательный естественный прирост, непрерывные миграционные течения, различные темпы воспроизводства у разных этнических групп, такое явление, как антропоток (демографическое давление стран третьего мира на страны мира первого) — все это позволяет прогнозировать дальнейшее умножение гетерогенности. Россия XXI в. — это страна иммиграции, в отли-

чие от России XX в. — страны эмиграции, а ранее колонизации. Новое лицо России требует иной модели политического странового управления.

Процесс наращивания гетерогенности будет пугать политиков и обывателей до тех пор, пока не появится представление о том, каким образом все это склонное к бунту многообразие может сохранить единство.

«Единство в многообразии» — слова, выбитые на гербе Автономной республики Крым, — являют собой политический принцип. Но политическая форма появится только в момент институционализации механизмов, отвечающих за солидарность всех субъектов политической игры. Поэтому не отдельные и назначенные, а многие и выбранные должны участвовать в сложении новой политической формы. Из этого следует, что стране необходима рамочная идентичность, связующая разное в единый политический организм.

В таком качестве не может выступить ни расовая, ни этническая, ни религиозная идентичность. Это может быть только гражданская идентичность, идентичность политической нации, которая основывается на коллективном опыте, ценностях и параметрах будущей судьбы. В «Бесхребетной Испании» Хосе Ортега-и-Гассет писал, что нации формируются и живут лишь постольку, поскольку воплощают в себе некое стремление осуществить общую программу грядущего.

Россия судьбой обречена на политическое самоопределение, она не может отсидеться в этнической или конфессиональной оболочке, как на то уповают многие в современной России. Наличие политического проекта-самоопределения — это способ длить национальное существование в истории, а для России еще и способ сохранения ее огромного физического тела. Выпадение из мировой политики для нее одновременно означает и распад. Россия занимает слишком много места на карте мира, чтобы сохраниться в том сонливом состоянии, в котором пребывают ее народы.

Владимир Путин принял как свою задачу восстановление политической системы, но пока не поставлена задача восстановления общества. У нас поражена не просто политическая система, которая не адекватна масштабу внутренних и внешних задач и плохо справляется с вызовами, исходящими извне и изнутри, у нас поражено общество. Восстановление же общественного организма невозможно без обсуждения идентификационных глубин, подлинных оснований народной жизни. В России такой разговор — всегда разговор религиозный. Отсюда и вытекает необходимость соотноситься с религиозной жизнью, а не выталкивать ее на задворки политического процесса.

Введение эгалитарного принципа подтолкнет многих к самоопределению по отношению к политической системе. Исторически заданная разностатусность была воспроизведена и при Ельцине, и при Путине. Известно также, что идентификационное разнообразие будет нарастать — и все это на фоне никак не складывающейся политической нации. Возникает вопрос: насколько целесообразно сохранять в стране разностатусность с РПЦ во главе пирамиды? Более того, следует ли сохранять разностатусность как принцип (неважно, во главе с Московским патриархатом или с квадригой «традиционных религий», как это сложилось стараниями митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла)? Возможно, целесообразнее перейти от пирамиды к сетевой модели, от вертикальной к горизонтальной (эгалитарной) системе прав и обязательств? И на основании чего принимать решение?

Попробуем рассуждать от противного. Предположим, что можно вернуться к византийской модели. Тогда находящаяся на вершине пирамиды РПЦ действительно должна выполнить роль локомотива — субъекта развития достаточно аморфного социального субстрата. Может ли Московская патриархия это обеспечить после синодального и советского периодов? Разве организм Русской православной церкви способен к такому самореформированию и столь масштабной социально-политической миссии? Большинство экспертов отвечают отрицательно. Кроме того, непонятно, что делать с разросшимся евангельским движением России, с исламом, с пассионарными адептами новых религиозных движений. «Мочить»? Отправлять в Сибирь, как это делалось прежде? У нас религиозных организаций, не входящих в состав РПЦ, почти столько же, сколько в самой РПЦ. И как формировать гражданское общество в ситуации второстепенности почти половины населения?

Если пирамида не получается, необходимо обеспечить эгалитарное пространство, поверх которого следует запустить процесс национально-политического самоопределения. Скажем жестче: либо мы решаемся на гомогенизацию российского этнокультурного и религиозно-политического субстрата, которая скорее всего будет квалифицирована в качестве вопиющего геноцида, либо мы должны решительно отказаться от пирамидальной модели. Главное в данном высказывании — это «либо — либо». Хуже всего то, что происходящее сегодня — «ни то, ни другое». В ситуации устойчивого и бесперебойного воспроизводства всех базовых жизнеобеспечивающих процессов такая неопределенность возможна, в ситуации, в которой оказалась Россия, — нет.

Кристаллизация гражданского общества прочно связана с появлением людей, способных занимать гражданскую позицию.

Речь идет о тех, кто готов бороться за определенные, точно сформулированные, артикулированные ценности. Бороться — значит учреждать собственную деятельность, подчиняя ее рационально организованной практике по переустройству общественной жизни. Бороться — значит вовлекать в процесс переустройства других и, что важно, многих. Потому что гражданское общество требует публичной и массовой практики принятия политических решений. Сегодня наблюдается явный дефицит подобного рода позиций, хотя XX в. продемонстрировал невероятный потенциал российского человека в деле радикального переустройства жизни.

Хотим ли мы появления таких людей? Если да, то необходим поиск социокультурных практик, выбивающих людей из привычных социальных ролей и бросающих их в поток жизни, в котором каждому и всем вместе необходимо определяться, в том числе и даже в первую очередь политически. К сожалению, трудно вообразить другой (более гуманный, щадящий) способ выращивания гражданского общества в стране исторически тяглого государства и всесословного закрепощения.

Эту идею очень сложно усвоить тем, кто облечен властью. Ибо непросто перейти от отношения к гражданскому обществу как к еще одному, наряду с другими, объекту управления, к позиции партикулярной: знать, что ты сам — элемент гражданского общества, и нужно не повелевать, а договариваться. В этом случае управление представляет собой гораздо более сложный процесс, чем привычное администрирование.

Российская традиция правоприменения — еще один стимул развития гражданского общества. За права в России нужно бороться. И пока остаются те, кто борется за права (а не за милость, по старому русскому обычаю), шанс у нас есть. Поэтому и верующие в борьбе за свои права — мощнейший фактор формирования гражданского общества.

Новые религиозные движения в борьбе за свои права — это школа гражданского общества. Скажем резче: гонения на новые религиозные движения будут способствовать формированию гражданского общества и даже могут ускорить этот процесс. Ведь гонения приводят к тому, что псевдоревнители отказываются от преследуемых в обществе ценностей и форм их исповедания, а истинные ревнители только укрепляются в своих убеждениях. Такая селекция явно на пользу и стране, и обществу.

Одной из задач нациестроительства является не разрушение и не укрепление государства, а приведение его в соответствие. Спор о предпочтительном расширении или сужении функций государства в общественной жизни должен быть снят осознанием

необходимости общего смещения полномочий государства в пространстве обязательств. Другими словами, нужно дать ответ, от чего государство должно отказаться, что отдать общественным и корпоративным силам, что сбросить с себя и, напротив, какие обязательства современное конкурентоспособное государство должно принять на себя. Государству необходимо освободиться от одних обременений и принять другие. Это и называется приведением в соответствие — в соответствие с глубинными обязательствами государства, смысл существования которого — помогать нации сохранять себя в историческом процессе. Прислушаемся к мнению философа Петра Щедровицкого, считающего, что эффективность государства мерится тем, насколько оно способствует результативному включению ресурсов страны в мировое хозяйство и одновременно глобальных ресурсов в страновые процессы развития.

Политическая нация вписывает народ в историю, государство — в международную систему безопасности и систему разделения труда.

Почему два типа бюрократии — государственная и клерикальная — так легко договариваются в одних ситуациях и так ожесточенно враждуют в других?

Подобное ищет подобное. Действительно, у них общий язык и общий враг. Враждуют же они между собой исключительно в ситуации определения главенства. Собственно «симфония» особенно им никогда не удавалась. Она возможна только вне бюрократии. Бюрократическая же структура всегда выливается либо в цезаропапизм, либо в папоцезаризм.

Поэтому конечной целью и смыслом религиозной политики является верующий человек. Ни организация, самая что ни на есть правильная и традиционная, ни юрисдикция, титульная, культурообразующая, государствоформирующая, а человек, и защитить его могут только близкие и правильный политический строй. Строй, который является результатом завоевания и бдительного недоверия к правительству. В целом демократия на этом самом недоверии и строится. Отсюда — идея разделения властей. Отсюда же конституционное требование сдержек и противовесов. Поэтому религиозное, культурное и этническое многообразие, которое в России нарастает, действительно может стать шансом. Шансом, который так легко упустить.

Татары в мусульманской умме России: потери, проблемы, перспективы

ЯГЪКУБ ВАЛИУЛЛА

Так исторически сложилось, что в течение достаточно длительного времени российский ислам был татароязычным. Не секрет, что во внутренней России, как ее называли до революции, постройка мечетей, вообще бытование ислама связано именно с татарами-мусульманами. Достаточно сказать, что мечети в российских столицах С.-Петербурге и Москве построены татарами, это же характерно и для многих губернских и уездных центров. В этих местах до революции проповеди велись на татарском и арабском языках, что не вызывало никаких вопросов, так как другие мусульманские народы составляли в российских городах явное меньшинство. Спокойному отношению к татароязычности проповеди способствовал, видимо, и тот факт, что халифом правверных всего мира считался тогда турецкий султан, говоривший официально на близком к татарскому османско-турецком языке.

После падения СССР на волне перестройки начался процесс возврата религиозности, многие дореволюционные мечети возвращались верующим татарам, тем более что мечети «курировал» Духовное управление мусульман Европейской части России и Сибири, являвшееся «татарским». Однако в течение 1990-х годов в составе прихожан произошли существенные изменения. В результате постсоветского «переселения народов» выходцы из Средней Азии и с Кавказа сформировали довольно многочисленные диаспоры, которые сосредоточены в основном в больших городах. Хотя татары по-прежнему остаются самым крупным этносом в Российской Федерации после русского, тем более самым

многочисленным мусульманским этносом, это не означает автоматического преваляирования татар среди прихожан мечетей. Причина в их слабой религиозности. Исламизация же переселенцев с юга гораздо выше в относительных цифрах, и в совокупности среди них оказывается больше верующих, чем татар. Постепенно такая ситуация наряду с процессом юридической и экономической легализации переселенцев, с превращением их в полноправных российских граждан приводит к их недовольству чтением пятничных проповедей на татарском языке. В результате уже сейчас, видимо, в большинстве городских российских мечетей (кроме Татарстана и Башкирии) язык проповедей меняется на русский, причем тенденция к сокращению татароязычной проповеди усиливается. И если ничего не предпринимать, вскоре может получиться так, что ислам в России перестанет быть татарским, т. е. татароязычным.

Этому процессу способствует и то, что во многом татарская молодежь русскоязычна и заражена салафитскими и ваххабитскими идеями с их полным отрицанием национального компонента. Лозунгом ваххабитов является тезис, что в исламе нет национальностей. По вине самих молодых татар татарская речь в мечетях становится зачастую запретной. Парадоксально, но единственными защитниками татарского языка в мечетях остаются исключительно наши старики-бабаи. К сожалению, они покидают этот бренный мир, а с их уходом перспективы татарского языка становятся все более призрачными. Для примера можно рассмотреть ситуацию в любой мусульманской общине любой области России.

Принято считать, что Центральное духовное управление мусульман России (ЦДУМ) и Талгат Таджутдин — непримиримые противники ваххабизма, по крайней мере на словах они себя позиционируют именно так. Но именно во многих региональных муфтиятах ЦДУМ идет неприкрытая агрессивная пропаганда ваххабизма. Например, издающаяся в Ижевске газета «Ихлас» главной своей целью ставит изменение языка проповеди с татарского на русский (к тому же она постоянно перепечатывает отрывки из ваххабитских брошюр)¹. Пока группа стариков не позволяет это сделать, но надолго ли?

Нельзя не отметить, что значительный вклад в ликвидацию татароязычных мечетей вносит и татарская научная общественность, татарская интеллигенция. Многие наши ученые озабочены лишь реформацией ислама, т. е. весь смысл их усилий сводится к идее сконструировать «Ислам без намаза», без молитвенных обязанностей². Эти призывы существенно замедляют реисламизацию татар, которые, отказываясь от намаза, покидают мечети, и их немедленно захватывают прибывшие с юга ушлые единоверцы.

Описанные процессы очень опасны для самой будущности татарской нации, для сохранения ее этнической составляющей. Наша трагическая история свидетельствует, что без такого необходимого центра консолидации, как мечеть, собрать и сохранить народ очень проблематично. Сейчас мы потеряем наши мечети, уверен, еще через три-пять лет спохватимся, но спасти ситуацию будет уже невозможно или невероятно трудно.

А каков взгляд классического шариата на соотношение надмирового характера ислама и существования национальностей и национальных языков? Здесь было бы достаточно привести аят из Корана о том, что Всевышний создал людей мужчиной и женщиной, народами и племенами³. Этот важнейший аят свидетельствует, что смена национальности и национального языка в принципе так же естественна, как и смена пола. Кроме того, если обратиться к биографии пророка Мухаммада, мы видим, что он с удовольствием называл себя курейшитом, гордился своей принадлежностью к племени курейш. Более того, и своих ближайших сподвижников он называл по национальной принадлежности, например, Салман Фариси, т. е. перс, Биляль Хабаша, Абу Зар Гифари и т. д. Если бы смысл ислама заключался в отказе от национальной принадлежности, то Пророк не стал бы окликать своих соратников по именам, связанным с их национальной и племенной принадлежностью.

Кроме того, мечети являются по сути вакуфным имуществом, т. е. недвижимостью, пожертвованной на пути ислама. А жертвователи вакуфов обладают правом обуславливать пожертвования, и воля вакуфодателей (вплоть до разрушения мечети) при наличии пожертвованного земельного участка должна вечно исполняться. Известно, что наши предки до революции жертвовали деньги именно для татароязычных мечетей, и их воля должна быть священной и для нынешних пользователей этих зданий, т. е. пятничные службы должны идти на татарском языке, и тому есть вполне корректное шариатское обоснование.

Таким образом, в исламе вполне уместна этническая религиозная жизнь. Классический ислам отнюдь не отвергает бытования мусульманской религии в национальных формах, в том числе и языковых. Конечно, это не означает, что нужно впадать в другую крайность наподобие христианства, имеющего этнические церкви (Русскую, Армянскую и т. д.). Татарское духовенство нуждается в поддержке своей интеллигенции для разъяснения общественной востребованности татароязычной мечети, для расширения круга защитников этого феномена.

К сожалению, зачастую конструктивного диалога с научной общественностью не получается. Видимо, это связано и с качеством самой татарской научной среды, многие представители которой — люди солидного возраста. Они жили в XX в., когда складывались социально-экономические предпосылки для распространения атеизма, в эпоху промышленной революции, свойственное которой конвейерное производство было антиподом индивидуализма. Непрерывный метод производства действительно на первый взгляд не сочетался с намазом и другими видами богопоклонения, которые прекрасно вписывались в жизненный цикл ремесленника или крестьянина, располагавшими личным свободным временем и планировавшим внутрисуточный режим. Период массового конвейерного производства остается в прошлом. Все больше людей трудится индивидуально за компьютерами, у них опять появилась возможность свободного планирования своего рабочего графика, что способствует возврату религиозности. Практическое богопоклонение снова станет естественной частью жизни.

На Западе эти тенденции уже заметны. Установки на прагматизм, технократизм уступают место гуманитаризации интеллектуальной сферы, происходит постепенное наращивание религиозности.

К сожалению, как уже указывалось, почти все наши ученые — люди предпенсионного возраста, они по привычке связывают начало чтения намаза со старостью, и никто из них не хочет признать себя бабаем. Зато они критикуют традиционный ислам и хотят его обновить, чтобы самим остаться современными. Им невдомек, что тенденции в мире изменились, сейчас перевес на стороне гуманитарного знания, т. е. чтобы казаться современным, наоборот, лучше быть религиозным, но физико-математическое образование, да и возраст объективно мешают прочувствовать эту тенденцию. Кокетливое желание молодиться за счет отказа от мусульманских обрядов многие уже воспринимают с юмором. Итак, чтобы быть современным, надо, наоборот, идти к намазу, а не бежать от него, тем более что общение с компьютером предполагает перерывы для духовной релаксации и физической разгрузки — а это и есть намаз, если его описывать, выражаясь языком реформаторов.

Несмотря на то что призывы открыть ворота иджтихада (права на самостоятельное богословское суждение) раздаются уже более ста лет, прецедентов для такого иджтихада не видно, а отсутствие его плодов наводит на определенные мысли. Если ни у кого он не получается, может быть, не случайно эти ворота были закрыты? Симптоматично, что продвижение идеи о наличии «ре-

форматорства» у татар очень похоже на методы «черного пиара». Так, реформаторы говорят, что у Курсави прописаны такие-то и такие-то идеи, и действительно, они звучат свежо и ново, но при этом умалчивается, что это не идеи самого Курсави, а цитаты из раннесредневековых авторов. Разве это не является еще одним убедительным доказательством, что все идеи уже были высказаны и иджитхад невозможен, так как все «новые» идеи — это или плагиат, невольное совпадение, или просто выход за пределы ислама и создание новой религии а ла ахмадия и бехаизм. То же наблюдается не только у Курсави, но и у Бигиева и др.

К сожалению, пока у современных татар заметна преверженность не свойственному им пустынно-созерцательному варианту ислама, построенному на безотчетном следовании букве, а не смыслу священных текстов и слепом таклиде новым ересиархам наподобие Ибн Таймийи, Ибн Каййима, Мухаммада Ибн Абдаль-Ваххаба и др. Ясно, что этот путь — путь рабства хадисоведения, путь не умственной веры, а бездумного, «роботного» подчинения и фанатизма — противоречит всему менталитету татар и может привести к очень печальным последствиям. Наши предки были вообще равнодушны к этой стороне восприятия ислама. Показательный факт: если до революции были изданы на татарском языке многие тафсиры — толкования Корана, то хадисы из шести сборников не переводились вообще. Поскольку в сборниках хадисов по одной теме всегда присутствуют хадисы противоположного содержания, то из-за невозможности использовать их на практике эти книги не были востребованы. Печатались лишь отобранные сборники типа «1001 хадис». Логичнее использовать уже готовый анализ хадисов, проведенный учеными и выраженный в фикхе, что реально и происходило в истории. Поэтому и сегодня для успеха проповеди ислама надо иметь в виду эти особенности татарской психологии — подавать исламские истины именно через мировоззренческий дискурс, а не только через текстовый императив.

В эмоциональной архитектонике татар отсутствие горячности и возбудимости не доходит до сухости. Татарская душа очень чувствительна, поэтому в религии ее не может удовлетворить лишь механистический подход к исполнению внешних ритуалов. Очень важно личное восприятие Божественного, поэтому у татар так популярны именно *да'а* — личные апелляции к Всевышнему, из-за чего сложилась своеобразная обрядовая система, не противоречащая шариату, — частые коранические меджлисы, способ стяжания благодати через крылья ангелов и опять-таки прямую апелляцию к Самому Всевышнему. Все это в комплексе и характеризует веру татар — ее теплоту, сердечность, коллективизм, осмысленность и по-

стоянное напряжение разума. Меджлисы эти в то же время по сути интеллектуальное обсуждение тонкостей праведной веры.

К сожалению, не всегда татарский вариант ислама находит понимание у представителей другой, пустынной этнопсихологии, которые, считая себя монополистами «правильного ислама», пытаются тиражировать жесткий (зачастую неоправданный) вариант восприятия ислама. Будем надеяться, что татарский этнос достаточно устойчив, чтобы сохранить адекватное ему чувствование и общение с Богом.

Нам нужно понять достаточно простую вещь: критика ритуалов и обычаев никогда не приводит к их исчезновению. Любая критика конкретных обычаев подразумевает существование альтернативных, лучших с точки зрения критиков. Если же говорить конкретно о татарских обычаях, то на них идет откровенная атака с двух сторон — со стороны русского (вообще европейского) и арабского (в его пустынном варианте) образа жизни. Есть определенное умолчание со стороны критиков татарского обычая: они провозглашают в качестве своей цели уничтожение обычая, но на самом деле чаще всего эти небескорыстные пропагандисты — приверженцы инационального обычая. Удивительно, что очень многие согласны с таким подходом и даже помогают нивелированию «татарскости», утере татарами национального своеобразия и идентичности.

Таким образом, если кто-то учит вас элементарным вещам: как проводить похороны и никах (свадебный обряд), причем не так, как их исполняли наши предки, а так, как это делали другие этносы, нужно за гладкой риторикой различать некий скрытый смысл.

Представлять себе дело так, что задача самосохранения татарской нации, ее этничности сегодня уже решена, очень преждевременно. В условиях глобализации угроза размывания и утраты идентичности становится только очевидней. В этой связи актуальность методов сбережения национальных особенностей, в том числе через сохранение «своей» традиционной религии, будет только усиливаться.

До революции татары и русские тоже, как и мы сегодня, ходили по одним и тем же улицам, но все же они жили в своих «этнических пространствах», не пересекаясь друг с другом. Главный фактор «непересечения» был, конечно, религиозный. Никакой ассимиляции татар не происходило. Сегодня проблема сохранения татарского этноса от ассимиляции по-прежнему стоит очень остро, хотя в Татарстане ситуация выглядит несколько лучше. Охранительная функция ислама не перестала быть актуальной для татарского этноса; необходимость ее во сто крат увеличи-

лась именно сейчас, и усилия надо сосредоточить на реанимации проверенных свойств этой консервативной функции ислама, сохраняющей татарский этнос от размывания в первую очередь за пределами Татарстана.

Примечания

¹ См.: Хутба на двух языках // Ихлас. — 2004. — № 11; Мусульмане Сарапула // Там же. — № 10 и др.

² Хакимов Р. Где наша Мекка? — Казань: Магариф, 2003.

³ Коран, сура 49 «Комнаты», аят 13.

Этническая толерантность в поликонфессиональном и многонациональном приграничном регионе России: состояние, проблемы повышения

ВЕНАЛИЙ АМЕЛИН

Проблемы экстремизма и национализма в российском обществе

Проблема сохранения толерантности и ее повышения имеет большое значение в условиях нестабильных межэтнических отношений, роста различного рода фобий, случаев расизма, антисемитизма в российском обществе. И хотя в России, по мнению экспертов, отсутствует открытая массовая дискриминация этнорелигиозных меньшинств, в постсоветский период в городах страны становятся обыденными проявления этнического экстремизма.

Борьба с экстремизмом на почве расовой, национальной, религиозной вражды и ненависти в российском обществе ведется. Но чтобы она была эффективной, необходимо тесное взаимодействие государства и общественных институтов, позволяющее вовремя пресечь противоправные действия. Однако эффективность такой работы в России оставляет желать лучшего.

По данным Генеральной прокуратуры, в 1998 г. по фактам национальной, расовой и религиозной вражды в производстве находилось 25 дел (возбужденных по ст. 282 Уголовного кодекса), в 1999 г. — 44, в 2000 г. — 37, в 2001 г. — 39. В суды в 1998 г. было направлено 5 дел, в 1999 г. — 9, в 2000 г. — 6, в 2001 г. — 5. В 2002 г.

по этим фактам расследовалось 49 уголовных дел, в суды было передано 12¹.

Проблемы экстремизма, расизма, ксенофобии существуют не только в России. Всем памятны события в Индии, Афганистане, Югославии. Печально известна ситуация в Северной Ирландии. В США, в Калифорнии, несколько лет назад были сожжены три синагоги. Однако за рубежом, особенно в странах Запада, принимаются энергичные меры по борьбе с экстремизмом. Законы, которые на сей счет приняли Австрия, Дания, Германия, Италия, Нидерланды, запрещают разжигание национальной розни и пропаганду расистской идеологии, в ряде случаев даже не требуется доказательств злого умысла со стороны виновных. Во Франции был осужден редактор одной из газет в связи с публикацией антисемитской статьи. В Австрии за антинациональные подстрекательства предусмотрены наиболее суровые меры наказания — до 20 лет тюремного заключения². В Нидерландах в 1992 г. суд вынес решение по делу двух авторов брошюр, в которых отрицалось наличие в нацистской Германии концентрационных лагерей и газовых камер³.

Озабоченность государства ростом экстремистских тенденций способствовала принятию закона Российской Федерации «О противодействии экстремистской деятельности». Специалисты отмечают, что законодательство дает достаточную базу для профилактики и пресечения экстремистской деятельности, однако правоприменительная практика пробуксовывает. В качестве примера можно привести существующую много лет ст. 282 УК о возбуждении национальной, расовой или религиозной вражды, под юрисдикцию которой подпадают «действия, направленные на возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды, унижение национального достоинства, а равно пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, национальной или расовой принадлежности, если эти деяния совершены публично или с использованием средств массовой информации». Однако известно, что эта статья на практике применялась нечасто. Комментируя новый закон «О противодействии экстремистской деятельности», специалисты считают, что он важен тем, что закрепляет в законодательстве понятие «экстремистская деятельность». Уже в 2003 г. по нему было возбуждено 60 уголовных дел, но до суда дошло не более 20.

Сегодня обеспокоенность вызывает тот факт, что особую неприязнь, нетерпимость к представителям других национальностей проявляет молодежь. Об этом можно судить по материалам 12-летнего социологического мониторинга ВЦИОМа (1990—

2002 г.). Суммы ответов на вопрос: «Как Вы относитесь к людям следующих национальностей?» «С неприязнью, раздражением» и «Со страхом и недоверием» позволяют определить иерархию негативных оценок россиян относительно представителей разных национальностей.

Согласно данным, приведенным одним из руководителей ВЦИОМа Л. Гудковым, на вопрос: «Как Вы думаете, представляют ли сейчас угрозу безопасности России люди нерусских национальностей, проживающие в России?», ответы «Большую угрозу» и «Некоторую угрозу» дали 58,5% респондентов 55 лет и старше, 53,6% респондентов 40—54 лет, 52,3% респондентов 25—39 лет и 58,7% респондентов 18—24 лет ⁴. Если говорить о социальных группах, то среди рабочих, служащих и пенсионеров показатели ксенофобии превышают 65%.

Наибольший рост русского национализма наблюдается в южных регионах России, где изменения соотношения между большинством и меньшинством особенно заметны (Краснодарский и Ставропольский края, Ростовская область) ⁵. Серьезное влияние на рост ксенофобии в России оказали и продолжают оказывать две чеченские войны.

Острую значимость эти проблемы приобретают и для других политэтнических, многоконфессиональных регионов, одним из которых является Оренбургская область. Здесь проживают представители более 100 национальностей ⁶, зарегистрировано свыше 80 национальных и 369 религиозных организаций, принадлежащих к 21 конфессии ⁷.

В регионе наблюдаются случаи проявления русского национализма. В 2003 г. на одном из заседаний совета сопредседателей Общественной палаты при Законодательном собрании и главе администрации области при обсуждении вопроса «О проблемах и перспективах развития национальных отношений в области» сопредседатель Оренбургского регионального отделения Национально-державной патриотической партии зачитал заявление по национальному вопросу, которое буквально повергло присутствовавших в шок. Говоря о том, как трудно живется русским в национальных республиках, выступавший заметил, что и на исторической родине бесправное положение русских усугубляется «ползучей оккупацией кавказцев и среднеазиатов». В заявлении объяснялось, как это происходит на практике. «Механизм ползучей оккупации» весьма прост: пользуясь несовершенством и слабостью российского законодательства в части незаконной миграции, некоренные инородцы создают в городах диаспоры, которые затем превращаются в мафиозные структуры и начинают захват власти, жилья, имущества и земельных участков коренных наро-

дов. Постепенно один этнос заменяется другим, коренные народы попадают под иго чужаков.

Не были обойдены в этом заявлении и другие национальности. Авторы заявления поясняют, что «...засилье кавказцами и азиатами городов России — это всего лишь часть “оккупационного режима”. Его основной частью является еврейский “олигархат”, взявший в свои руки бразды правления в России — от законотворчества, воспитания-образования до миграционных вопросов и торговли. В руках этой сионистской мафии целиком и полностью находятся проблемы и межнациональных отношений».

Далее авторы заявления описывают ситуацию, которая, по их мнению, сложилась в Оренбуржье: «...В приграничном городе с большим количеством пришлого населения уровень национального угнетения русских максимальный. Все продовольственные рынки захвачены кавказской мафией, которая перепродает мясные продукты по двойным-тройным ценам. Цыгане и азиаты специализируются на наркоторговле. Русская нация этот инородческий беспредел далее терпеть не может. Отсюда выступления русской молодежи — скинхедов, самостоятельная борьба с наркоторговцами, стычки с обнаглевшими чеченскими экстремистами и т. д. Зреет стихийный русский бунт».

В заключение авторы заявления предложили Общественной палате поставить перед органами государственной власти России — Государственной думой, Советом Федерации и президентом вопрос о недопустимости продолжения троцкистско-ленинской национальной политики⁸. По их мнению, национально-территориальный принцип является источником сепаратизма, антидержавности, паразитизма и разжигания национальной розни. Предлагается перейти на территориально-этнополитический или губернский принцип. Высказывались требования к губернатору и исполнительной власти области привести национальный состав исполнительной власти в соответствие с национально-пропорциональным принципом представительства коренных народов, выдворить незаконных мигрантов, ликвидировать диаспоры некоренных народов и т. д.

Общественная палата подготовила свое заявление, в котором в частности говорилось: «Мы убеждены, что подобные заявления ничем иным, как попыткой разжигания национальной розни, призывом к погромам и насилию на территории многонационального Оренбуржья не назовешь». Ее члены посчитали необходимым исключить региональное отделение Национально-державной партии из Общественной палаты, а также обратиться в региональное правление Министерства юстиции России по поводу применения ст. 38 закона «О политических партиях» по отноше-

нию к региональному отделению этой партии в части вынесения ей письменного предупреждения. Однако некоторые руководители национальных организаций считают, что этих мер недостаточно и необходимо привлечь авторов заявления к ответственности в соответствии с законом «О противодействии экстремистской деятельности».

Состояние толерантности у оренбуржцев

Профилактика экстремизма в российском обществе — основа формирования толерантного осознания. Толерантность понимается как «отсутствие или ослабление реагирования на какой-либо неблагоприятный фактор в результате снижения чувствительности к его воздействию»⁹. Среди специалистов в настоящее время существует достаточно много разных подходов к определению толерантности. Так, профессор Н. Лебедева отмечает, что этническая толерантность понимается как отсутствие негативного отношения к иной этнической культуре, а также наличие позитивного образа иной культуры при сохранении позитивного восприятия собственной, т. е. этническая толерантность является не следствием ассимиляции как отказа от собственной культуры, а характеристикой межэтнической интеграции¹⁰.

Член-корреспондент РАН В. Тишков утверждает, что толерантность не является универсальной категорией: ее содержание и границы, а также число адептов среди рядовых граждан и активистов социального пространства различаются не только в историческом аспекте, но и в зависимости от культурной традиции, состояния общества и многих других факторов¹¹. Нам представляется верной точка зрения профессора Л. Дробижевой, утверждающей, что понимание толерантности имеет не только научное, но и практическое, идеологическое и политическое значение. Она рассматривает толерантность «не как позицию самоограничения и намеренного невмешательства, согласия на взаимную терпимость, а также и принятие других такими, какие они есть, и готовность взаимодействовать с ними»¹².

Проводимые в последние годы в Оренбургской области социологические исследования фиксируют тенденцию к снижению терпимости и толерантности. Так, если проследить динамику уровня неприязни к людям другой национальности, то в 1994 г. этот показатель составлял 26% опрошенных, в 1995 г. — 28%, в 1998 г. — 28%, в 2000 г. — 33%, в 2001 г. — 49%, в 2003 г. — 48%¹³. На троллейбусных остановках Оренбурга можно прочесть объявления: «Сдам квартиру для русской семьи», «Русская семья сни-

мет квартиру или частный дом на длительный срок». Объявления аналогичного свойства встречаются в газетах ¹⁴.

Говоря о национальной неприязни, многие социологи отмечают наличие иммунитета к этнофобии у старшего поколения, который был привит ему еще в советские времена. Неприятие людей другой национальности распространено преимущественно в молодежной среде. Опросы населения в Оренбургской области также подтвердили такой вывод. Например, в 1998 г. о наличии неприязни к людям иной национальности заявляли респонденты 18—29 лет (37%), 30—49 лет (29%), 50—59 лет (28%), 60 и старше (23%) ¹⁵. Сегодня ситуация в возрастных когортах выглядит совсем иначе. Видимо, старшее поколение утратило былую иммунитет и в этом смысле мало чем отличается от более молодых возрастных групп. Уровень неприязни у людей 50—59 лет в 2001 г. увеличился до 76%, 60 лет и старше — до 65%.

Уровень образования респондентов лишь в малой степени влияет на этот показатель. Замечено, что люди с более высоким уровнем образования проявляют большую этническую нетерпимость. Об этом свидетельствуют данные табл. 1.

Таблица 1

Ответы на вопрос: «Есть ли национальности, к которым Вы относитесь негативно?», % опрошенных

Ответ	Неполное среднее образование	Среднее общее образование	Среднее специальное образование	Высшее образование
Да	45	45	48	49
Нет	55	55	52	51

Нарастание интолерантности характерно для всех основных этнических групп, проживающих на территории области. В табл. 2 приведены данные относительно русской, татарской и казахской групп опрошенных. Неприязненный взгляд на людей другой этнической принадлежности более свойствен русской части респондентов, менее всего — казахской. Но и среди последних произошло существенное снижение толерантных настроений.

Национальный негативизм фиксируется во всех населенных пунктах. В Орске, Оренбурге, Новотроицке подобное настроение отмечено у 48% опрошенных, в Гае, Соль-Илецком, Переволоцком, Асекеевском районах — у 43%, Сакмарском — у 25%.

Чувство национальной неприязни главным образом испытывает бедная в материальном отношении часть населения (табл. 3). Однако и среди обеспеченных людей подобным настроениям подвержен каждый третий опрошенный.

Таблица 2

Уровень негативного отношения к людям другой национальности в различных этнических группах, % опрошенных

Год	В группе русских	В группе татар	В группе казахов
2000	33	38	20
2001	53	36	29
2003	55	40	29

Таблица 3

Уровень негативного отношения к людям другой национальности в различных социальных группах, % опрошенных

Есть ли национальности, к которым Вы относитесь негативно	На питание хватает, но испытываем серьезные материальные затруднения			
	Денег не хватает даже на питание	Денег хватает на скромную жизнь	Живем достаточно прилично	
Да	59	51	49	39
Нет	41	49	51	61

Таблица 4

Ответы на вопрос: «Как часто в повседневной жизни Вам приходилось сталкиваться с проявлением негативного отношения к людям Вашей национальности?», % опрошенных

Ответ	1998 г.	2000 г.	2001 г.	2003 г.
Постоянно	2	2	2	2
Часто	7	7	5	7
Редко	45	40	42	40
Никогда	46	51	51	51

Несмотря на значительный негативизм по отношению к людям другой национальности, он практически не выражается у опрошенных в активной форме. Об этом свидетельствуют данные табл. 4.

В целом с откровенными проявлениями негативного отношения, по данным четырех опросов, сталкивалось постоянно и часто не более 9% опрошенных. Поэтому говорить о наличии массовых конфликтов на этой почве не приходится. Интересен национальный срез этой проблемы (табл. 5). В 2003 г. возросло количество респондентов-татар, указавших на постоянное и частое проявление к ним негативного отношения. Впрочем, и русские не избежали проявлений к ним неприязни, правда, в несколько ином масштабе.

Таблица 5

Ответы на вопрос: «Как часто в повседневной жизни Вам приходилось сталкиваться с проявлением негативного отношения к людям вашей национальности?», % опрошенных

Ответ	В группе опрошенных русских		В группе опрошенных татар		В группе опрошенных казахов	
	2001 г.	2003 г.	2001 г.	2003 г.	2001 г.	2003 г.
Постоянно и часто	6	6	4	10	15	9
Редко	41	37	49	54	55	55
Никогда	53	57	47	36	30	36

Впрочем, главным объектом выражения неприязни с чьей-либо стороны эти этносы отнюдь не являются, как, собственно, и другие национальности Оренбуржья (мордва, башкиры, чуваш и т. д.). Неприязненные чувства в основном направлены против выходцев с Кавказа, из Центральной Азии, а также цыган.

Одним из индикаторов толерантного поведения стало отношение респондентов к возможному решению близких родственников вступить в смешанный (межнациональный) брак. Практически треть опрошенных выражает согласие на заключение такого брака, примерно столько же придерживаются противоположного мнения (табл. 6). Исследование 1998 г. фиксировало количество согласных и несогласных на этом же уровне.

Несомненно, на позицию респондентов по этому вопросу повлияли также опыт межнационального общения, возраст и религиозная принадлежность, а также ряд других факторов (табл. 7 и 8).

Таблица 6

Ответы на вопрос: «Согласились бы Вы с тем, чтобы Ваш близкий родственник вступил в брак с представителем другой национальности?», % опрошенных

Ответ	2001 г.	2003 г.
Да	33	38
Нет	33	27
Мне все равно	34	35

Таблица 7

Ответы на вопрос: «Согласились бы Вы на смешанный брак близкого родственника?», % опрошенных

Ответ	Русские		Татары		Казахи	
	2001 г.	2003 г.	2001 г.	2003 г.	2001 г.	2003 г.
Да	29	36	28	40	40	24
Нет	32	26	38	32	32	36
Мне все равно	39	38	34	28	28	40

Таблица 8

Ответы на вопрос: «Согласились бы Вы с тем, чтобы Ваш близкий родственник вступил в брак с представителем другой национальности?», % опрошенных

Ответ	Возраст, лет			
	18—29	30—49	50—59	60 и старше
Да	49	37	32	30
Нет	15	28	36	33
Мне все равно	36	35	32	37

По сравнению с предыдущим опросом более высокой стала установка на смешанный брак у русских (увеличение произошло за счет сокращения доли противников), а также татар (увеличение за счет тех, кому «все равно»). Сократилось число сторонников межнационального брака у казахов (уменьшение произошло за счет прироста тех, кому «все равно»). Среди возрастных когорт

менее всего несогласных на интернациональный брак в молодежной группе.

Можно отметить в сознании оренбуржцев некую внутреннюю противоречивость. С одной стороны, отдельный человек может терпимо относиться к близким и друзьям любой национальности (пример — позитивное отношение к смешанному браку, особенно у молодежи). С другой стороны, он может испытывать неприязнь к иной национальности, отдельным ее представителям.

Основными причинами, стимулирующими неприязненные отношения между людьми разных национальностей, респонденты считают (приводим по рангу значимости):

- ухудшение экономического положения людей в России — 25%;
- борьба за власть, за влияние на людей — 15%;
- незнание истории своего и других народов — 14%;
- воздействие средств массовой информации — 13%;
- отрицательное влияние зарубежных проповедников, экстремистских национально-религиозных организаций — 8%;
- борьбу руководителей религиозных организаций за власть внутри конфессии — 6%;
- появление людей из других регионов (мигрантов) с иными обычаями и менталитетом — 6%.

В формировании этнических фобий, чувства настороженности существенную роль играют проявления социального неблагополучия. Как правило, более высокий уровень неприязни высказывают люди с наименьшим достатком — в отличие от тех же предпринимателей, у которых уровень недоброжелательности существенно меньше. Обострение противоречий зачастую связано с разделом рынков в крупных городах между этническими сообществами, как правило, воспринимаемым местным населением с негодованием.

Еще больше усилило ксенофобские настроения появление на территории России большого количества вынужденных мигрантов, ставших естественными конкурентами местного населения в борьбе за ресурсы и минимальную социальную защиту. Эти настроения способствуют распространению мифа о захвате регионов, городов «азиатами» и «кавказцами». Кстати, прошедшая перепись населения развеяла подобный миф о захвате Дальнего Востока китайцами.

К серьезным причинам ксенофобии следует отнести две чеченские войны, а также теракты. «По некоторым оценкам, за две кампании через горнило Чечни прошло уже около полутора миллионов человек из разных районов России — военнослужащих (постоянных и временно командированных) и гражданских лиц,

занятых в обеспечении армии, МВД, сил безопасности и др. Немалая часть из них — это люди с расстроенной психикой, высоким уровнем агрессивности»¹⁶.

Для повышения уровня терпимости в обществе в 2001 г. была принята федеральная целевая программа под названием «Формирование установок толерантного сознания и профилактики экстремизма в российском обществе в 2001—2005 гг.». Разработана такая программа и в Оренбургской области. Ее конкретные задачи сводятся к следующему:

- формирование духовно-нравственной личности, свободной от национальных предрассудков;
- пропаганда национально-культурных традиций народов, языка, литературы, истории;
- перевод этнокультурного образования на правовую основу, оно не должно быть «довеском» к стандарту образования;
- бережное отношение к русскому и другим языкам, совершенствование методики преподавания;
- реализация положений федеральной программы по формированию гражданского патриотизма, толерантности и профилактики экстремизма в обществе.

Региональные СМИ как ресурс толерантности

Большую роль и в снижении, и в повышении толерантности в российском обществе играют средства массовой информации. «Этническая журналистика» может быть позитивной, нейтральной и негативной. Позитивная способствует, вернее, учит людей толерантности, терпимости, гуманизму. Вместе с тем в постсоветский период средства массовой информации, освещающая проблемы этничности, зачастую способствуют межэтнической напряженности в обществе. По словам В. Тишкова, «грязный язык СМИ мало кем отслеживается». Такие употребляемые журналистами лексемы, как «лицо кавказской национальности», уничижительные этнические стереотипы, внедряемые в массовое сознание через те же заголовки в газетах («Второе пришествие чеченцев», «Второе пришествие татар», «Лица бандитской национальности»), не способствуют укреплению согласия в многонациональном социуме.

Так, в Оренбуржье во время обострения противоречий между Оренбургским и Бугурусланским муфтиятами газеты пестрели такими заголовками: «Сегодня аллах акбар, завтра — руки вверх» («Оренбургская неделя»), «Мусульмане Оренбуржья,

объединитесь», «Мертвые ДУМы («Южный Урал»), «Раскол» («МК в Оренбурге») ¹⁷.

По-прежнему в ряде оренбургских газет появляются этнически окрашенные публикации, посвященные в основном утверждению идеи о криминальности той или иной этнической группы. Вот заголовки статей, заметок, помещенных в начале 2004 г. только на одной из полос «Оренбургской газеты»: «Бойся заезжих таджиков» (выходец из Таджикистана, подрабатывающий в Оренбуржье, штамповал бомбы на дому), «Ромалы—шухер!» (табор не уходит в тюрьмы) ¹⁸.

Н. Мухаметшина, исследовавшая проблему национализма в России, на примере Самарской, Оренбургской областей и Башкирии составила классификатор контент-анализа текстов статей ряда газет, в том числе «Южного Урала». Согласно указанному классификатору, за четыре года опубликованы десятки статей по «русской» теме, в том числе «русскому фашизму», «славянской» теме, присутствуют «кавказская», «еврейская» темы и т. д. ¹⁹

Этнокультурная политика как фактор повышения толерантности (позитивные практики)

По мнению специалистов, сегодня в России сформировались четыре модели этнической политики.

1. Политика отчужденности. Власти стараются не замечать роста ксенофобии среди русского населения и полагают, что сама постановка вопроса о проблемах национальных меньшинств провоцирует межэтническую напряженность. Это наблюдается в Тульской, Рязанской, Смоленской областях.

2. Политика конфронтации с отдельными национальными меньшинствами. В регионах, где сильны позиции казачества, распространены антикавказские настроения (Краснодарский и Ставропольский края, Ростовская область).

3. Политика балансирования между общественным мнением, настроенным против национальных меньшинств, и необходимостью политической стабильности (Воронежская, Курская и Волгоградская области).

4. Политика противодействия экстремизму и конструктивного сотрудничества с национальными меньшинствами (Астраханская и Оренбургская области, в меньшей степени Самарская и Саратовская области) ²⁰.

В данном разделе речь пойдет о позитивной практике в области этнической политики, имеющейся в Оренбуржье.

Процессы демократизации российского общества способствовали активизации возрождения национального самосознания. В постсоветский период в Оренбургской области происходит формирование институтов гражданского общества, что способствует налаживанию сотрудничества в этом полиэтническом регионе. Поддерживаются и развиваются различные формы общественно-политической организации этнических групп, также обеспечивается доступ их представителей к власти. На основе имеющейся правовой базы созданы национально-культурные центры и автономии, просветительские общества, ассоциации, землячества. В области их свыше восьмидесяти.

Они призваны способствовать сохранению родного языка, народных традиций, сохранять и развивать национальную культуру. Национальные организации играют важную конструктивную роль в сохранении стабильности в обществе, развитии межкультурного общения, укреплении межэтнических отношений, удовлетворении национально-культурных запросов.

Разработаны механизмы сотрудничества с национальными организациями. Основные звенья этого механизма таковы:

- Областной межнациональный координационный совет;
- Совет по делам национальностей при главе администрации области, функционирующий как региональное отделение Ассамблеи народов России;
- Научно-методический совет;
- участие представителей национальных организаций в работе «круглых столов» при Законодательном собрании области;
- совместная подготовка проектов программ, реализация документов, касающихся национальных и межнациональных проблем.

Совместно с национально-культурными центрами, а также региональным отделением Научного общества этнологов и антропологов, созданного при содействии Института этнологии и антропологии РАН Научно-исследовательским центром истории народов Южного Урала, Общественным институтом истории народов Оренбуржья им. Мусы Джалиля, подготовлены и проведены десятки научно-практических конференций. За последние годы издано более сорока книг по проблемам этнической истории, духовной культуры, межэтнических отношений, национальной политики.

Получила широкое распространение практика разработки программ по реализации региональной национальной политики, предусматривающих сохранение и развитие национальных культур. С 1993 г. в Оренбуржье действуют три целевых комплексных программы поддержки развития национальных культур народов Оренбуржья. В настоящее время реализуется Про-

грамма реализации модели региональной национальной политики Оренбургской области на 2001—2005 гг., разработанная при непосредственном участии национальных организаций. Наряду с разделами, посвященными сохранению национальных культур, развитию этнокультурного образования, расширению информационного пространства на разных языках, программа содержит специальный раздел по предотвращению и профилактике экстремизма. Финансируются программы из областного бюджета.

Этнокультурное образование реализуется в дошкольных образовательных учреждениях «дополнительного образования», негосударственных образовательных центрах.

В настоящее время в 187 школах преподается родной (нерусский) язык, в том числе в 83 — татарский, в 47 — башкирский, в 46 — казахский, в 5 — мордовский, в 4 — чувашский, в одной — еврейский и еще в одной — польский.

Проводимая в нашем многонациональном регионе этнокультурная политика, несомненно, способствует повышению толерантности населения. Однако прав В. Тишков, считающий, что политика мультикультуризма может только снизить напряженность, но не предотвратить насилие.

Участие во власти этнических групп и толерантность

Одним из важнейших факторов, способствующих сохранению толерантности в полиэтничных обществах, является решение проблемы доступа к власти этнических групп. Можно привести многочисленные примеры того, как в различных странах из-за нарушения этого принципа возникали межэтнические конфликты, которые тлеют до сих пор.

По данным Л. Дробижевой, в большинстве республик представительство титульных национальностей в депутатском корпусе выше их доли в населении. Башкиры, например, составляя 22,0% населения республики, имеют в палате представителей Государственного собрания, избранного в 1999 г., 43,7% голосов, в Законодательной палате — 55,0%. Таким образом, башкир среди депутатов вдвое больше, чем в населении, а русских — почти в два раза меньше. В составе Государственного совета Татарстана тоже преобладают депутаты титульной национальности. По результатам выборов 1995 г. их было 73,0% (русских — 25,4%), после выборов 1999 г. — 75,0%. А между тем по переписи населения 1989 г. в республике проживает 48,4% татар и 43,2% русских. В составе Государственного собрания (Ил

Тумэн) Якутии после выборов 1997 г. якуты (саха) составляли 73,1% при 39% в составе населения. Подобные несоответствия были в Адыгее, Калмыкии²¹. Нельзя не согласиться с Л. Дробижевой в том, что участие во власти воспринимается людьми как индикатор равенства или неравенства этнических групп.

Представительство своей национальности в органах власти является по-прежнему важнейшим фактором равенства или неравенства той или иной этнической группы в обществе. Согласно опросам такое мнение преобладает в самых многочисленных национальных группах, проживающих в Оренбуржье: свыше 60% среди русских и татар. Очень важным иметь представительство людей своей национальности в органах власти считают 31,0% татар, важным — 36,1%, не очень важным — 22,7%. У русских эти показатели составили соответственно 26,7%, 36,1% и 25,0%.

Аналогичные оценки получены и при опросе татар и русских в Татарстане: важным и очень важным представительство во власти своей национальности считают 63,0% русских и 63,4% татар²².

На вопрос: «Как бы Вы отнеслись к тому, чтобы Вашим непосредственным начальником был бы человек иной национальности, чем Ваша?» 52,4% русских оренбуржцев ответили, что им это безразлично; 24,1% предпочли бы человека своей национальности, но если бы назначили представителя другой национальности, возражать они бы не стали, и лишь 15,4% предпочли бы только «своего». У татар Оренбуржья ответы составили соответственно 69,4%, 20,4% и 6,5%.

По итогам последних трех опросов видно, что незначительная, но все же заметная доля респондентов заявляет о недостаточном присутствии в органах власти представителей своего этноса. В 1998 г. этого мнения придерживались 8%, в 2000 г. — 7%, в 2003 г. — 8%. По данным последнего опроса, такая точка зрения более всего присуща казахам (20%) и татарам (13%)²³.

Анализ состава руководящих кадров области, проведенный в 2003 г., свидетельствует, что самые многочисленные национальные группы (русские, татары, украинцы, мордва, башкиры, чувашаи, белорусы, немцы, евреи и др.) пропорционально представлены на всех уровнях. Например, вторая по численности национальная группа, татары (7,2%), среди глав администраций сельских и городских советов составляют 10,3%, среди заведующих районных и городских отделов образования — 2,3%, среди депутатов областного Законодательного собрания — 4,2%, среди директоров школ — 9,4%, работают директорами акционерных обществ 12,3%. В составе студентов татар 7,7%, а среди профессорско-преподавательского состава — 4,8%.

Казахи представлены в составе работников администраций поселковых, сельских советов — 4,1%. Среди начальников районных, городских отделов внутренних дел их 2,2%, среди директоров школ — 8,2%. Среди депутатов Законодательного собрания 4,2% составляют украинцы (в составе населения Оренбуржья — 4,7%), среди заведующих районными и городскими отделами культуры — 11,6%, среди начальников районных, городских отделов внутренних дел — 8,8%. Представители мордвы работают прокурорами городов и районов (8,2%), главами администраций поселковых, сельских советов (6,8%), начальниками районных и городских отделов внутренних дел (6,6%)²⁴.

Некоторые выводы

Как показала Всероссийская перепись населения 2002 г., этнический состав населения Оренбуржья несколько изменился. Численность армян увеличилась в 5,1 раза, азербайджанцев — в 2,3 раза, узбеков — в 1,9 раза, таджиков — в 6 раз. Также увеличилось, хотя и незначительно, количество казахов, чеченцев, грузин, представителей народов Дагестана. Уменьшилось количество украинцев (на 2%), чувашей, мордвы, немцев. Не только сохранили, но и несколько увеличили свою численность русские и татары.

Поэтому в ближайшее время в регионе будет наблюдаться тенденция к консолидации групп на этнической основе. В 2003 г. в Управлении юстиции зарегистрировано семь новых национальных организаций (греческая «Эллада», дагестанский «Дагестан», Киргизский центр, две молодежные национальные татарские организации, чувашский центр «Малалла», организация уроженцев Таджикистана «Вахдат»). Готовятся к регистрации организации грузинской, корейской, узбекской диаспор, общество русской культуры.

В связи с происходящими в России этнополитическими процессами, террористическими актами у оренбуржцев будет наблюдаться снижение толерантности. В России 60% опрошенных испытывают неприязнь к представителям различных национальностей, 77% — к кавказцам²⁵. В Оренбуржье в первую очередь это будет отражаться в сознании людей, высказываниях на бытовом уровне. Вместе с тем какие-либо локальные конфликты на межэтнической почве вряд ли будут иметь место.

В связи с предстоящими муниципальными выборами могут усилиться требования представителей этнических групп, связанные с более внимательным отношением местных руководителей к решению проблем этнокультурного образования, к откры-

тию газет, увеличению представительства во власти. В предстоящих выборах глав муниципальных образований не исключено использование этнического фактора.

На федеральном уровне и в регионах существует серьезная проблема, от решения которой зависит этнополитическая стабильность. О ней шла речь в статье В. Тишкова «Кто и как управляет сегодня этноконфессиональными проблемами в России»²⁶. После упразднения Миннаца в 2001 г., а затем и должности министра, курирующего этноконфессиональные проблемы в России, возникает опасность ликвидации подобных структур в регионах. Наивно думать, что их исчезновение снимет с повестки дня проблемы меньшинств или религиозных общин.

Между тем в полиэтничных, многоконфессиональных регионах России накоплен ценный опыт межэтнического согласия и сохранения межконфессионального мира. Сфера межэтнических отношений сегодня передана в ведение Министерства культуры. Но совершенно очевидно, что на фоне разгула движения скинхедов, расизма и усиления ксенофобии в России недальновидно сводить сферу межэтнических отношений только к этнокультурной политике.

Примечания

¹ Концепция государственной национальной политики Российской Федерации: опыт, реализация. 2002 год, часть I / Правительство Российской Федерации. — М., 2003. — С. 6.

² Верховский А., Папн А., Прибыловский В. Политический экстремизм в России. — М., 1996. — С. 29.

³ Там же.

⁴ Паин Э. А. Почему помолодела ксенофобия // Независимая газ. — 2003. — 14 окт.

⁵ Там же.

⁶ Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 года по Оренбургской области (распределение населения по национальности) // Федер. служба гос. статистики. Оренбург. обл. ком. гос. статистики. — Оренбург, 2004. — С. 4.

⁷ Справка о состоянии религиозной обстановки в Оренбургской области. Численность религиозных организаций Оренбургской области в период с 1990 г. по 1.01.2004 г. Текущий архив комитета по делам национальностей и связям с религиозными организациями администрации Оренбургской области 2004 г.

⁸ Комовкин В. Ксенофобия растет // Бюл. сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов в Приволж. федер. округе. — 2003. — № 54. — С. 11.

⁹ Краткий психологический словарь / Под ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. — М.: Политиздат, 1985. — С. 357.

¹⁰ Лебедева Н. М. Теоретико-методологические основы исследования этнической идентичности и толерантности в поликультурных регионах России и СНГ // Идентичность и толерантность / Под ред. Н. М. Лебедевой. — М., 2002. — С. 26.

¹¹ Тишков В. А. Толерантность и согласие в трансформирующихся обществах // Толерантность и культурная традиция. — М., 2002. — С. 12.

¹² Дробижева Л. М. Толерантность и рост этнического самосознания: пределы совместимости // От толерантности к согласию. — М., 1997.

¹³ Аналитический отчет по итогам социологического исследования: «Состояние этноконфессиональных отношений в Оренбургской области» (июль — август 2003 г.). Выборка квотная, полностью соответствует генеральной совокупности территории, на которой проводился опрос, и осуществлялась по трем параметрам — пол, возраст и национальность. Опрошено 1000 человек в Оренбурге, Орске, Гае, Бугуруслане, Новотроицке, а также в Сакмарском, Соль-Илецком, Переволоцком, Асекеевском, Ясенском районах. Руководитель — В. Амелин.

¹⁴ См., например: Из рук в руки (Оренбург. вып.). — 2004. — Май; Авг.

¹⁵ Здесь и далее приводятся цифры из ранее упомянутого аналитического отчета по итогам социологического исследования «Состояние этноконфессиональных отношений в Оренбургской области» (июль — август 2003 г.).

¹⁶ Паин Э. А. Указ соч.

¹⁷ Амелин В. В. Этноконфессиональные отношения в оценках и представлениях массового сознания оренбуржцев // Журн. социол. и соц. антропологии. — 2002. — № 4. — С. 69.

¹⁸ Оренбург. газ. — 2004. — 13 янв.

¹⁹ Мухаметшина Н. С. Трансформации национализма и «символьная элита»: российский опыт. — Самара, 2003. — С. 285.

²⁰ Паин Э. А. Между империей и нацией: Модернистский проект и его традиционалистическая альтернатива в национальной политике России. — М., 2003. — С. 32—34.

²¹ Дробижева Л. М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. — М., 2003. — С. 61—62.

²² Социальное неравенство этнических групп: представление и реальность / Под ред. Л. М. Дробижевой. — М.: Akademia, 2002. — С. 144.

²³ Аналитический отчет по итогам социологического исследования: «Состояние этноконфессиональных отношений в Оренбургской области» (июль — август 2003 г.).

²⁴ Национальный состав руководящих кадров Оренбургской области на 1.09.2003 г. // Текущий архив комитета по делам национальностей и связям с религиозными организациями администрации Оренбургской области. 2003 г.

²⁵ Дульман А. Россияне становятся агрессивными // Рос. газ. — 2004. — 17 марта.

²⁶ Тишков В. А. Кто и как управляет сегодня этноконфессиональными проблемами в России // Бюл. сети этнологич. мониторинга и раннего предупреждения конфликтов в Приволж. федер. округе. — 2004. — № 73. — С. 3.

Переход на латинскую графику в Татарстане: между научной целесообразностью и политической конъюнктурой

РАФИК МУХАМЕТШИН

Государственная дума 15 ноября 2002 г. изменила ст. 3 закона «О языках народов Российской Федерации», дополнив ее пунктом следующего содержания: «В Российской Федерации государственный язык Российской Федерации и государственные языки республик в составе Российской Федерации используют алфавиты (буквы русского алфавита) на основе кириллицы. Иные основания (иная кодировка) для обозначения букв (знаков, символов) алфавитов государственных языков республик в составе Российской Федерации могут устанавливаться федеральными законами». Само внесение законопроекта такого содержания и подписание его президентом страны уже во многом свидетельствуют о том, что Россия со своей вертикальной структурой власти и единым правовым пространством переходит в иную политическую плоскость и приобретает форму «фасадной демократии», когда за внешним демократическим декором четко вырисовываются в основном кланово-авторитарные тенденции.

Проблема совершенствования татарской графики стала одной из форм проявления борьбы за суверенитет Татарстана. Первые шаги были предприняты в 1989 г. Созданная при Институте языка, литературы и истории (ИЯЛИ) им. Г. Ибрагимова специальная комиссия предложила проект усовершенствования татарской графики, который без широкого обсуждения был утвержден Президиумом Верховного совета Татарской АССР 17 июня 1989 г.¹ Но изменения в основном свелись к введению в существующий татарский алфавит трех новых знаков. Этот проект не нашел поддержки в обществе. Дело, конечно, не только в том, что

он больше усложнил, чем усовершенствовал татарский алфавит. Скорее всего свою роль сыграла та общественно-политическая обстановка, которая складывалась в республике в конце 80-х — начале 90-х годов. Подъем национального движения, огромный интерес к национальной культуре, рост национального самосознания, возвращение религии в духовную жизнь общества сыграли свою роль и в формировании негативного отношения к татарскому алфавиту на основе кириллицы, который ассоциировался с периодом застоя и ущемления интересов народа. Точка зрения, высказанная академиком А. Каримуллиным, по сути дела отражала настроение национальной интеллигенции: «По существу, нам предложили алфавит русского языка с приложением некоторых знаков для обозначения отдельных звуков татарской речи. А между тем разговор всегда шел о необходимости именно татарского алфавита, полностью отвечающего звуковой системе языка нации»². Языковеды — создатели упомянутого проекта пытались доказать свою правоту, утверждая, что «...дело не в алфавите как таковом, а в том, насколько он приспособлен к своему языку... И кириллица станет отменной графикой в результате прибавления к ней недостающих трех букв, что позволит упростить правописание»³. Но общественное мнение к этому времени уже было ориентировано на принятие более радикальных решений в этой сфере. По инициативе Татарского общественного центра 30 марта 1991 г. в Казанском университете состоялась конференция татарской интеллигенции, на которой было принято решение о необходимости восстановить «Яналиф» — татарский алфавит на основе латинской графики, который использовался в 1927—1939 гг. Именно идея восстановления существовавшей графики (а не переход на латиницу) сыграла заметную роль в том, что это довольно быстро стало важнейшим компонентом борьбы за суверенитет Татарстана. Для общественного сознания эта идея была привлекательна по двум причинам. Во-первых, она была направлена на восстановление исторической справедливости, которая в 1939 г. в обстановке террора и всеобщего страха была нарушена. Тогда без всякого гласного обсуждения в директивном порядке был осуществлен переход татарской письменности на кириллицу. Во-вторых, эта идея несла в себе весомый компонент, вписывающийся в общую борьбу за независимость Татарстана.

Правда, было бы логично обсудить восстановление и арабской графики, но за исключением некоторых представителей мусульманского духовенства всерьез эту проблему никто не обсуждал. Представители светской интеллигенции постоянно подчеркивали, что «...арабская графика... более тысячи лет служила татарскому народу, на ее основе создана богатейшая литература. От-

каз от этой графики повлек за собой национальную трагедию: сменилось несколько поколений, далеких от понимания истории, культуры своего народа, большая часть духовного наследия которого была сокрыта за непонятными потомкам письменами»⁴. Тем не менее сторонников возвращения к арабской графике было мало. А. Каримуллин объясняет это тем, что «...татарское письмо на основе арабского алфавита не было унифицировано. Практически все духовное наследие прошлого изложено в разных формах арабского письма, употреблявшегося разными народами... Принятый тогда алфавит выражал звуковую систему арабского, а не татарского языка... Иными словами, арабской графике были присущи почти те же недостатки, что и татарскому алфавиту на основе русской кириллицы»⁵. Такой же позиции, в принципе, придерживались и языковеды. Так, по мнению В. Хакова, «...хотя и алфавит по традиции у нас функционировал в течение веков, он не совсем соответствует звуковой системе — фонетике тюркского языка. Поэтому тюркские народы подняли проблему перехода на латинскую графику»⁶. В обсуждении перехода на латинскую графику постепенно появились и новые грани, которые по сути дела стали основой раскола среди ее сторонников.

Наглядным проявлением этого разногласия стал спор между двумя известными татарскими писателями — Р. Батуллой и Н. Фаттахом. Р. Батулла в интервью газете «Шахри Казань» заявил, что согласен с тем общетюркским алфавитом на основе латинской графики, который был принят на «Симпозиуме тюркских алфавитов» 20 ноября 1991 г. в Стамбуле: «Я согласен с общим алфавитом, который там был принят. Если мы все будем писать на его основе, то через десять лет родственные народы приблизятся друг к другу. Это и будет проявлением настоящего интернационализма»⁷. Р. Батулла практически впервые обратил внимание на идейно-политический аспект проблемы перехода на латиницу — как эффективной формы единения тюркских народов. Кстати, потом именно этот аспект стал для России решающим в запрете использования татарами латиницы. Р. Батулла рассуждал: «...если мы примем свою латиницу, а узбеки, казахи свою, то мы не сможем читать книги друг у друга... Конечно, нельзя искусственно создавать общий тюркский язык, который был великой мечтой Исмаила Гаспринского, но общий алфавит нас сблизит»⁸. Нужно признать, что такая постановка вопроса действительно вывела проблему за пределы чисто культурной проблематики. Скорее всего именно тогда обсуждение татарами возможности перехода на латиницу вызвало настороженность российской общественности, которая, правда, активно себя проявила только в конце 2000 г. Акценты, расставленные Р. Батуллой, многим

показались совершенно некорректными. Впервые ему ответил Н. Фаттах, вполне справедливо напомнив о том, что «...цель любого алфавита — обучать читать и писать на родном языке. Поэтому в любом алфавите фонетические особенности родного языка должны найти наиболее полное отражение. Национальный алфавит — это зеркало родного языка и одновременно его надежный защитник»⁹. В связи с этим он сформулировал проблему следующим образом: что важнее на данном этапе — читать книги на других тюркских языках или на своем языке? Сложившуюся ситуацию вокруг обсуждения перехода на латиницу он оценивал как «открытое нападение на национальную специфику и независимость татарского языка»¹⁰.

Безусловно, ситуация была намного сложнее, чем ее представлял Н. Фаттах. Поиски «турецкого следа» уводили интеллигенцию от сути проблемы, настраивая на эмоциональный лад. А что касается позитивного отношения к унифицированному латинскому алфавиту, то оно формировалось в основном на основе прагматических соображений. Р. Хакимов, государственный советник при президенте Татарстана, сформировал эту позицию следующим образом: «Мы должны быть конкурентоспособными. Если ты не думаешь, где ты будешь продавать свой товар, в том числе интеллектуальный, информационный — всё, ты останешься на задворках истории. Вот основные мотивы, по которым жизненно необходим унифицированный тюркский алфавит»¹¹.

В суждениях сторонников унифицированного латинского алфавита красной нитью проходит идея приобщения через алфавит к прогрессивным западноевропейским технологиям и духовным ценностям. Как утверждал директор ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова М. Закиев, «если мы приступим к возвращению “Яналифа”... то возникает вопрос: для кого это мы делаем, для будущего или всего лишь для сохранения традиции? <...> Международный алфавит, английский язык наши дети будут изучать по-другому, чем татарский язык. Потом мы не сможем войти в компьютерную систему»¹². Известный языковед Ф. Ганиев считал, что «если мы примем алфавит, основанный на общей графике для всех тюркских народов... то все тюркские народы смогут читать друг друга»¹³. При этом он остановился и на политических аспектах этого проекта, подчеркнув, что одной из основных целей принятия общей графики является единство тюркских народов¹⁴. Р. Хакимов еще более четко обозначил политический аспект принятия нового алфавита: «Язык это не только развитие литературы. Язык — одна из сложных политических проблем. Куда ни глянь, везде присутствует языковая проблема, там и возникают различные политические столкновения... Поэтому ее нельзя отделить от политики»¹⁵.

При анализе материалов, опубликованных в средствах массовой информации по вопросу латинской графики, нельзя не обратить внимание на то, что чем больше обсуждали эту проблему, тем четче обозначились разногласия среди интеллигенции. Если обсуждение вопроса восстановления «Яналифа» шло довольно спокойно, без серьезных разногласий, то споры вокруг унифицированного латинского алфавита выявили целый спектр противоречивых точек зрения. Возможно, не последнюю роль в этом сыграло то, что проблему все чаще обсуждали, придавая ей многозначительный политический оттенок. Вырисовывались разные представления о возможных результатах перехода на латинскую графику. Одну из точек зрения поддерживали в основном политические деятели и техническая интеллигенция, представляющая будущее татарского языка как формы «трансформации западных идей на тюркский язык», «как посредника, содействующего обмену культурными ценностями»¹⁶. Это, как утверждал Р. Хакимов, связано с тем, что «...глобализация затронет все страны. Но вместе с тем сохранятся локальные культуры, которые будут дополнять и подпитывать общемировую конкурентоспособность отдельных этнических культур, будут залогом обогащения общечеловеческих ценностей. Также как малые предприятия на Западе, соревнуясь друг с другом, поставляют запчасти на главный конвейер автогигантов, так и национальные культуры станут поставщиками новых открытий на мировую фабрику идей. От нашей воли и способностей зависит, насколько велик и значим будет ареал тюркской культуры и какое место займет в нем татарский язык»¹⁷. Доктор технических наук Дж. Сулейманов также утверждал, что «...сегодня идет процесс глобализации во всем мире и во всех направлениях, включая и информационные процессы... Идет не просто сокращение языков, а их укрупнение, при активности не более десятка языков... Привлекательность и живучесть языка в его активности, а прежде всего в том, насколько он является языком науки, информационных технологий, языком общения на государственном уровне, языком передачи и усвоения знаний, языком межнационального и международного общения»¹⁸. Сторонников данной точки зрения латиница устраивает по двум причинам: «её используют практически все народы, формирующие сегодня мировую науку; на латинице базируются также и информационные технологии»¹⁹. Но часть интеллигенции, особенно творческая, не соглашалась с таким прагматическим подходом, утверждая, что функциональное назначение алфавита не сводится к попытке приспособливаться к процессам глобализации, хотя с этим объективным явлением уже нельзя не считаться. Амирхан Еники, выражая мнение сторонников этой точки зре-

ния, писал, что «...нельзя связывать эту проблему с политикой... Нам под видом объединения тюркских народов или приобщения к европейской культуре нельзя на первое место ставить эти масштабные задачи. На первое место надо ставить интересы своего родного языка... Надо сохранить свой язык в таком виде, в каком его Бог создал. Его нельзя калечить. Его нельзя приспособлять к чьим-то интересам. Единственный интерес — это сохранение целостности и естественного состояния своего языка»²⁰.

Споры вокруг татарского алфавита с особой силой разгорелись в период подготовки ко II Всемирному конгрессу татар, который должен был обсудить этот вопрос. Проблема возвращения к «Яналифу» постепенно трансформировалась в обсуждение трех вариантов унифицированного алфавита. Творческая интеллигенция все чаще высказывала свои сомнения по поводу целесообразности перехода к этому новому варианту алфавита. Аргументация при этом не отличалась особой оригинальностью, повторялись сомнения, высказанные в начале 90-х годов, тем не менее они имели под собой определенную почву. Звучали опасения, что этот переход приведет «к новой потере культурного наследия татар, наработанного за последние 60 лет (как во многом произошло при переходе с арабской графики на кириллицу), создаст новые препятствия для освоения татарского языка теми татарами, которые проживают вне Татарстана (а это две трети всех татар), затруднит освоение татарского языка для русскоязычной части населения республики»²¹.

Проблема обсуждалась на II Всемирном конгрессе татар в августе 1997 г., где выступил и М. Шаймиев, отметив: «нам тоже, видимо, нужно потихоньку перейти к латинской графике». Хотя в словах президента звучали нотки неуверенности и сомнения, в сентябре 1999 г. он подписал закон «О восстановлении татарского алфавита, основанного на латинской графике». Государственный совет принял постановление, где предусматривалось начать введение этого закона в действие с 1 сентября 2001 г. и завершить его к 1 сентября 2011 г.

Можно было предположить, что с принятием закона о восстановлении латинской графики завершится период его активного обсуждения и правового оформления как сугубо внутренней проблемы татарской нации. От имени татар Татарстана этот переход юридически был оформлен решением Госсовета, в котором большинство как татарских, так и русских депутатов проголосовало за переход на латиницу. От лица же татар, проживающих вне Татарстана, за латиницу проголосовали все делегаты Всемирного конгресса татар в 1997 г. Общественные организации татарского национального движения также поддержали латиницу.

В 60 школах республики начался эксперимент по введению латиницы, для чего были изданы первые учебники на новом алфавите. План издательства «Магариф» предусматривал выпуск комплекта учебников для первого класса, методических пособий.

Но с приближением 1 сентября 2001 г., того момента, с которого сделалось бы необратимым введение латиницы, стало ясно, что в обществе не было единства по этой проблеме. Споры, которые предшествовали принятию закона о возвращении латиницы, разгорались с новой силой. Весьма симптоматичным было появление статьи известного журналиста Р. Сафарова «Зачем чужой, когда есть свой», где говорилось о несовершенстве принятого варианта латинской графики, о существовании «своего», уже опробованного в 30-е годы варианта «Яналифа»²². Отвечая ему, Р. Хаплехамитов в статье «Без интеграции не выжить» вновь вернулся к проблеме единства тюркских народов, «включенности татарской культуры в исламо-тюркскую суперцивилизацию», где Турция является региональной державой²³. Появление статьи известного языковеда Х. Курбатова «Турецкая экспансия в графике и демагогия в защиту ее»²⁴ послужило еще одним свидетельством того, что обсуждение проблемы перехода к латинице в татарском обществе еще не получило логического завершения. Наоборот, оно вспыхнуло с новой силой, напомнив о наличии в обществе серьезных разногласий. Х. Курбатов подверг жесткой критике принятый вариант латиницы, представленный «стандартным европейским алфавитом... Стандартного европейского алфавита на латинской основе вообще нет. Каждый народ применяет латиницу сообразно со спецификой своего языка»²⁵. По его мнению, если вернуться к латинице, «то надо именно вернуться к нашему традиционному татарскому алфавиту, т. е. к «Яналифу»». Х. Курбатов пришел к выводу: «...Не нужен нам туркизированный алфавит. В крайнем случае лучше уже не расставаться с существующей у нас кириллицей». В своих выводах Х. Курбатов был не одинок. На страницах местной прессы все чаще звучали призывы еще раз серьезно подумать, прежде чем окончательно перейти к латинице. Учительский корпус Татарстана, который, как ни странно, до принятия закона не проявил особой активности, наконец осознал, что учебно-методическая и организационная работа по переходу к латинице в первую очередь ляжет на его плечи. Возможно, именно это обстоятельство стало определяющим в том, что приближавшееся 1 сентября 2001 г. вселяло в учителей все меньше энтузиазма.

Например, статью Л. Тябиной, заместителя директора по национальному образованию казанской школы № 40, пронизывает пессимизм не только по отношению к принятому унифицирован-

ному алфавиту, но и к «Яналифу»: «...допустим, что чтобы быть ближе к тюркскому миру, облегчить себе изучение иностранного языка и быстрее освоить компьютер, я на все согласна: стать снова безграмотной, пройти ликбез, выбросить из своей библиотеки устаревшие книги, чтобы не было соблазна осквернить себя кириллицей, но останусь ли я при этом носителем того самого языка, живого языка, за который ратуют сторонники “Яналифа”?»²⁶. Выводы, к которым пришла Л. Тябина, эмоциональны, лишены каких-либо новых аргументов, но зато категоричны в отрицании необходимости изменений в сфере языковой политики: «Если вы хотите уничтожить татарский народ как нацию, что не удалось ни Ивану Грозному, ни Романовым, ни большевикам, — дайте ему “Яналиф” немедленно. Если нет — оставьте кириллицу! Оставьте хотя бы на то время, пока республика экономически к этому не будет готова! “Яналиф” уничтожит татарскую культуру, так как исчезнет массовый потребитель печатного издания на татарском языке»²⁷. Безусловно, эти выводы не отражают точку зрения всех педагогов. Те учителя, которые работали в рамках эксперимента по внедрению латинской графики, в целом его поддерживали, не видя в его реализации тех ужасов и губительных для нации последствий, которыми пугает читателей Л. Тябина. Так, участники семинара учителей татарского языка Казани обратились с открытым письмом к президенту Татарстана и предложили «немедленно, срочно как единственное решение всех проблем изучения татарского языка» ввести латинскую графику²⁸.

О сомнениях, которые не исчезли у определенной части интеллигенции и после принятия закона, довольно обстоятельно писал известный историк и публицист Б. Султанбеков²⁹. Приведя многочисленные известные аргументы противников латиницы, он кроме того указал, что предложенная реформа языка — «долгий и мучительный путь, ведущий к раздвоению языкового сознания»³⁰. А весь комплекс мероприятий «по приобщению к латинице при соблюдении некоторых формальных правил по сути был проведен псевдодемократическим путем, а для некоторых групп населения — на грани нарушения их конституционных прав»³¹. Правда, в статье это серьезное обвинение не подкрепляется убедительными аргументами. А утверждения типа «Госсовет рекомендовал, а президент, не желая, очевидно, подрывать репутацию депутатов, поддержал закон о смене алфавита»³², свидетельствуют об упрощенном понимании ситуации. Хотя определенные основания для такого вывода есть. Так, на III Конгрессе татар М. Шаймиев не преминул отметить, что «...закон о восстановлении латинской графики татарского языка не отменен. Тем не менее у меня самого есть сомнения насчет своевременности

перехода, и это связано с сохранением единства нашего народа... Может получиться так, что Татарстан перейдет на латиницу, а на остальной территории России татары будут пользоваться кириллицей. Не ослабит ли это нашу нацию?»

Итак, к 2001 г., несмотря на принятие основных правовых документов о переходе к латинице, ситуация вокруг этой проблемы в самом Татарстане и за его пределами приобрела новые очертания. Центр, с большим раздражением наблюдавший за развитием событий в Татарстане в конце 2000 г., предпринял первые решительные шаги, направленные на пресечение очередного проявления «сепаратизма» со стороны Татарстана. В декабре 2000 г. ряд комитетов Госдумы вынесли решение о «негативных политических последствиях перехода на латиницу и об угрозе его национальной безопасности России». В январе 2001 г. думский Комитет по делам национальностей вынес решение об отсутствии оснований для данной реформы. 15 ноября 2002 г. Госдума приняла поправку к закону «О языках народов Российской Федерации», и 27 ноября 2002 г. Совет Федерации ее утвердил.

Точка в проблеме перехода татар на латинскую графику не поставлена. Дальнейшее развитие событий в этой области прогнозировать сложно. Назовем ряд причин.

1. Несмотря на то что алфавит на основе латинской графики принят, он несовершенен и, по-видимому, уже практически никого не устраивает.

2. Татарское сообщество расколото по вопросу о целесообразности перехода на латиницу. Возможно, не случайно М. Шаймиев в 2004 г. во время встречи с журналистами заметил: «...когда принимался закон о переводе татарского языка на латинскую графику, у представителей татарской интеллигенции было к этому неоднозначное отношение, но тогда все-таки возобладало мнение сторонников латиницы. Сегодня их число уменьшилось, ведь более трех миллионов татар живут в регионах России, и для них удобнее пользоваться кириллической графикой. Но есть и татарская диаспора в дальнейшем зарубежье, которой латинская графика гораздо ближе. Это очень сложный и неоднозначный вопрос, требующий осторожного подхода и хорошо продуманных решений».

3. Создается впечатление, что политическая элита Татарстана по этой проблеме также до сих пор окончательно не определилась. Даже после принятия Госдумой откровенно политического решения президент республики его комментировал с точки зрения нарушения принципов разграничения предметов ведения регионов и федерального Центра. «В дальнейшем случай

с запрещением латиницы может сказаться и на других вопросах, которые находятся в совместном ведении регионов и федерального Центра», — сказал он, т. е. озабоченность была направлена не на проблему латинской графики, а на последствия ее запрета. Он напомнил, что Госсовет Татарстана дважды в этом году обращался к депутатам Госдумы с просьбой не запрещать использование латиницы.

Сам Госсовет занял более определенную позицию. Так, председатель Комиссии Госсовета по науке, образованию, культуре и национальному вопросу Разиль Валеев сразу после принятия Госдумой решения по этому вопросу заявил корреспонденту «Intertat.ru», что «...решение Госдумы РФ о запрете латиницы является не правовым, а политическим. Оно противоречит Конституции России, где говорится о свободном развитии языков народов Федерации, и международным правовым актам, ратифицированным Россией». Р. Валеев обратил внимание и на то, что поправка к закону обязательно будет обсуждена на сессии Госсовета. Он высказал мнение, что парламент скорее всего обратится в Конституционный суд России. Председатель Госсовета Фарид Мухаметшин отметил, что «...речь идет о возвращении, а не о принудительном переходе на латиницу, тем более аргументы в пользу этого есть. Мы возвращаемся к языку, на котором говорили и писали наши предки».

Правовые коллизии по этому вопросу развернулись в конце 2003 г., когда истек срок, в который субъекты Федерации должны были привести свои законы в соответствие с законом «О внесении дополнения в статью Закона Российской Федерации “О языках народов Российской Федерации”», согласно которому алфавиты государственных языков республик строятся на графической основе кириллицы. Верховный суд Татарстана в марте 2004 г. рассмотрел вопрос о латинице по заявлению прокурора республики о признании противоречащим федеральному законодательству закона Татарстана «О восстановлении татарского алфавита на основе латинской графики», принятого в сентябре 1999 г. На заседании суда представитель Госсовета Мидхат Курманов ходатайствовал о том, чтобы приостановить производство по делу до вынесения по этому вопросу решения Конституционного суда Российской Федерации либо обратиться в Конституционный суд с запросом. В свою очередь, 26 февраля 2004 г. на сессии Государственного совета было принято решение об обращении в Конституционный суд России с запросом по поводу латиницы. Основанием для этого стала неопределенность в вопросе о соответствии положений п. 6 ст. 3 закона «О языках народов Российской Федерации» Конституции России. В запросе отмечается,

что в соответствии с Основным законом России республики вправе устанавливать свои государственные языки. Алфавит является органической составной частью языка и не может регулироваться в отрыве от других вопросов, связанных с государственным языком. Кроме того, Конституция России гарантирует всем ее народам право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития. В запросе есть ссылка и на то, что вопросы государственных языков республик Российской Федерации не отнесены ни к ведению Федерации, ни к совместному ведению России и субъектов Федерации. Таким образом, Госсовет считает, что вопросы государственных языков республик Российской Федерации и графическая основа их алфавитов как органическая составная часть языков являются предметом ведения республик. Эту позицию 24 декабря 2003 г. подтвердил и Конституционный суд Татарстана, в постановлении которого в частности говорится, что определение графической основы алфавита татарского языка как государственного, в том числе восстановление алфавита татарского языка на основе латинской графики, относится к ведению Республики Татарстан. Данные правомочия как составная часть конституционного права республик Российской Федерации устанавливать свои государственные языки является одним из существенных элементов государственного правового статуса Республики Татарстан и может быть отменено только по взаимному согласию Республики Татарстан и Российской Федерации в соответствии с федеральным конституционным правом.

Итак, проблема перехода на латинскую графику к 2004 г. перешла в вялотекущую стадию политико-правовых коллизий. Научные споры вокруг его целесообразности или неприятия практически закончились. Если и появляются какие-то публикации, в них практически невозможно найти новые идеи и предложения. В политическом плане эта проблема приобрела элемент противостояния между Центром и республикой. А в правовом отношении это скорее всего тупик, поскольку, вне всякого сомнения, здесь превалирует политический контекст, не дающий решить данный вопрос в рамках существующих правовых норм. По-видимому, окончательное снятие этой проблемы с повестки дня будет отложено до лучших времен. Это отметил и М. Шаймиев, отвечая на вопросы слушателей радиостанции «Эхо Москвы» 9 сентября 2004 г.: «У нас письменность на латинице была, потому что латиница для тюркских народов больше отражает характер языка, его звучание. Это не чей-то каприз, такой вопрос присутствует, он имеет право на жизнь... Моя позиция — это право должно оставаться за нами, но переходить на латиницу без соответствующе-

го длительного эксперимента сейчас невозможно... Мы сами очень хорошо должны подумать, и не раз»³³.

Конституционный суд России вынес решение 16 ноября 2004 г. В принципе, никто не питал иллюзий насчет защиты судом интересов Татарстана. Действительно, суд признал использование кириллицы в татарском языке не противоречащим Конституции России. В постановлении отмечается, что «...установив единую графическую основу алфавитов государственного языка Российской Федерации и государственных языков республик, федеральный законодатель прежде всего констатировал исторически сложившиеся в России реалии — существование и развитие языков народов России, получивших статус государственного языка на графической основе кириллицы. Такое законодательное решение в настоящее время обеспечивает — в интересах сохранения государственного единства — гармонизацию и сбалансированное функционирование общефедерального языка и государственных языков республик, и направлено на достижение их оптимального взаимодействия в рамках общего языкового пространства и не препятствует реализации гражданами РФ прав и свобод в языковой сфере, в том числе и права на пользование родным языком». В то же время председатель Конституционного суда Валерий Зорькин обратил внимание, что федеральный законодатель не исключил возможности изменения графической основы алфавитов государственных языков республик. Но при этом «...произвольное изменение недопустимо, если только оно не преследует конституционно значимые цели, отвечает историко-культурным, социальным и политическим реалиям, а также интересам многонационального народа Российской Федерации. Решение этого вопроса республикой в одностороннем порядке без учета вытекающих из Конституции РФ требований и гарантий в языковой сфере могло бы привести не только к ослаблению федеративного единства, нарушению полномочий РФ в языковой сфере, но и к ограничению конституционных прав и свобод граждан, в том числе проживающих за пределами республики, для которых данный язык является родным, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества, на участие в культурной жизни, на доступ к культурным ценностям, многие из которых созданы на основе исторически сложившейся письменности».

Руководители Татарстана довольно спокойно восприняли это решение и в принципе дали понять, что эта проблема больше не будет фигурировать среди тех, которые являются принципиально важными во взаимоотношениях с Центром. Председатель Госсовета Фарит Мухаметшин отметил: «...По мере развития общества мы все больше и больше будем изучать латиницу, так как

это связано и с вопросами глобализации, и с тем, что в России все большее число людей изучают английский язык, приобщаясь таким образом к латинскому алфавиту. Сейчас мы проводим эксперимент в 30 школах республики по изучению татарского языка на основе латиницы, отменять который не собираемся. Эксперимент есть эксперимент, на него никто вето не накладывал, а практика покажет, она — лучший судья». Председатель Госсовета заявил о завершении политико-правовых претензий к Центру по этому вопросу: «Еще до Конституционного суда мы заявляли, что какое бы решение ни было принято, официальные власти Татарстана в дальнейшем апеллировать по этому вопросу не будут. Мы продолжим многолетний эксперимент, затем в соответствии с федеральным законом мы сможем предоставить федеральному законодателю соответствующие материалы, он в свою очередь примет решение о графической основе татарского языка».

Президент Татарстана отметил, что решение Конституционного суда является выдержанным и своевременным, поскольку оно не лишает субъект Федерации, в частности Татарстан, права заниматься этой проблемой. Он напомнил, что решение о переходе татарского языка на латинскую графику было принято Государственным советом во исполнение решения I Всемирного конгресса татар. «И Госсовет РТ, и президент не могли не прислушиваться к решению Всемирного конгресса татар. Тем более что это работающая структура, которая через исполком поддерживает хорошие связи». М. Шаймиев особо подчеркнул, что считает решение Конституционного суда России правильным, поскольку «в этом вопросе нет единства и переход на латиницу в настоящий момент будет затруднителен».

М. Шаймиев еще раз напомнил, что решение I Всемирного конгресса татар было принято прежде всего под влиянием татар, проживающих в дальнем зарубежье, поскольку к ним из поколения в поколение национальное наследие переходило на латинской графике, влияние оказало и повсеместное распространение английского языка. Однако большинство татар, по словам президента Татарстана, сегодня пользуются кириллицей и будут продолжать ею пользоваться, даже если республика перейдет на латиницу, и в этом случае «...мы своими руками отделяем всех остальных татар и, таким образом, будет трудно поддерживать духовное единство народа... сегодня мы будем продолжать эксперимент, это не отказ. Однако в этом вопросе необходимо время, чтобы все окончательно осмыслить и прийти к всеобщему пониманию этой проблемы, прежде всего среди самих татар, независимо от того, где они проживают. Ведь речь идет ни много ни мало о судьбе более 7 млн человек».

28 декабря 2004 г. Верховный суд Татарстана признал противоречащим федеральному законодательству и недействительным закон Республики Татарстан «О восстановлении татарского алфавита на основе латинской графики», принятый в сентябре 1999 г.

Похоже все-таки, что окончательно этот вопрос не закрыт. Дело в том, что первоначально решение о переходе на латиницу было принято Всемирным конгрессом татар. Пока эта общественная организация еще не сказала своего слова. Примет ли она соответствующее решение в русле описанных политических реалий? Скорее всего, нет. Более того, только она в сложившейся ситуации может заявить о несогласии с этим решением. Конечно, сегодня Всемирный конгресс татар вряд ли рискнет инициировать какие-либо крупномасштабные акции по защите латинской графики. Правда, появилась другая общественная организация под руководством бывшего депутата Государственной думы Ф. Сафиуллина, созданная специально для защиты латинской графики. Но сомнительно, чтобы она смогла развернуть свою деятельность при нынешней позиции официальных властей.

Таким образом, история перехода на латинскую графику у татар, имеющая почти десятилетний стаж, приблизилась к логическому завершению. Правда, логика эта имеет две формы проявления. Одна из них сводится к попытке втиснуть проблему в рамки выстраивания в Российской Федерации жесткой вертикали власти. Другая состоит в попытке сохранить какие-то элементы суверенитета республики. Какая из них окажется решающей? Ответ на этот вопрос выходит далеко за пределы предмета настоящей статьи.

Примечания

¹ Татарстан Республикасында тел саясәте: Документлар хем материаллар (80—90 нчы еллар). — Казан, 1989. — С. 46.

² Там же. — С. 209.

³ Там же. — С. 217.

⁴ Там же. — С. 209.

⁵ Там же. — С. 209—210.

⁶ Татар иле. — 1993. — Янв. — № 39.

⁷ Шахри Казан. — 1991. — 18 дек.

⁸ Там же.

⁹ Шахри Казан. — 1992. — 20 февр.

¹⁰ Там же.

¹¹ Овруцкий Л. Разговор с Хакимовым. — Казань, 2000. — С. 180.

- ¹² Татарстан республикасында тел саясәте. — С. 270.
- ¹³ Там же. — С. 273.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же. — С. 277.
- ¹⁶ Хакимов Р. Кто ты, татарин. — Казань, 2002. — С. 25.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Казань. — 2001. — № 12. — С. 59—60.
- ¹⁹ Там же. — С. 60.
- ²⁰ Татарстан республикасында тел саясәте. — С. 274.
- ²¹ Абдрахманов Р. Татарстан // Межэтнические отношения и конфликты в постсоветских государствах. — М., 2001. — С. 119.
- ²² Звезда Поволжья. — 2000. — 27 апр.
- ²³ Там же. — 12—17 мая.
- ²⁴ Там же. — 13—19 мая.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же. — 7—13 дек.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Магрифат. — 1999. — 13 март.
- ²⁹ См., например: Республика Татарстан. — 1999. — 12 марта; Звезда Поволжья. — 2001. — 1—5 янв., 5—10 янв. и др.
- ³⁰ Звезда Поволжья. — 2001. — 5—10 янв.
- ³¹ Там же.
- ³² Там же.
- ³³ <http://www.echo.msk.ru/interview/16912.html>.

Анализ бюджетно-налоговой политики в России в контексте развития социального государства

ГАЛИНА МОРОЗОВА,
СВЯТОСЛАВ ГУСЕВ

В соответствии с темой статьи возникает вопрос, способны ли государство смягчить или полностью нивелировать известные негативные проявления рыночного развития, к которым принято относить периодически повторяющиеся кризисы перепроизводства, существенную поляризацию общества по уровню доходов и неспособность рынка генерировать некоторые экономические блага, полезность которых проявляется исключительно в долгосрочной перспективе, т. е. так называемые общественные блага. Принято считать, что имущественное неравенство и периодические спады являются своего рода платой общества за оптимальное использование редких производственных ресурсов, которое может обеспечивать только рынок, близкий к условиям совершенной конкуренции.

Между экономистами различных школ и направлений до сих пор идет дискуссия о том, какой должна быть регулирующая роль государства в современной рыночной экономике. Это в высшей степени нетривиальный вопрос: даже если признавать, что по объективным причинам рынок подвержен периодическим колебаниям деловой активности, следует согласиться с тем, что неадекватное вмешательство властных институтов может привести к усилению депрессивных явлений и одновременно к ослаблению источников долговременного роста. До сих пор представители противоборствующих доктрин *laissez-faire* и дирижизма не пришли к согласию относительно того, насколько эффективны мероприятия, предпринимаемые государством во имя макроэкономической стабилизации, т. е. ведут ли они к сближению фак-

тической и равновесной траектории развития. Вместе с тем даже убежденные сторонники либеральной идеологии вслед за своими великими предшественниками полагают, что «только в отсталых странах мира увеличение производства является наиболее важной задачей — в более развитых странах экономически необходимым считается усовершенствование распределения»¹, поскольку «экономические факторы и отношения не содержат внутренней тенденции к выравниванию социальных несправедливостей и не сочетаются с какой-либо идеальной системой справедливого перераспределения»².

Каким же инструментарием располагает государство для решения этой «наиболее важной задачи»? Прежде всего это комплекс мероприятий, собирательно именуемых бюджетно-налоговой политикой, направленной на выравнивание благосостояния граждан, субнациональных административно-территориальных образований и других уровней экономических систем, на которых проявляется «необоснованное» имущественное неравенство. К слову говоря, нигде ранее мы не упоминали о том, что поляризация присуща капиталистическому обществу не только в отношении отдельно взятых индивидов, разделяемых на предпринимателей и наемных работников. Примерно те же причины могут привести к возникновению проблемы имущественного неравенства граждан, проживающих в различных регионах из-за существенной дифференциации последних по уровню экономического развития. Правда, применительно к опыту новейшей истории российской экономики нужно отметить, что из-за общего упадочного состояния народного хозяйства значительная региональная поляризация доходов в нашей стране обусловлена не столько неравномерной концентрацией капитала, сколько неравномерным распределением рентообразующих факторов (например, природных ресурсов). Таким образом, становится очевидным, что бюджетно-налоговая система должна быть прогрессивной (здесь — сокращающей в разумных пределах имущественное неравенство) не только по отношению, например, к доходам физических лиц (что, по всей видимости, совершенно не характерно для отечественной практики налогообложения из-за «плоской» шкалы подоходного налога), но и в проекции на субнациональные административно-территориальные образования. Другими словами, в обществе, функционирующем в условиях развитого рынка, государственная бюджетно-налоговая политика должна, по всей видимости, основываться на принципе «равной жертвы», согласно которому все объекты налогообложения в ходе этого процесса должны расставаться с равной полезностью своих доходов³. В противном случае будет невозможно формирование социаль-

но-рыночной экономики, являющейся фундаментальным достижением западноевропейской цивилизации на постиндустриальном этапе развития, а подавляющая часть социума соответствующей экономической системы навсегда останется прозябать в состоянии равновесия на низком уровне.

Приведенные рассуждения дают лишь концептуальный подход, парадигму «справедливой» бюджетно-налоговой политики, а ее конкретные очертания, как правило, существенным образом варьируются в зависимости от национальных, культурных и исторических традиций той или иной экономической системы. Например, для континентальной Европы, в особенности для скандинавских стран, Франции и Германии, перераспределительная роль государства более чем различима и очевидна, в то время как англосаксонские государства куда менее «усердны» в этом отношении. В результате, если применить шведскую систему налогообложения для экономики США, то, согласно общепринятому мнению, деловая активность в этой стране замрет из-за слишком высокого уровня фискальных изъятий, необходимых для формирования социальных, общественных ценностей в противовес частной инициативе и меркантильным побуждениям отдельных индивидов ⁴.

Теперь зададимся вопросом, в какой мере российская бюджетно-налоговая система отвечает изложенным идеям прогрессивности. Эта проблема приобретает особую актуальность в свете масштабов имущественного неравенства, присущего нашему обществу: по последним оценкам, значения децильного коэффициента и коэффициента Джини, характеризующих дифференциацию населения по уровню доходов, приближаются к соответствующим параметрам латиноамериканских экономик ⁵, где едва ли не половина граждан живет за чертой бедности, а небольшая группа потомков латифундистов и представителей «колониальной» элиты североамериканского происхождения контролирует львиную долю доходов, генерируемых национальным капиталом и рентообразующими ресурсами. Кроме того, что вполне очевидно, поляризация российского общества проявляется не только на уровне отдельных индивидов, но и в проекции на субнациональные административно-территориальные образования: по данным бывшего заместителя председателя правительства В. Христенко ⁶ налоговые доходы субнациональных бюджетов в расчете на одного человека в наиболее обеспеченных регионах-донорах превосходили в 2001 г. удельные налоговые доходы высокодотационных территорий примерно в 76 раз. Для сравнения отметим, что по данным того же источника в США значение аналогичного индикатора составляет 8,5 раза, в ФРГ — 8,1 раза, в Канаде —

всего 1,6 раза. Другими словами, даже наиболее развитым странам, представляющим «золотой миллиард», присуща вполне закономерная с точки зрения рынка региональная асимметрия в распределении доходов, но, конечно, не в столь вопиющей форме, как в современной России.

Чтобы ответить на поставленный вопрос, заметим, что отечественная бюджетно-налоговая система в связи с приходом к власти новой администрации находится в состоянии перманентной реформы. Если основываться на заявлениях официальных лиц, курирующих эти преобразования, основными их целевыми ориентирами являются следующие. Во-первых, стимулирование экономического роста при параллельном увеличении бюджетных поступлений путем снижения налоговой нагрузки на хозяйствующие субъекты, т. е. нечто вроде практического применения «эффекта Лаффера»⁷. Конкретным и наиболее характерным примером этого направления реформы является снижение в 2002 г. ставки налога на прибыль с 36% до 24%. Во-вторых, повышение «прозрачности» налоговой системы и унификация межбюджетных отношений в региональном аспекте. Здесь следует упомянуть об устранении некоторых особо одиозных элементов прежней практики налогообложения (прежде всего предоставления всякого рода необоснованных льгот и преференций) и приведение в соответствие с бюджетным и налоговым законодательством Российской Федерации взаимоотношений с бюджетами регионов. И коль скоро зашла речь о повышении «прозрачности», следует напомнить о тех налоговых скандалах, связанных с применением внутрикорпоративного ценообразования для целей налогообложения в некоторых российских вертикально интегрированных компаниях, которые еще совсем недавно потрясли страну масштабами увода доходов из-под фискального пресса государства. Собственно, за внешне сложным и наукообразным термином «внутрикорпоративное ценообразование» стояла достаточно простая схема ухода от налогов. Допустим, что некоторое предприятие ведет добычу нефти, а следовательно, признается плательщиком отчислений на воспроизводство минерально-сырьевой базы и платы за недра. Налогооблагаемой базой этих платежей являлась стоимость добытых полезных ископаемых, исчисляемая как произведение объема добычи на цену реализации. Все на первый взгляд выглядит разумно и обоснованно. Однако представим, что рассматриваемое предприятие реализует добытое углеводородное сырье на экспорт не напрямую, а через аффилированного посредника (на практике чаще всего через дочернюю фирму, существующую только на бумаге). В таком случае недропользователь, вполне мотивированно установив низкую (внутри-

корпоративную, откуда и название «метода») цену в сделке с контрагентом, минимизирует платежи по плате за недра и отчислениям на воспроизводство минерально-сырьевой базы, а посредник их вообще не платит, поскольку не является пользователем недр. При этом консолидированная прибыль, очевидно, нисколько не страдает. Заметим, что аналогичная схема до 2004 г. применялась с тем же успехом и для налога на прибыль, причем единственное отличие заключалось в том, что гипотетический посредник локализовался во внутренних офшорах Российской Федерации (например, в Мордовии или Чукотском автономном округе). Прямой ущерб государства и общества от подобного рода легальных «минимизаций» исчислялся, как показали проверки Счетной палатой ЮКОСа и «Сибнефти», миллиардами долларов в год.

Наконец, третье направление реформы заключалось во внедрении в фискальную систему государства правовых норм, призванных стимулировать вывод доходов из налоговой «тени». К таковым в первую очередь следует отнести введение «плоской» шкалы подоходного налога, согласно которой ставка данного платежа устанавливается на едином для всех физических лиц уровне 13%.

Сейчас довольно сложно однозначно (а тем более утвердительно) ответить на вопрос, достигнет ли налоговая реформа заявленных целей. И дело не только в том, что такой ответ требует решения весьма нетривиальных задач, предполагающих анализ многофакторных моделей в условиях едва ли не абсолютной информационной осведомленности. По нашему мнению, сами целевые ориентиры этих преобразований довольно дискуссионны, если не более того, не говоря уже об избранных способах их достижения. Способствовало ли введение единой ставки подоходного налога расширению соответствующей налоговой базы за счет вывода из тени «серых» доходов? Официальная точка зрения по этому поводу вполне однозначна: увеличение поступлений по налогу на доходы физических лиц как раз свидетельствует о сокращении количества недобросовестных налогоплательщиков. Однако мы, основываясь на известных эмпирических моделях поведения индивидов — плательщиков подоходного налога, воздержимся от подобных рискованных оценок.

В самом деле, среднестатистический «модельный» налогоплательщик, как правило, принимает решение, платить налоги или нет, на основе сравнительного анализа суммы, полагаемой к уплате, и издержек в виде штрафных санкций (с учетом вероятности их применения), которые возникнут в том случае, если органы налогового контроля обнаружат сокрытие доходов. Несложно догадаться, что внедрение «плоской» шкалы подоходного

налога в действительности сократило размер соответствующих фискальных изъятий государства для наиболее обеспеченных слоев населения. Однако ограниченность, эпизодичность и общая слабость налогового контроля, а главное, его избирательное применение почти наверняка свело на нет полезность снижения эффективной ставки подоходного налога. Другими словами, в отказе от прогрессивной шкалы есть смысл только в случае параллельного усиления налогового контроля, в особенности адресного. Если этого не происходит, то индивиды почти наверняка усомнятся в такого рода действиях государства проявление элементарной слабости (а также признание неспособности отслеживать доходы, подлежащие налогообложению), т. е. подтверждение правильности и экономической обоснованности своего иррационального с общественной точки зрения поведения. Так что нет веских оснований предполагать, что внедрение «плоской» шкалы подоходного налога будет способствовать сокращению масштабов сокрытия доходов физических лиц. А с учетом явно регрессивного характера этой меры адекватность такого рода «инноваций» становится более чем сомнительной.

Далеко не все благополучно и со вторым направлением бюджетно-налоговой реформы. Как это часто бывало в российской истории, реформаторы, руководствуясь благими намерениями, впали из одной крайности в другую: вместе с действительно абсурдными преференциями была отменена и льгота по налогу на прибыль для инвестиций в основной капитал, которая традиционно в странах с развитыми рынками вместе с практикой предоставления хозяйствующим субъектам права ускоренной амортизации составляет костяк государственной политики содействия инвестиционной и инновационной деятельности. Суть данной льготы заключается в том, что налогооблагаемая база по налогу на прибыль сокращается на размер капиталовложений, — таким образом государство стимулирует производительное потребление, т. е. потребление, направленное на развитие производительных сил общества.

Однако наибольшее число вопросов вызывает именно первое и, пожалуй, наиболее важное в глазах идеологов реформ направление бюджетно-налоговых трансформаций, заключающееся, как уже отмечалось ранее, в попытках стимулирования роста производства посредством снижения общей налоговой нагрузки на экономическую деятельность. Во-первых, концептуальное возражение заключается в том, что сам по себе «эффект Лаффера» не является очевидным или тем более установленным и практически доказанным фактом⁸. Можно с уверенностью утверждать, что его логика работает в некоторых предельных ситуациях (вспом-

ним приведенный пример с подъемом фискальных изъятий в США до шведского уровня). В то же время нет веских оснований предполагать, что даже существенное снижение налоговой нагрузки вызовет незамедлительный подъем в шведской экономике. Косвенным подтверждением ошибочности «непрерывного эффекта Лаффера» являются приблизительно одинаковые устойчивые темпы долговременного экономического роста в странах, существенным образом различающихся по присущим их экономическим системам уровням фискального вмешательства государства. Наиболее характерный пример состоит опять же в сравнении США и Швеции, ибо вряд ли кто-то решится утверждать, что экономическое развитие последней менее успешно в каком бы то ни было отношении. Скорее всего корень проблемы кроется в том, что сам по себе уровень налоговой нагрузки далеко не так важен, как ее распределение.

Во-вторых, экономический рост в принципе не может и не должен восприниматься как некая самоцель. Дело в том, что вопреки прочно укоренившемуся заблуждению этот термин означает просто увеличение в течение некоторого периода времени объемов выпуска экономических благ, не обязательно влекущее за собой адекватный прирост благосостояния большей части трудовых ресурсов, занятых в рамках данной экономической системы. Вследствие этого нередко выгодами от увеличения производства пользуются очень немногие, и именно поэтому западные экономисты, обратившись к опыту рыночных реформ в России, сочли нужным ввести новый (или относительно новый) термин «обедняющий рост»⁹. Наверное, не стоит лишний раз доказывать, что именно такой сценарий развития событий характерен для современной российской экономики. Однако мы все же заметим, что экономический подъем в отечественном народном хозяйстве, свидетелями которого мы являемся, обеспечен главным образом добывающей промышленностью, да и то не всей, а скорее только нефтегазовым комплексом. В этих отраслях экономики по оценкам президента фонда «Либеральная миссия» Е. Ясина¹⁰ трудятся 2,7 млн человек, или 4,17% занятых в народном хозяйстве. Если не учитывать мультипликативный эффект расходов (по нашему мнению, это вполне допустимо в рассматриваемом случае, так как значительная, если не большая часть доходов, генерируемых нефтегазовым комплексом, как убедительно показали факты приобретения российскими бизнесменами западных спортивных клубов и иных аналогичных «активов», выводится за пределы страны и расходуетя на непроизводительное потребление, т. е. потребление всякого рода предметов «роскоши»), получается, что «обоснованно» претендовать на увеличение собственно-

го благосостояния вследствие экономического роста может всего лишь 1,9% населения России. Последняя оценка, безусловно, завышена, поскольку большая часть 2,7 млн человек, занятых в нефтегазодобывающей промышленности, является наемными работниками, не оказывающими никакого влияния на систему распределения доходов. Другими словами, даже в этих привилегированных отраслях российской экономики последствия роста могут быть не столь различимы в материальном отношении для рядовых представителей промышленно-производственного персонала из-за усиливающейся эксплуатации труда.

Приведенные рассуждения не следует воспринимать в том смысле, что России экономический рост не нужен вообще. Просто идеологам российской экономической политики, по всей видимости, пора отходить от практики оперирования абсолютными количественными показателями (причем не всегда бесспорными) и обратить пристальное внимание на структурные параметры экономического развития, которые даже при минимально вдумчивом рассмотрении выглядят крайне неудовлетворительно.

В-третьих, есть ли в действительности веские основания предполагать, что налоговые инициативы государства привели к снижению фискальной нагрузки на отечественную экономику? Чтобы пояснить нетривиальность этого вопроса, заметим, что экономисты традиционно различают номинальные и эффективные налоговые ставки. Первая категория не требует специальной расшифровки — речь идет о нормативных, т. е. о законодательно установленных ставках. Вторые количественно определяются как отношение фактических начислений к размерам налогооблагаемых баз. Другими словами, термин «эффективная ставка налога» в первом приближении можно воспринимать как синоним категории «реальная налоговая ставка». Очевидно, что номинальные и эффективные налоговые ставки количественно могут существенно различаться.

Поясним это на примере налога на прибыль. Как уже отмечалось, до 2002 г. номинальная ставка этого платежа составляла 36%, при этом действовавший порядок начисления подразумевал возможность применения всякого рода льгот, в том числе и инвестиционной льготы. Интуитивно ясно, что в таком случае эффективная ставка этого налога была существенно ниже номинальной. Этот умозрительный вывод в действительности подтверждается практическими расчетами: по известным оценкам¹¹ эффективная ставка налога на прибыль составила в 2001 г. приблизительно 24%. В дальнейшем, как уже отмечалось, номинальная налоговая ставка была снижена все до тех же 24%, при этом параллельная отмена льгот сблизила, а скорее всего и вовсе уравнивала ее с

эффективной ставкой. Таким образом, получается, что снижение налоговой нагрузки по налогу на прибыль носило лишь номинальный, нормативный характер, а реальные, эффективные ее параметры остались на прежнем уровне (пресловутые 24%). Если к этому прибавить ухудшившееся распределение фискального пресса — инвестиционно активные предприятия и хозяйствующие субъекты, «проедающие» собственную прибыль, отныне поставлены в равные условия налогообложения, то непонятно, к чему все эти «налоговые маневры» и какое они имеют отношение к «эффекту Лаффера».

Проведенный критический анализ позволяет сделать вывод, что налоговая реформа, о которой так много и так часто говорят, перестает восприниматься как собственно реформа, т. е. комплекс преобразований, объединенных единой целью, единой идеей, единой доктриной во имя повышения эффективности и справедливости, а предстает в качестве некой аморфной совокупности плохо скоординированных полумер, направленных главным образом на латание дыр в нашем многострадальном бюджете.

Последняя оценка и вообще приведенные рассуждения, казалось бы, делают очевидным ответ на вопрос, выполняет ли налоговая система Российской Федерации перераспределительные функции. В действительности «плоская» шкала подоходного налога в стране с колоссальной поляризацией общества по уровню доходов плохо соотнобразуется с принципом «равной жертвы». Вместе с тем последние исследования межбюджетных отношений в России, проведенные научными сотрудниками Института экономики переходного периода¹², показали, что прогрессивность отечественной бюджетно-налоговой системы в отношении субнациональных бюджетов в последние годы несколько усилилась, причем главным образом вследствие проводимых фискальных преобразований. С другой стороны, по-прежнему можно утверждать, что используемые в российской системе межбюджетных отношений инструменты не направлены на выравнивание валовых региональных доходов. При этом федеральная финансовая помощь (т. е. безвозмездные трансферты федерального бюджета нижестоящего уровня бюджетной системы) демонстрирует выраженную прогрессивность по отношению к валовому региональному продукту (ВРП), которая, однако, компенсируется тем, что отчисления доли налогов, собираемых на территории регионов, в федеральный бюджет обладали регрессивностью по ВРП в период с 1994 по 1997 гг. и не демонстрируют выраженных перераспределительных свойств в последующие годы. Содержательно это означает, что в 1994—1997 гг. система федерального налогообложения обеспечивала меньшую налоговую нагрузку на ду-

шевой валовой региональный продукт в относительно более обеспеченных регионах по сравнению с менее обеспеченными. В более поздний период свидетельства в пользу общей регрессивности налоговой системы были слабее, причем оценки, полученные упомянутыми исследователями отдельно для налога на прибыль, акцизов и платежей за пользование природными ресурсами, свидетельствуют о наличии у них свойства прогрессивности по отношению к валовому региональному доходу в последние годы.

Таким образом, характеризую отечественную бюджетно-налоговую систему и тенденции ее развития, не следует, очевидно, рисовать картину в исключительно серых тонах: явным problemом здесь являются введение налога на добычу полезных ископаемых (в особенности это касается углеводородного сырья), заменившего прежнюю архаичную систему ресурсных платежей, которая, как уже было показано, представляла собой одну большую «дыру» в налоговом законодательстве, а также усиливающаяся централизация межбюджетных отношений и бюджетных ресурсов, без которой успешная реализация перераспределительной функции государства во имя формирования общественных благ и социальных ценностей не представляется возможной.

Резюмируя, следует отметить, что явно прослеживающаяся тенденция наращивания уровня централизации бюджетных доходов, подвергающаяся столь острой критике со стороны региональных элит субъектов-доноров, не только не препятствует развитию бюджетного федерализма в России, которое пока находится в начале долгого и сложного пути, но и создает для этого все необходимые предпосылки.

В настоящее время активно высказываются различные мнения по поводу проблемы изъятия так называемых сверхдоходов, образующихся в горно- и нефтедобывающей промышленности, однако большинству из них не хватает научной обоснованности и элементарной объективности. Последнее, наверное, неудивительно: решение проблемы ренты в контексте более общей задачи перераспределения будет означать для одних утрату по крайней мере части своих доходов, для других — увеличение. Поэтому сложно требовать от заинтересованных сторон полной беспристрастности в ходе дискуссии, посвященной обсуждению этих вопросов. Мы тем не менее попытаемся ответить на них максимально объективным образом, опираясь на известные научные результаты, в частности на те, что содержатся в трудах экономистов классической и неоклассической школ, поскольку основные подходы и выводы, которыми располагает в настоящее время экономическая наука касательно проблемы ренты, были сформулированы еще в XIX в., правда, в контексте так называемой земель-

ной ренты, которая, впрочем, по своей экономической сущности очень близка горной ренте. Чтобы исчерпывающим образом решить эту проблему, предварительно необходимо преодолеть некоторые стереотипы и предубеждения, устойчиво укрепившиеся в сознании многих из-за не вполне адекватного восприятия смысловой нагрузки экономической категории «рента».

Во-первых, едва ли не общепринятой у нас является точка зрения, согласно которой горная рента, например, должна изыматься в пользу общества, а не присваиваться отдельными субъектами экономических взаимоотношений, потому что в соответствии со ст. 1.2 федерального закона «О недрах» «недра в границах территории Российской Федерации, включая подземное пространство и содержащиеся в них полезные ископаемые, энергетические и иные ресурсы являются государственной собственностью». Эта логика пропитана предпосылками теории предельной производительности, согласно которой природные ресурсы — такой же фактор производства, как труд и капитал, а рента трактуется просто как доля в конечном продукте, созданная данным производственным ресурсом, количественно равная произведению его предельного продукта на количество применяемого фактора. В таком случае в действительности право собственности на производственный ресурс дает основание для получения дохода, «созданного» им.

Следует иметь в виду, что, принимая эту формулировку, мы автоматически соглашаемся с тем, что все факторы производства продуктивны¹³ и в составе конечного продукта различимы доли, как бы «по отдельности» произведенные трудом, капиталом, природными ресурсами и вообще любым участником производственного процесса. В общем, если придерживаться точки зрения, подобной только что изложенной, можно согласиться, что если бы в России господствовала частная собственность на недра, то общество и в самом деле не имело бы «морального» права претендовать на присвоение некоторой доли или тем более всей горной ренты.

Заметим, однако, что вне зависимости от формы собственности на природные ресурсы общество может и должно изымать в свою пользу «плату за использование услуг сил природы», ибо в противном случае возникнут так называемые некомпенсируемые общественные издержки. В этой связи уместно вспомнить «классический» рентный подход к анализу природы возникновения доходов. Предположим, что некоторый ресурс, необходимый в производственном процессе, редок, иначе говоря, его предложение абсолютно неэластично в долгосрочном или краткосрочном периоде. Очевидно, что между организаторами производственного

процесса возникнет конкуренция за право обладания им, вследствие чего данный фактор, даже если изначально он является «бесплатной услугой сил природы», приобретет некоторую ненулевую стоимость, а следовательно, возникнут издержки, обусловленные необходимостью его вовлечения в производственный процесс, размер которых будет варьироваться помимо всего прочего в зависимости от качественных характеристик этого фактора. Другими словами, рента есть издержки и одновременно доход, которые возникают из-за того, что предложение некоторого производственного ресурса абсолютно неэластично в долгосрочной или краткосрочной перспективе; в первом случае мы говорим о собственно ренте, во втором — о квазиренте. Размер последних может зависеть, как уже отмечалось, от качественных параметров редкого фактора, и это вполне предсказуемо, поскольку чем они выше, тем, очевидно, ожесточеннее конкуренция и больше «приобретенная» ценность. Таким образом, уместно различать собственно «ренту редкости» и дифференциальную надбавку за качество — дифференциальную ренту¹⁴.

Приведенные рассуждения позволяют сделать два важных вывода. Первый — просто констатация того факта, что рента возникает вне зависимости от того, какова форма собственности на редкий ресурс — общественная или частная. Второй, наиболее важный вывод заключается в том, что само по себе существование ренты порождает очевидные общественные издержки, ибо организаторы производственного процесса почти наверняка будут стремиться включить в состав цены соответствующие индивидуальные издержки, т. е. переложить их бремя на конечных потребителей. В таком случае адекватная реакция государства должна состоять в полном изъятии ренты (за исключением той ее дифференциальной части, существование которой обусловлено капиталовложениями в улучшение качества рентообразующего ресурса) у организаторов производственного процесса, номинальных собственников редкого фактора и вообще у всех индивидов, присваивающих соответствующие доходы. Подобные мероприятия скорее всего не окажут существенного влияния на механизмы ценообразования, т. е. цена конечного продукта не снизится. Однако они позволят по крайней мере отчасти компенсировать описанный негативный эффект за счет создания тех или иных общественных благ, финансовой базой для чего послужат изъятые рентные доходы.

В противном случае мы, граждане страны, экспортирующей нефть в гигантских объемах, будем приобретать бензин по тем же ценам, что и в США, а всевозможные софисты от науки будут доказывать, что такое положение необходимо увековечить

во имя рынка и радужных перспектив скорейшего вступления в ВТО. Именно поэтому нейтральный научный термин «рента», сыгравший большую и весьма плодотворную роль в развитии экономической науки, в России почти повсеместно воспринимается исключительно в негативном смысле, как синоним словосочетания «незаработанный доход». В связи с этим природные ресурсы должны находиться в общественной, а не в частной собственности, поскольку только это дает законные с юридической точки зрения основания для изъятия обществом соответствующих рент, несмотря на то, что экономическая обоснованность такой меры очевидна. Наконец, если обратиться к истории, как раз поэтому экономисты-классики еще в XVIII—XIX вв. пришли к важному практическому выводу: ничего не изменится, если однажды все землевладельцы как общественный класс исчезнут с лица земли ¹⁵.

Второе распространенное заблуждение заключается в том, что изъятие горной ренты в России потребует внесения в налоговое законодательство неких сложных, революционных изменений. По крайней мере в отношении нераспределенного фонда недр этот вывод представляется в высшей степени неочевидным.

В нашей стране право пользования недрами предоставляется исключительно на состязательной основе ¹⁶. При этом победителем аукциона, например, признается недропользователь, предложивший максимальную сумму бонуса ¹⁷, а стартовые размеры последнего определяются органом управления государственным фондом недр. Другими словами, бонус или разовые платежи за пользование недрами при наступлении определенных событий, оговоренных в лицензии, с экономической точки зрения есть не что иное как рыночная цена месторождения. Что же в таком случае является «естественной» ценой (ценой длительного периода времени) и как ее определять? Еще Д. Рикардо было известно, что стоимость земельного участка может быть определена как ожидаемый суммарный рентный доход с поправкой на текущую норму процента. В принципе, это очевидный вывод: землевладелец, оказываясь от своего участка, автоматически отказывается от земельной ренты, таким образом, адекватное вознаграждение должно по крайней мере компенсировать эти потери.

Все это на самом деле означает, что стартовый размер бонуса («естественная» цена месторождения, определяемая как сумма альтернативных издержек) должен включать горную ренту, продисконтированную с учетом ставки процента, за весь период разработки месторождения. В данном случае общество выступает в роли владельца «редкого» ресурса, а недропользователь — в роли организатора производственного процесса. Таким образом,

горная рента, по крайней мере на «новых» участках недр, может изыматься уже сейчас при помощи бонусов, причем такой подход является наиболее «естественным».

На практике основная сложность его реализации будет состоять, очевидно, в адекватном определении стартовых размеров разовых платежей. При этом главная проблема здесь заключается не в отсутствии соответствующего методического инструментария, а в необходимости преодоления неизбежного противодействия со стороны недропользователей. Если этого сделать не удастся, мы и впредь будем наблюдать за управленцами самой высокой иерархии, назначающими размеры бонусов на минимальном уровне¹⁸, т. е. на уровне 10% годовой суммы налога на добычу полезных ископаемых, и при этом обстоятельно и со знанием дела рассуждающими о необходимости изъятия в пользу общества горной ренты.

Следует иметь в виду, что «цена» месторождения, определенная по рентному принципу, даже для так называемых маргинальных участков недр может быть весьма существенной. Поэтому, быть может, не имеет смысла требовать от недропользователей единовременного возмещения всей суммы бонуса, а правильнее разнести ее по годам, корректируя каждую «регулярную» часть с учетом ценовой конъюнктуры рынков минерального сырья и ставки процента. Практическая проекция описанного подхода может существенным образом варьироваться от случая к случаю. Однако элементарная идея метода, возраст которой насчитывает уже более двух сотен лет, не оставляет сомнений в том, что по большому счету проблемы изъятия горной ренты, по крайней мере в отношении еще не распределенного фонда недр, нет.

Что касается распределенного фонда недр, то обсуждаемая проблема представляется несколько более сложной. Однако это опять же зависит от того, под каким углом зрения смотреть на этот вопрос. Мы не слишком сильно согрешим против истины, если заметим, что российские вертикально интегрированные компании получили свои базовые месторождения, если так можно выразиться, «по наследству», не заплатив за это ни копейки. Почему же сейчас мы не можем рассматривать эту «сделку» как своего рода возвратный кредит, выданный обществом частным хозяйствующим субъектам — недропользователям, за который пришло время расплачиваться посредством, например, доначисления тех же самых бонусов? Чтобы сделать такой подход законным и юридически обоснованным, достаточно внести соответствующие изменения в лицензионные соглашения. Почему же в этом направлении практически ничего не делается? Вообще создается впечатление, что бесконечные наукообразные прения

и дискуссии, развернутые властными институтами вокруг природной ренты, являются только имитацией бурной деятельности, прикрывающей полное нежелание решать данную проблему. В противном случае невозможно понять, почему мы изобретаем сложности там, где их на самом деле нет.

Идея «доначисления бонусов», как представляется, весьма актуальна и своевременна еще по одной причине. Представим, что при помощи некоего гипотетического налога, введенного в действие, как это полагается, в новом финансовом году, общество сможет полностью изымать горную ренту. Ясно, что это перераспределение будет охватывать рентные доходы начиная с 2005 г., а тем, что имели место раньше, мы, выходит, объявляем налоговую амнистию. То есть, другими словами, общество безропотно смирится с теми необоснованными издержками, бремя которых несет на протяжении вот уже десяти лет. Такое решение проблемы (если это можно считать решением) бесконечно далеко от оптимального. Представляется, что определенного сближения можно добиться как раз посредством возмещения недропользователями рентной стоимости своих месторождений, т. е. путем уже упомянутого «доначисления бонусов».

Резюмируя изложенное, можно заметить, что решение лежит у нас под ногами и его осталось лишь поднять. Вместо этого мы начиная с 2002 г. долго обсуждаем идею дифференцирования ставки налога на добычу полезных ископаемых, подробленную людьми, в сознании которых она каким-то образом мирно уживается с «плоской» шкалой подоходного налога.

Перейдем, однако, к обсуждению других подходов к изъятию горной ренты. Предварительно необходимо уяснить, какой из двух альтернативных точек зрения мы придерживаемся: считаем, что рентную составляющую конечного продукта можно исчислять и изымать точно, напрямую или только приближенно, косвенным, опосредованным образом. Ответ на этот вопрос зависит главным образом от нашей «веры» в теорию предельной производительности с ее аппаратом производственных функций, регрессионным анализом и прочими достижениями математической экономики. Вместе с тем, даже не вдаваясь в дискуссии, можно заметить, что единственную надежду на точное изъятие ренты во всех ее ипостасях (абсолютной и дифференциальной) оставляет только режим концессий, в российской практике — соглашений о разделе продукции (СРП). В самом деле, обычный налоговый режим с его стремлением к простоте и унификации в любом случае будет в этом смысле крайне негибким и неповоротливым. В действительности любой налог, какой бы прогрессивной и разнообразной ни была его шкала, почти наверняка в отдельных случаях приведет

к изъятию части нормативной прибыли, а в других — оставит незатронутой часть дифференциальной составляющей горной ренты. В противовес этому концессия, СРП и вообще какая бы то ни было гражданско-правовая форма взаимодействия государства и недропользователей по определению предоставляет несравненно больше возможностей для индивидуального подхода к каждому конкретному месторождению, в частности, для точного определения величины генерируемой им ренты.

Косвенным подтверждением такой логики является тот факт, что соглашения о разделе продукции совершенно не прижились в России. Думается, связано это не с зарегулированностью, заадминистрированностью и забюрократизированностью СРП, как это пытаются представить отдельные представители добывающей промышленности, а с осознанием большинством недропользователей той мысли, что современная концессия предоставляет концеденту широкие возможности для лимитирования деятельности концессионера, например, издержек его производственной деятельности, что неизбежно, по крайней мере в условиях нашей страны, повлечет за собой большую фискальную нагрузку на инвестиционный проект, чем гарантирует действующая налоговая система. Этот недостаток СРП для частных хозяйствующих субъектов является закономерным продолжением основного его преимущества для государства — возможности индивидуального подхода к экономическому анализу распределения потенциальных выгод от разработки каждого конкретного участка недр. Таким образом, во имя исчерпывающего решения проблемы изъятия горной ренты, быть может, имеет смысл постепенно переориентировать российскую систему предоставления права пользования недрами на концессионную основу.

Существуют и другие подходы к точному исчислению и перераспределению ренты, образующейся в добывающейся промышленности. Например, можно попытаться интегрировать в состав ставки налога на добычу полезных ископаемых некий набор поправочных коэффициентов, интерпретирующих влияние на размер дифференциальной ренты горно-геологических, экономико-географических, климатических и иных условий разработки месторождений. По предыдущей части статьи видно, что мы не являемся горячими поклонниками такого подхода. Объясняется это довольно тривиальным образом: никаким сколь угодно большим, но конечным набором коэффициентов не удастся даже в первом приближении точно отразить в налоговой ставке все многообразие факторов, влияющих на размер дифференциальной надбавки к «ренте редкости». Другими словами, здесь мы опять сталкиваемся с имманентным стремлением налоговой системы к унифи-

кации, которая в данном случае совершенно неуместна, поскольку экономическая категория «качество» (редкого ресурса, в данном случае участка недр) подразумевает практически бесконечное количество его проявлений. Некий конечный набор индикаторов может довольно удачно, т. е. практически исчерпывающе характеризовать относительные преимущества данного участка недр и быть совершенно бесполезным в этом смысле для другого месторождения.

Эти рассуждения можно считать фундаментальным возражением против идеи дифференциации ставки налога на добычу полезных ископаемых. Но можно сформулировать и другие, может быть, несколько более субъективные замечания. Так, не вполне понятно, как увязать значение того или иного поправочного коэффициента со значением индикатора, избранного для описания качества участка недр. Допустим, насколько должна снижаться базовая ставка налога на добычу полезных ископаемых, если выработанность месторождения очень высока, т. е. превышает 90% начальных извлекаемых запасов? Думается, современная экономическая наука не способна ответить на такие вопросы, поскольку количественная взаимосвязь динамики одного из параметров качества редкого фактора и образуемой им дифференциальной ренты в высшей степени нетривиальна.

Можно упомянуть еще один часто встречающийся контраргумент в адрес подхода, основанного на введении поправочных коэффициентов. Как уже отмечалось, для того чтобы он «работал», необходимо достаточно большое количество коэффициентов, однако это до предела осложнит, а может быть, сделает вовсе невозможным соответствующее налоговое администрирование. Не вполне понятно, следует ли воспринимать подобные рассуждения всерьез: государству, изначально «кивающему» на некомпетентность своих налоговых служб, лучше вообще сразу отказаться от изъятия горной ренты, поскольку по очевидным причинам никакое проявление слабости в таких вопросах совершенно неуместно.

Наконец, можно попытаться преодолеть некоторые имманентные недостатки налоговой системы, в частности, пресловутое стремление к унификации, и попытаться интегрировать в идею дифференциации ставки налога на добычу полезных ископаемых элементы «индивидуального» подхода посредством делегирования полномочий по определению величин поправочных коэффициентов некому коллегиальному органу (или органам), составленному из представителей властных институтов и научной общественности, так сказать, «на местах». Трудно сказать, насколько это уместно в сложившихся реалиях российского обще-

ства, однако очевидно, что такой подход вызовет целый шквал протестов со стороны денежных властей страны, и учитывая, какой административный ресурс сосредоточен в их руках, несложно предугадать полное забвение этой идеи.

Резюмируя сказанное, отметим, что, по нашему глубокому убеждению, среди всех возможных подходов к изъятию горной ренты подход, основанный на дифференциации налога на добычу полезных ископаемых, вызывает наибольшие возражения, и именно поэтому делать ставку только на него нецелесообразно.

Остановимся вкратце на «косвенных» методах изъятия горной ренты. Без ограничения общности рассуждений можно утверждать, что все они так или иначе основаны на том представлении, что горная рента образует сверхнормативную прибыль в добывающей промышленности. В таком случае ее можно изъять при помощи налога на прибыль корпораций, придав ставке последнего некоторые элементы прогрессивности: скажем, если рентабельность разработки месторождения меньше или равна некой нормативной величине, налогообложение прибыли производится по «умеренной» ставке в те же 24%, если же наоборот — тогда на всю сверхнормативную прибыль налоговая нагрузка резко повышается до 70—80%.

Попытаемся оценить все плюсы и минусы такого подхода. К числу его несомненных достоинств следует причислять, во-первых, простоту, разительно отличающую его, скажем, от идеи дифференцирования ставки налога на добычу полезных ископаемых при помощи неких технико-технологических коэффициентов, а также то, что данный механизм в той или иной национальной интерпретации с успехом применяется во многих странах, где добывающая промышленность является одной из базовых отраслей экономики. В качестве примера можно привести большинство стран ОПЕК, Норвегию, а с недавнего времени и Казахстан, в котором ставка налога на прибыль в нефтегазовом секторе с 2004 г. повышена с 25—30% до 60—85%.

Между тем необходимо признать, что у этого подхода помимо явных достоинств есть и очевидные недостатки, тем более если рассматривать его в проекции на российскую действительность. В самом деле, во-первых, попытаемся ответить на вопрос, что мы подразумеваем под «нормативной» прибылью. Это в высшей степени важный вопрос, поскольку если в понимание этой категории вкрадется ошибка, действие налогового механизма приведет к изъятию части «обоснованной» прибыли, генерируемой добывающей промышленностью. Со времен классиков экономисты трактуют «нормативную» прибыль буквально, как процент на вложенный капитал. Таким образом, в качестве «нормальной» рен-

табельности мы должны рассматривать рыночную ставку банковского процента. Но существуют и другие, альтернативные варианты идентификации «нормативной» прибыли. Можно назвать по крайней мере один, который заключается в отождествлении «норматива» со средней нормой прибыли, присущей данной экономике. В теории между этими подходами нет принципиальной разницы, поскольку в долгосрочном периоде в условиях рыночного равновесия ставка процента определяется нормой прибыли. Однако большинство реальных экономических систем являются неравновесными, поэтому на практике придется делать выбор, и до конца не ясно, какой из альтернативных вариантов предпочтителен.

Во-вторых, необходимо ясно осознавать, что в любой отрасли экономики, в том числе и в добывающей промышленности, сверхнормативная прибыль образуется не только из-за горной ренты. Собственно, до сих пор среди экономистов нет ясности и однозначного понимания того, почему в тех или иных случаях образуется экономическая прибыль. Объясняется это главным образом тем, что в экономическом анализе господствует неоклассический подход, который в принципе не оставляет места исследованиям неравновесных ситуаций. Вместе с тем очевидно, что в состав сверхнормативной прибыли, если трактовать категорию «прибыль» просто как доход владельцев капитала, может входить не только горная рента, но и плата за управление и плата за неопределенность, а также ренты и квазиренты, образующиеся из-за редкости в долгосрочном или краткосрочном периоде других факторов производства. В таком случае имеет ли общество моральное право под эгидой изъятия природной ренты перераспределять в свою пользу всю сверхнормативную прибыль? Это крайне нетривиальный вопрос, если вспомнить, что в состав последней входит управленческая рента дифференциальной природы, образующаяся из-за дефицитности эффективного управленческого фактора, и квазирента Шумпетера, являющаяся результатом инновационной деятельности предпринимателей. В любом случае ясно, что необходима крайняя осторожность при определении конкретных ставок налога на сверхнормативную прибыль, ибо в противном случае действие данного механизма породит несправедливость, которая, в свою очередь, вызовет острое неприятие и протест со стороны экономических агентов.

В-третьих, главные опасения относительно перспектив внедрения обсуждаемого подхода мы связываем с некоторыми иррациональными компонентами поведения хозяйствующих субъектов в российской экономике. Речь идет о практике «раздувания» издержек в целях минимизации базы по налогу на прибыль,

широкое распространение которой само по себе является убийственным аргументом против введения соответствующей прогрессивной ставки. В действительности коль скоро предприятия могут почти неограниченно прибегать к манипулированию производственными издержками в целях налогового учета, ни одна компания просто не попадет под обложение прибыли по высоким ставкам, и эффект от прогрессивности окажется пренебрежимо малым.

Что же позволяет хозяйствующим субъектам в отечественной экономике столь эффективно использовать разнообразные схемы «минимизаций и оптимизаций» — слабость налоговых служб или, быть может, несовершенство самого налогового законодательства? Думается, главным образом ни то, ни другое. Основная проблема кроется в специфической структуре собственности, в частности чрезмерной концентрации капитала. В действительности на первый взгляд в России, также как и в странах с развитыми рынками, преобладает частная корпоративная собственность: например, все без исключения вертикально интегрированные нефтяные компании являются открытыми акционерными обществами со всеми внешними атрибутами, присущими американским корпорациям. Однако сходство по большому счету на этом и заканчивается. В самом деле, для американских и вообще западных компаний характерно значительное распыление капитала между множеством миноритарных акционеров, которые не являются менеджерами фирм, т. е. попросту инсайдерами. В России все наоборот — контрольные пакеты сосредоточены в руках небольшой группы менеджеров. Последним в принципе все равно — приобретать те или иные экономические блага (в том числе и предметы роскоши) за счет фирмы или за свой собственный счет, поскольку совокупная полезность чистого дохода и потребляемых товаров и услуг нисколько не пострадает. Однако первый вариант позволит практически до любого предела сократить размер прибыли, подлежащей налогообложению, и в этом смысле он, несомненно, более предпочтителен. Подобные рассуждения можно довести до полного абсурда, и согласно такой логике вопиющая роскошь, которая окружает менеджеров крупных российских фирм, есть не излишества, а обязательные производственные издержки. Как бы то ни было, не следует исключать, что руководители западных корпораций и рады бы прибегнуть к подобным «оптимизациям», но им почти наверняка не позволят это сделать акционеры-аутсайдеры (коих, как уже отмечалось, большинство), потому что последним в любом случае не удастся поучаствовать в потреблении за счет фирм, а раздувание издержек нанесет сильный удар по их дивидендам.

Таким образом, в странах с развитыми рынками сама структура собственности ставит естественные преграды на пути широкого внедрения в корпоративное управление практики манипулирования издержками в целях налогового учета. Конечно, сложно требовать того же от отечественного народного хозяйства, и именно поэтому обсуждаемый подход к изъятию горной ренты может потерпеть неудачу в сложившихся реалиях. В принципе, можно попробовать обойти эту проблему путем навязывания нашим недропользователям экзогенного контроля государства за производственными издержками посредством исчерпывающей идентификации и лимитирования последних. Скорее всего это правильный путь, хотя на первый взгляд он выглядит не вполне по-рыночному. С другой стороны, при решении столь важного для российского общества вопроса, как изъятие природной ренты, нельзя связывать себя какими бы то ни было условностями и догматами.

Следует заметить, что в нашем обсуждении присутствует определенная незавершенность, так как до сих пор, изучая возможные подходы к изъятию горной ренты, мы так или иначе замыкались на налогах на корпорации — налоге на добычу полезных ископаемых, налоге на прибыль, бонусах и т. д. Вместе с тем рента, каковы бы ни были причины ее возникновения, присваивается не какими-то абстрактными компаниями, а вполне конкретными индивидами, имена которых всем хорошо известны. Таким образом, поднимая вопрос о необходимости перераспределения горной ренты в пользу общества, нужно начинать не с налога на прибыль или налога на добычу, а с налога на доходы физических лиц, прогрессивность которого является мощным и отлично зарекомендовавшим себя в истории развитых рынков инструментом совершенствования системы распределения. Однако об этом, как правило, тактично умалчивают, скорее всего в память о недавнем выступлении президента Путина, в котором он в директивной форме предложил увековечить «плоскую» шкалу подоходного налога.

Полагаем, нам удалось убедительно показать, что с методической точки зрения рассматриваемой проблемы не существует: мировая экономическая наука и практика выработали мощный и действенный инструментальный перераспределения рентных доходов, который с успехом применяется в странах, существенным образом отличающихся друг от друга по общественно-политическому устройству, уровню социально-экономического развития, культурным и национальным традициям и т. д. При этом нет никаких оснований считать, что они не могут успешно применяться и в России, за исключением, быть может, того, что по крайней

мере вначале это потребует от общества консолидации и мобилизации всех сил для оказания непрерывного прессинга на власть, чтобы она проявила необходимую в данном случае политическую волю, — но именно этого мы, граждане некогда великой страны, не можем добиться все последние годы. Вместе с тем в сложившихся реалиях российской экономики достаточно сложно отдать предпочтение тому или иному методу изъятия и перераспределения горной ренты, поскольку, как уже отмечалось, каждый из них обладает очевидными достоинствами и недостатками. Поэтому все они за исключением подхода, основывающегося на внедрении дифференциальных компонентов в ставку налога на добычу полезных ископаемых, в этом смысле по большому счету равноценны. Мы тем не менее склоняемся в пользу прогрессивного подоходного налога, поскольку, во-первых, его ныне действующая плоская шкала представляется абсолютно абсурдной на фоне колоссальной имущественной поляризации российского общества, а во-вторых, повторим еще раз, рента в настоящее время является основным источником доходов мажоритарных акционеров отечественных горнодобывающих корпораций, а следовательно, она может успешно изыматься в ходе налогообложения доходов физических лиц.

Примечания

¹ Цитата принадлежит Дж. С. Миллю. Подробнее см.: *Блауг М.* Экономическая мысль в ретроспективе. — М., 1994. — С. 194.

² Цитата принадлежит Ф. Г. Уикстиду. Подробнее см.: *Блауг М.* Указ. соч. — С. 451—452.

³ Представляется, что в широкой трактовке этот принцип является одним из важнейших идейных базисов рыночной экономики и демократического общества, поскольку рынок и демократия, вообще говоря, предполагают неравенство результатов, в том числе и экономической деятельности, но в то же время (по крайней мере в идеале) равенство условий для всех ее субъектов.

⁴ Сами американцы считают, что при такой предельной ставке подоходного налога, как в Швеции (75%), в США никто бы не стал работать в легальной экономике.

⁵ См., например: *Кислицина О. А.* Неравенство доходов в России в переходный период: чем оно объясняется? — М.: ЕЕРС, 2003. — С. 53—55.

⁶ *Христенко В.* Развитие бюджетного федерализма в России: итоги 1990-х годов и задачи на перспективу // *Вопр. экономики.* — 2002. — № 2. — С. 4—19.

⁷ Обобщенно суть «эффекта Лаффера» заключается в предположении существования такой налоговой ставки, при которой налоговые поступления максимизируются. Впервые эта идея была сформулирована американскими экспертами во главе с профессором А. Лаффером в отношении подоходного налога.

⁸ Скорее наоборот — вспомним, что «эффект Лаффера» не сработал в период президентства Р. Рейгана: хотя снижение налогов и привело к росту деловой активности в стране, но одновременно оно затруднило реализацию социальных программ. Не в последнюю очередь благодаря этому среди американцев принято собирательно характеризовать результаты экономической политики тогдашней администрации следующей выразительной форулой: «богатые стали богаче, а бедные — беднее».

⁹ *Каплинский Р.* Распространение положительного влияния глобализации: анализ «цепочки» приращения стоимости // *Вопр. экономики.* — 2003. — № 10. — С. 4—27.

¹⁰ *Ясин Е.* Структурный маневр и экономический рост // *Вопр. экономики.* — 2003. — № 8. — С. 4—31.

¹¹ *Васильева А., Гурвич Е., Субботин В.* Экономический анализ налоговой реформы // *Вопр. экономики.* — 2003. — № 6. — С. 38—60.

¹² Перераспределение региональных доходов в рамках системы межбюджетных отношений в России / П. Кадочников, С. Синельников-Мурылев, И. Трунин, С. Четвериков // *Вопр. экономики.* — 2003. — № 10. — С. 77—94.

¹³ Что совершенно неочевидно с точки зрения, например, классической теории земельной ренты, австрийской теории капитала или тем более учения К. Маркса.

¹⁴ Вместе с тем данное различие имеет во многом условный характер. По выражению А. Маршалла, «в известном смысле все виды ренты являются рентами, обусловленными редкостью, и все виды ренты являются дифференциальными рентами».

¹⁵ *Блауг М.* Указ соч. — С. 75.

¹⁶ См. федеральный закон «О недрах» от 21 февраля 1992 г. № 2395, «Положение о порядке лицензирования пользования недрами», утвержденное постановлением Верховного совета Российской Федерации от 15 июля 1992 г. № 3314-1.

¹⁷ В российской налоговой практике — разовые платежи за пользование недрами при наступлении определенных событий, оговоренных в лицензии. См. ст. 40 закона «О недрах».

¹⁸ Определено ст. 40 закона «О недрах».

Заключение

Представленные в сборнике статьи отражают лишь малую толику перипетий, связанных с формированием гражданского общества в России. Однако этнический и конфессиональный аспекты этой проблемы порой приобретают особую остроту, служат своеобразной лакмусовой бумажкой отношений между государством и нарождающимся гражданским обществом. Ведь гражданское общество неизбежно несет в себе специфику традиции, в том числе политической культуры тех народов, которые участвуют в его формировании.

За описанными в статьях сборника проблемами видны глубокие и устойчивые тенденции, влияющие на характер развития многонациональных, поликонфессиональных регионов. Тем более что речь здесь идет о приверженцах двух самых многочисленных религий — православия и ислама. Обе они практически не скрывают своих претензий на участие в принятии решений в социальной и даже в политической областях.

Ряд материалов сборника посвящен Татарстану, который со многих точек зрения является одним из ключевых регионов Российской Федерации. Известно, например, что развитие российского федерализма шло в значительной степени под влиянием отношений между Москвой и Казанью. На Татарстан, на то, каким образом идет там становление гражданского общества, с нескрываемым любопытством глядят соседи из Волжского региона, с Южного Урала, проявляют интерес и на Северном Кавказе.

Формирование гражданского общества в России, в целом на постсоветском пространстве проходит непоследовательно и противоречиво, но тем не менее носит необратимый характер. В противном случае все возникшие здесь государства обречены на вечное пребывание в прединфарктном экономическом и политическом состоянии.

Путь к созданию такого общества долг, а возможности его совершенствования поистине безграничны. Московский Центр Карнеги продолжает отслеживать и анализировать разные стороны этого процесса, посвящая ему семинары, конференции, публикации.

Summary

This volume is a collection of papers delivered at the conference “Civil Society in Multi-Ethnic and Poly-Confessional Regions,” which took place June 2-3, 2004, in the Tatar capital of Kazan. This meeting was organized by the Carnegie Moscow Center’s Ethnicity and Nation-Building Program, which is co-chaired by Aleksei Malashenko, a scholar-in-residence with the Carnegie Moscow Center, and Martha B. Olcott, a senior associate with the Washington-based Carnegie Endowment for International Peace.

The wide array of issues discussed during the conference all concerned the influence of ethnic or confessional characteristics on the formation of civil society in the regions represented by the participants.

The volume opens with a theoretical article by Lilia Nizamova of Kazan State University. In her piece, Nizamova considers the problems of multiculturalism in Russia, its positive potential and the consequences that can follow when the phenomenon is evaluated incorrectly. Nizamova notes that multiculturalism will continue to be a determining feature of Russia’s future, considering the nation’s ethnically and religiously diverse society.

The following piece comes from a government official, Rinat Nabiev, chairman of the Council of Religious Affairs under the Cabinet of Ministers of the Republic of Tatarstan. Nabiev considers the relationship of the state and religious organizations in the field of philanthropy, supplementing his analysis with previously unpublished information.

The author of the third article, Sergei Gradirovsky, director of the Center of Strategic Research in the Volga Federal District, partially agrees but partially disagrees with Nizamova’s statements. He argues that especially in the current situation the presence of a multitude of confessions can be a restriction for the building of civil society.

The next article is written by the Deputy Mufti of Tatarstan, Yagkub Valiula, who closely examines the role and position of Tatars in the Russian Muslim community. Tatars are the largest Islamic ethnos that is traditionally politically active and has a keen sense of national identity. The author seeks to answer questions about the future of this ethnic group.

In the fifth article, Venalij Amelin writes about tolerance issues in the Orenburg Region. His piece contains a great deal of statistical

data. He analyzes the ethnic policies of the regional administration, which he praises as a good example of establishing harmonious relations between different ethnic groups.

A very controversial issue is raised in the article by eminent Kazan scholar Rafik Muhametshin – the question of converting from the Cyrillic to the Latin alphabet. This problem has become a political one and it highlights the difficulties in relations between Moscow and Kazan. While the process of conversion was officially terminated, the debates in Tatar society continue.

The volume ends with an article by Galina Morozova and Svyatoslav Gusev, who give a detailed analysis and evaluation of Tatarstan's fiscal policy.

О Фонде Карнеги

Фонд Карнеги за Международный Мир является неправительственной, внепартийной, некоммерческой организацией со штаб-квартирой в Вашингтоне (США). Фонд был основан в 1910 г. известным предпринимателем и общественным деятелем Эндрю Карнеги для проведения исследований в области международных отношений. Фонд не пользуется какой-либо финансовой поддержкой со стороны государства и не связан ни с одной из политических партий в США или за их пределами. В его компетенцию не входит предоставление грантов (стипендий) или иных видов финансирования. Деятельность Фонда Карнеги заключается в выполнении намеченных его специалистами программ исследований, организации дискуссий, подготовке и выпуске тематических изданий, информировании широкой общественности по различным вопросам внешней политики и международных отношений.

Сотрудниками Фонда Карнеги за Международный Мир являются эксперты, которые используют в своей практике богатый опыт в различных областях деятельности, накопленный ими за годы работы в государственных учреждениях, средствах массовой информации, университетах, международных организациях. Фонд не представляет точку зрения какого-либо правительства и не стоит на какой-либо идеологической или политической платформе, поэтому спектр взглядов его сотрудников довольно широк.

Идея создания Московского Центра Карнеги родилась в 1992 г. с целью реализации широких перспектив сотрудничества, которые открылись перед научными и общественными кругами США, России и новых независимых государств после окончания периода «холодной войны». С 1994 г. в рамках программы по России и Евразии, реализуемой одновременно в Вашингтоне и Москве, Центр Карнеги осуществляет широкую программу общественно-политических и социально-экономических исследований, организует открытые дискуссии, ведет издательскую деятельность.

Основу деятельности Московского Центра Карнеги составляют циклы семинаров по внутренней и внешней политике России, по проблемам нераспространения ядерных и обычных вооружений, российско-американских отношений, безопасности, гражданского общества, а также политических и экономических преобразований на постсоветском пространстве.

CARNEGIE ENDOWMENT FOR INTERNATIONAL PEACE
1779 Massachusetts Avenue, NW Washington, DC 20036, USA
Tel.: (202) 483-7600
Fax: (202) 483-1840
E-mail: info@ceip.org
<http://www.ceip.org>

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ
Россия, 125009, Москва, Тверская ул., 16/2
Тел.: (095) 935-8904
Факс: (095) 935-8906
E-mail: info@carnegie.ru
<http://www.carnegie.ru>

Гражданское общество в многонациональных и поликонфессиональных регионах

Редактор А. И. ИОФФЕ

Дизайн и верстка Д. А. БАСИСТЫЙ

Изд. лиц. № 060437 от 26.11.1996.

Подписано к печати 14.03.2005.

Формат 60x90^{1/16}. Бумага офсетная.

Гарнитура Журнальная.

Печать офсетная. Усл. п. л. 7,4.

Тираж 800 экз.

Издательство «Гендальф». Москва, Крымский вал, 8.